

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОЛОГИЯ
научные исследования

AURORA Group s.r.o.
nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 06-11-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филологических наук, e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 06-11-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Sheremet'eva Elena Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk, e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорbonна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич — доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна — доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvgfu.ru

Смирнов Алексей Викторович — доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна — доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Соловьев Эрих Юрьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения РФ Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна — ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры

истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17,
mihailovan@inbox.ru

Кьюцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры "Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала«Язык и текст»

Консон Григорий Рафаэльевич — доктор искусствоведения, профессор кафедры социологии и философии культуры, начальник отдела прикладной докторантury и подготовки научных кадров в докторантуре Российского государственного социального университета, член-корреспондент РАЕ, член Федерального реестра экспертов научно-технической сферы, член Российского экспернского совета библиографической и реферативной базы данных «Scopus».

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Водясова Любовь Петровна - доктор филологических наук, профессор, 430033, Россия, республика Мордовия, г. Республика Мордовия, г Саранск, ул. Волгоградская, д. 106, корп. 1, кв. 29, ул. Волгоградская, 106 /1, кв. 29, L_Vodjasova@yandex.ru

Габышева Луиза Львовна - доктор филологических наук, Федеральное государственное

автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», профессор, 677007, Россия, Саха (Якутия) область, г. ЯКУТСК, ул. Кулаковского, 42, оф. 104 а, ogonkova-jenya@yandex.ru

Гордова Юлиана Юрьевна - доктор филологических наук, ФГБУН Институт языкоznания РАН, старший научный сотрудник сектора прикладного языкоznания, 390006, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Грибоедова, 9, кв. 4, gordova@iling-ran.ru

Дергачева Ирина Владимировна - доктор филологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет, профессор, 121248, Россия, г. Москва, Набережная Тараса Шевченко, 3 корпус 2, кв. 172, krugh@yandex.ru

Долгенко Александр Николаевич - доктор филологических наук, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, 128050, Россия, Москва, г. Москва, ул. Врубеля, 12, каб. 403, adolgenko@mail.ru

Дубова Марина Анатольевна - доктор филологических наук, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", профессор кафедры русского языка и литературы, 140 410, Россия, РФ область, г. Коломна, ул. Ленина, 67, кв. 100, dubovama@rambler.ru

Ицкович Татьяна Викторовна - доктор филологических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, профессор, 620105, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. просп. Акад. сахарова, 47, кв. 73, taniz0702@mail.ru

Лифанов Константин Васильевич - доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор, 119501, Россия, г. Москва, ул. Веерная, 22, 22, корпус 2, кв. 26, lfanov@hotmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Селендили Лемара Сергеевна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», профессор кафедры крымскотатарской филологии Института филологии (сп), 295007, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Беспалова, 45-б, 214, lemara2002@hotmail.com

Семенова Валентина Григорьевна - доктор филологических наук, Северо-Восточный федеральный университет, Заведующая кафедрой якутской литературы, доцент, 677007, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 235, semenova_ykt@mail.ru

Соколова Алина Юрьевна - доктор филологических наук, Тверской государственный медицинский университет, профессор кафедры иностранных и латинского языков, 170005, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Благоева, 8/2, кв. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Уртминцева Марина Генриховна - доктор филологических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, заведующий кафедрой славянской филологии и культуры, 603005, Россия, Нижегородский область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 31-е, оф. 2, urtminzeva@yandex.ru

Чиршева Галина Николаевна - доктор филологических наук, ФГБОУ ИВО "Череповецкий государственный университет", профессор, 162677, Россия, Вологодская область, г. Череповец, Советский проспект, 8, каб. 601, chirsheva@mail.ru

Шаронова Елена Александровна - доктор филологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», профессор кафедры русской и зарубежной литературы, 430034, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Проспект 60 лет Октября, 10, кв. 24, sharon.ov@mail.ru

Шатилова Любовь Михайловна - доктор филологических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской педагогический университет", профессор, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный гуманитарно-технологический университет", профессор, 143980, Россия, Московская область, г. Балашиха, ул. Корнилова, 30, кв. 133, shatilova-79@mail.ru

Шереметьева Елена Сергеевна - доктор филологических наук, Дальневосточный федеральный университет, профессор кафедры русского языка и литературы, 690105, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Русская, 47, кв. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Шукров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, Ивановский государственный химико-технологический университет, заведующий кафедрой истории и культурологии, 153511, Россия, Ивановская область область, г. Кохма, ул. Ивановская, 92, кв. 35, shoudmitry@yandex.ru

Юхнова Ирина Сергеевна - доктор филологических наук, ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", профессор кафедры русской литературы, 603105, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Б. Панина, 4, кв. 128, yuhnova@yandex.ru

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна - доктор филологических наук, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, главный научный сотрудник, 450054, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Проспект Октября, 71, каб. 410,

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, ФГКУ ДПО "Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России", профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации, 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich — Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya — Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Smirnov Alexey Viktorovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Kofman Andrey Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Research Computing Center of Lomonosov Moscow State University

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Soloviev Erich Yurievich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of INION RAS, PhD, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna — Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze - Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Conson Grigory Rafailevich — Doctor of Art History, Professor of the Department of Sociology and Philosophy of Culture, Head of the Department of Applied Doctoral Studies and Training of Scientific personnel in the doctoral program of the Russian State Social University, corresponding member of the RAE, member of the Federal Register of Experts in the Scientific and Technical field, member of the Russian Expert Council of the bibliographic and abstract database "Scopus".

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Vodiasova Lyubov Petrovna - Doctor of Philology, Professor, 430033, Russia, Republic of Mordovia, Republic of Mordovia, Saransk, Volgogradskaya str., 106, building 1, sq. 29, Volgogradskaya str., 106 /1, sq. 29, LVodjasova@yandex.ru

Gabyshева Luisa Lvovna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov", Professor, 677007, Russia, Sakha (Yakutia) region, Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, office 104 a, ogonkova-jenya@yandex.ru

Gordova Juliana Yurievna - Doctor of Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Applied Linguistics Sector, 390006, Russia, Ryazan region, Ryazan, Griboyedov str., 9, sq. 4, gordova@iling-ran.ru

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Moscow State Psychological and

Pedagogical University, Professor, 121248, Russia, Moscow, Taras Shevchenko Embankment, 3 building 2, sq. 172, krugh@yandex.ru

Alexander N. Dolgenko - Doctor of Philology, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Department of Russian and Foreign Languages, 128050, Russia, Moscow, Vrubel str., 12, room 403, adolgenko@mail.ru

Dubova Marina Anatolyevna - Doctor of Philology, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State Social and Humanitarian University", Professor of the Department of Russian Language and Literature, 140 410, Russia, Russian Federation region, Kolomna, Lenin str., 67, sq. 100, dubovama@rambler.ru

Itskovich Tatiana Viktorovna - Doctor of Philology, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Professor, 620105, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, ave. Acad. sakharova, 47, sq. 73, taniz0702@mail.ru

Lifanov Konstantin Vasilyevich - Doctor of Philology, Lomonosov Moscow State University, Professor, 119501, Russia, Moscow, Veernaya str., 22, 22, building 2, sq. 26, lifanov@hotmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 liniya, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Selendili Lemara Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "V. I. Vernadsky Crimean Federal University", Professor of the Department of Crimean Tatar Philology of the Institute of Philology (SP), 295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Bespalova str., 45-b, 214, lemara2002@hotmail.com

Semenova Valentina Grigoryevna - Doctor of Philology, North-Eastern Federal University , Head of the Department of Yakut Literature, Associate Professor, 677007, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, room 235, semenova_ykt@mail.ru

Sokolova Alina Yurievna - Doctor of Philology, Tver State Medical University, Professor of the Department of Foreign and Latin Languages, 170005, Russia, Tver region region, Tver, Blagoeva str., 8/2, sq. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Urtmintseva Marina Genrikhovna - Doctor of Philology, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Head of the Department of Slavic Philology and Culture, office 2 Ulyanova str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603005, Russia, urtminzeva@yandex.ru

Chirsheva Galina Nikolaevna - Doctor of Philology, Cherepovets State University, Professor, 162677, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sovetsky Prospekt, 8, office 601, chirsheva@mail.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna - Doctor of Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, 430034, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Prospekt 60 let Oktyabrya str., 10, sq. 24, sharon.ov@mail.ru

Lyubov Mikhailovna Shatilova - Doctor of Philology, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the City of Moscow "Moscow City Pedagogical University", Professor, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State University of Humanities and Technology", Professor, 143980, Russia, Moscow region, Balashikha, Kornilaeva str., 30, sq. 133, shatilova-79@mail.ru

Russian Russian Elena Sergeevna - Doctor of Philology, Far Eastern Federal University, Professor of the Department of Russian Language and Literature, 690105, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russkaya str., 47, sq. 30, e.sheremeteva@gmail.com

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Ivanovo State University of Chemical Technology, Head of the Department of History and Cultural Studies, 153511, Russia, Ivanovo region, Kohma, Ivanovskaya str., 92, sq. 35, shoudmitry@yandex.ru

Yukhnova Irina Sergeevna - Doctor of Philology, Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Professor of the Department of Russian Literature, 603105, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, B. Panina str., 4, sq. 128, yuhnova@yandex.ru

Yagafarova Gulnaz Nurfaezovna - Doctor of Philology, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 450054, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Prospekt Oktyabrya str., 71, room 410,

Khabiba Sadyrova Shagbanova - Doctor of Philology, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute of Advanced Training, 625049, Russia, Tyumen, 75 Amurskaya str., khabibashagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

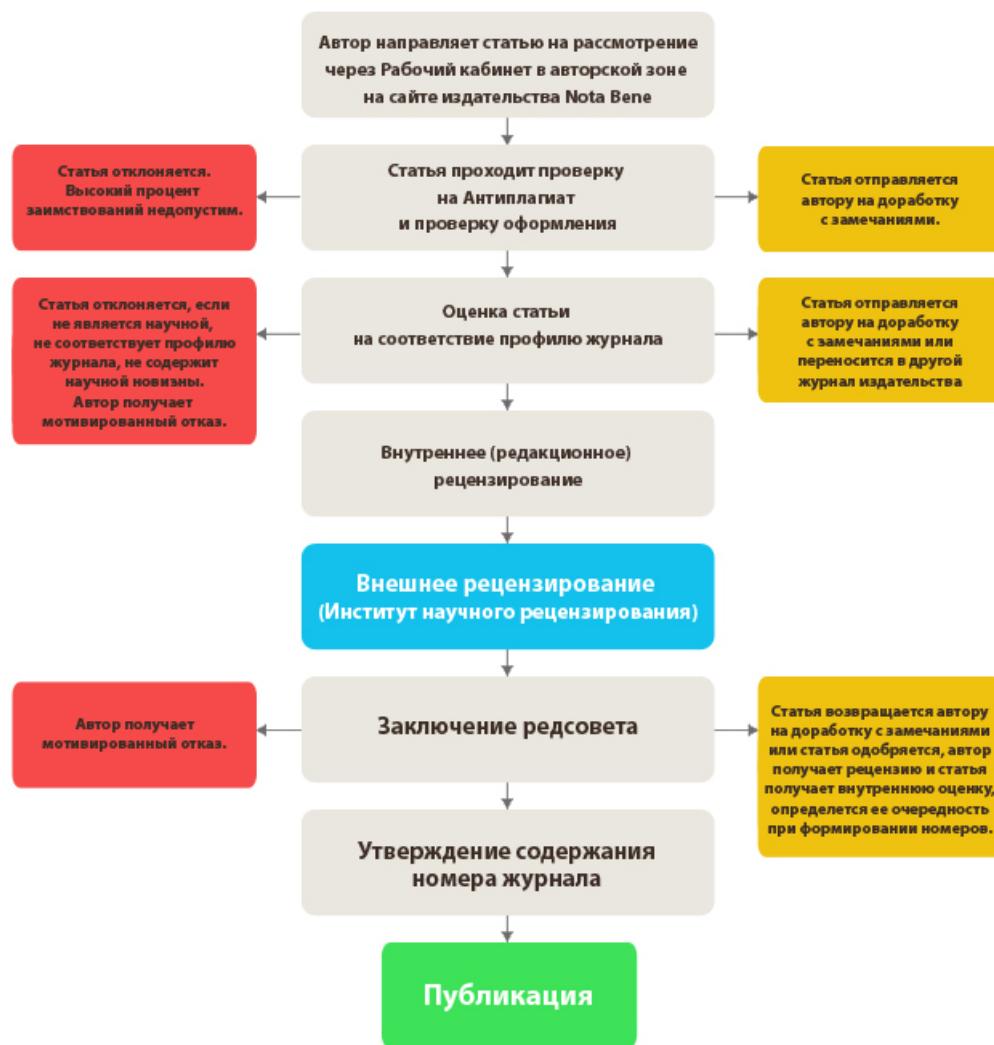
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Кольцова Н.В. Трансформация концепта ДЕНЬГИ в обыденном сознании носителей русской лингвокультуры с конца XX до первой трети XXI вв.	1
Гао Х. Драматизм казачьей жизни в произведениях Ф. Крюкова	9
Баребина Н.С., Фан Ч. К вопросу о лингвокультурных особенностях восточной модели аргументации в политической экологии	15
Галявиева Л.Ш., Каримова А.А., Хасанова О.В. Эстетический идеал современной женщины в англоязычной рекламе: социолингвистический аспект	28
Гавриш А.Д., Гуляева Е.В., Компанеева Л.Г. Характеристики современного научно-популярного дискурса	37
Константинова Н.В. «Путешествие Эраста Крутолобова в Москву и Петербург в 30-х годах XIX столетия» В. Новодворского как пародия на сентиментальную повествовательную модель травелога	50
Ефименко А.Е., Ефименко Н.А. Структурно-семантический анализ русских и китайских фразеологических единиц с нумеративом "три"	60
Голованивская М.К., Ефименко Н.А. Представление о понятии «удача» в русской и китайской культурах	84
Дьяченко Т.А. Ориентальный контекст топоса сада в русской поэзии <i>fin de siècle</i>	94
Англоязычные метаданные	101

Contents

Koltsova N.V. Transformation of the concept of MONEY in the everyday consciousness of the speakers of Russian linguoculture from the end of the XX to the first third of the XXI centuries.	1
Gao H. Dramatism of Cossack life in the works of F. Kryukov	9
Barebina N.S., Fan . On the question of the linguistic and cultural features of the Eastern Argumentative Model in Political Ecology	15
Galyavieva L.S., Karimova A.A., Khasanova O.V. The aesthetic ideal of a modern woman in English-language advertising: sociolinguistic aspect	28
Gavrilish A.D., Gulyaeva E.V., Kompaneeva L.G. Features of modern popular science discourse	37
Konstantinova N.V. "Erast Krutolobov's Journey to Moscow and St. Petersburg in the 30s of the XIX century" by V. Novodvorsky as a parody of the sentimental narrative model of travelogue	50
Efimenko A.E., Efimenko N.A. Structural and semantic analysis of Russian and Chinese phraseological units with the numeral "three"	60
Golovanivskaya M.K., Efimenko N.A. The idea of "luck" in Russian and Chinese cultures	84
Dyachenko T.A. The Oriental context of the <i>topos</i> of the garden in Russian "Fin de siècle" poetry	94
Metadata in english	101

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Кольцова Н.В. — Трансформация концепта ДЕНЬГИ в обыденном сознании носителей русской лингвокультуры с конца XX до первой трети XXI вв. // Филология: научные исследования. – 2023. – № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.10.68704 EDN: VSIKSD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68704

Трансформация концепта ДЕНЬГИ в обыденном сознании носителей русской лингвокультуры с конца XX до первой трети XXI вв.

Кольцова Надежда Викторовна

ORCID: 0000-0003-0854-3029

кандидат филологических наук

аспирант филологического факультета Российского университета дружбы народов

117198, Россия, г. Москва область, г. Москва, ул. Миклухо- маклая, 6

✉ navikoltsova@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.10.68704

EDN:

VSIKSD

Дата направления статьи в редакцию:

11-10-2023

Дата публикации:

18-10-2023

Аннотация: В данной статье представлены результаты исследования трансформации концепта ДЕНЬГИ в обыденном сознании носителей русской лингвокультуры в период с конца XX до первой трети XXI вв. и описание его актуального содержания. Актуальность данного исследования обусловлена существенным изменением реалий жизни в указанном промежутке времени, что не могло не найти отражение в обыденном сознании, а также применением особой методологии изучения концептов. Исследование было проведено в рамках триангуляционного подхода с использованием сочетания трех методов различных гуманитарных наук: ассоциативного эксперимента, метода рисуночных ассоциаций и социологического опроса. Комбинация данных методов

позволяет всесторонне изучить предмет и получить наиболее полное представление об изучаемом предмете. В результате анализа были выявлены значительные изменения в структуре и содержании концепта ДЕНЬГИ за указанный период, выявлены изменения в восприятии их как феномена, определен статус отечественной валюты, а также определено место финансового благополучия в системе ценностей рядовых носителей лингвокультуры. Предложенная методология и представленные выводы могут быть использованы при проведении иных психолингвистических исследований, а также быть полезны социологам и экономистам. Перспективу дальнейших исследований мы видим в дальнейшем отслеживании изменений концепта ДЕНЬГИ, а также в дальнейшем совершенствовании примененной методологии.

Ключевые слова:

концепт, деньги, триангуляция, обыденное сознание, русская лингвокультура, ассоциативный эксперимент, социологический опрос, рисуночные ассоциации, ассоциативный словарь, трансформация

Жители России за в последние 30 лет пережили серьезные политические преобразования, ряд экономических кризисов, были подвергнуты влиянию глобализации — все перечисленные факторы определенно повлияли на систему ценностей рядовых жителей страны и «ядро языкового сознания» [\[1, с. 638\]](#).

В связи с вышесказанным, целью данной работы является выявление изменений в структуре и содержании концепта ДЕНЬГИ в обыденном сознании представителей русской лингвокультуры. Под представителями русской лингвокультуры в данном исследовании мы имеем в виду любого носителя русского языка вне зависимости от его расовой принадлежности.

Новизна данного исследования состоит в том, что для получения наиболее полного представления о концепте мы использовали триангуляцию следующих методов: ассоциативный эксперимент, метод рисуночных ассоциаций и социологический опрос. Такое сочетание методов исключает однобокое представление предмета исследования, создает наиболее полное представление о нем. Триангуляция — это «компромиссное решение, способное максимизировать сильные и минимизировать слабые стороны каждого отдельного подхода» [\[2, с. 225\]](#). Н.К. Дензин в работе «The research act: a theoretical introduction to sociological methods», называл триангуляцией «разнобразие методов исследования» [\[3, с. 35\]](#), потому что таким образом «методы раскрывают различные аспекты эмпирической реальности» [Там же].

Ассоциативные данные мы взяли из опубликованных источников: «Русского ассоциативного словаря» под ред. Ю. Н. Караулова, и более современных источников — «Русского регионального словаря-тезауруса ЕВРАС» под ред. Черкасовой Г. А., Уфимцевой Н. В. и СИБАС — «Русской региональной ассоциативной базы данных» Уфимцевой Н. В. и Шапошниковой И. В.

Данные «Русского ассоциативного словаря» под ред. Ю. Н. Караулова были опубликованы в период с 1994–1999 год, сбор материалов проводился в период с 1987–1997 год. Для анализа были выбраны ответы респондентов в возрасте от 16 до 34 лет [\[4\]](#).

«Русский региональный словарь-тезаурус ЕВРАС» был опубликован в 2014 году, в нем представлены ассоциативные данные, полученные от жителей разных регионов нашей страны [\[5\]](#).

«Русская региональная ассоциативная база данных» пополняется до настоящего времени. Основной эксперимент был проведен в 2008–2013 гг. [\[6\]](#).

Все происходящие в общественно-политической жизни события находят отражение в обыденном языковом сознании рядовых носителей лингвокультуры, и анализ вербальных ассоциаций респондентов в разные периоды поможет нам их эксплицировать.

Языковое сознание — «взаимосвязи лексических единиц национального языка, обусловленные личным когнитивным и коммуникативным опытом» [\[7, с. 12\]](#). Оно частично отражает когнитивное сознание, формирующееся в результате познание действительности в том числе чувственным образом.

Поэтому для получения невербальных данных об актуальном содержании концепта ДЕНЬГИ мы использовали метод рисуночных ассоциаций. Участникам эксперимента было предложено зарисовать ассоциацию, которая возникла непосредственно при прочтении стимула.

Эксперимент проходил в 2017 году на базе юридического факультета РГГУ, в нем приняли участие 70 респондентов в возрасте 17–22 лет.

Локальный социологический опрос был также проведен в 2017 году. Респондентами выступили 79 студентов различных гуманитарных направлений, обучавшиеся в РУДН, РГГУ и МГПУ. Возраст участников: 17–25 лет.

Трансформация концепта ДЕНЬГИ в обыденном языковом сознании носителей русской лингвокультуры за последние 30 лет

Мы изучили данные каждого из трех выше представленных ассоциативных словарей, и с опорой на реакции каждого словаря реконструировали «семантические гештальты» [\[8, с. 193-194\]](#).

После этого был осуществлен подсчет количества реакций в каждом из них, и определено процентное соотношение в целях сопоставления данных трёх словарей.

Далее сопоставим полученные семантические гештальты, полученные по ассоциативным словарям разных периодов.

Исходя из представленного анализа, мы видим, что в СИБАС значительно увеличилось разнообразие реакций, содержание концепта стало значительно богаче и красочнее. Это говорит о том, что деньги как явление, приобрели особое значение в обыденном сознании носителей русской лингвокультуры. Согласно исследованию, отечественного психолингвиста Н.В. Уфимцевой, ДЕНЬГИ в первой трети XXI в. вошли в ядро языкового сознания: 5-я позиция согласно ЕВРАС и 4-я согласно СИБАС [\[1, с. 638\]](#).

ДЕНЬГИ стали вызывать прочную ассоциацию созлом, процент ответов с отрицательной коннотацией увеличился на 5 — 6%.

Наряду с негативными реакциями они стали вызывать больше реакций с нематериальными ценностями: власть (31), счастье (7), возможности (4), звание (1), почесть (1), успех (1) (2,5% в РАС в сравнении с 12% в ЕВРАС и 13 % в СИБАС) в

СИБАС выделяется новый семантический гештальт ассоциаций с положительной коннотацией – благо (1), блаженство (1), круто (1), решают (1), супер (1). (см. Табл. 1)

Таблица 1

	РАС	СИБАС	ЕВРАС
Ассоциаты с отрицательной коннотацией/обесценивание	15% бумага (11), вода (7), грязные (4), грязь (4), дрянь (3), зло (3), мусор (3), левые (2), это зло (2) и т. д.;	20% зло (45), бумага (16), грязь (7), грязные (6), жадность (4);	21% зло (45), бумага (17), грязь (6), грязные (5), жадность (2) + 12 единичных реакций;
Нематериальные ценности и ассоциаты с положительной коннотацией	2,5% счастье (5), вперед (3);	12% власть (29), сила (5), добро (2), счастье (2), ценность (2), хорошо (5), возможности (2), возможность (2);	20% власть (31), счастье (7), хорошо (7), возможности (4), время (4), возможность (3), слава (3), сила (2) + 24 единичных реакций;

Таким образом, в конце прошлого столетия отношение к ДЕНЬГАМ было более нейтральным оценочных реакций меньше, и они являются скорее отрицательным нежели положительным (дрянь (3), зло (3), мусор (3), левые (2), это зло (2)). «В исследованиях, проведенных в 70-е гг. ХХ в. под руководством В.А. Ядова, было установлено, что материальное благополучие не входило в число ведущих ценностных ориентаций личности, а высокие запросы и жизнь с комфортом оказались вообще отвергнутыми. (Цит. по: [\[9, с. 34\]](#)).

В первой трети ХХI в. деньги для респондентов стали куда более значимыми, но отношение к ним противоречиво: с одной стороны ДЕНЬГИ – это **зло**, а с другой **счастье, возможности, а также власть**. «Значительно усилилась в сознании россиян связь власти и денег, фактически эта связь вышла на первое место, уступая только представлению о власти как о силе» [\[1, с. 636\]](#).

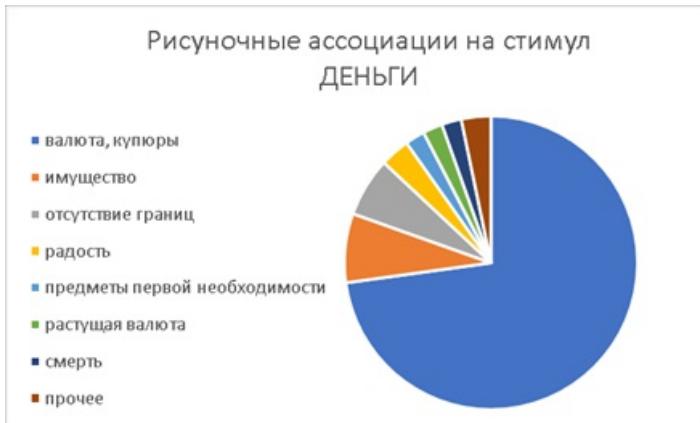
Вместе с тем, следует отметить возросшее чувство экономической стабильности у респондентов. Это подтверждается тем, что процентное соотношение реакций со значением нехватки и небольшого количества уменьшилось с 8% в РАС до 2% и 4% в ЕВРАС и СИБАС соответственно.

Результаты опроса по методу рисуночных ассоциаций и соцопроса

Для получения наиболее полного представления о содержании и структуре концепта

ДЕНЬГИ в первой трети ХХI в., проанализируем невербальные образы, которые представили респонденты. Все рисунки мы разделили на тематические группы, и представили их количественно на диаграмме (см. Диаграмму 1).

Диаграмма 1

Из диаграммы видно, что наибольшая доля ассоциаций представлена непосредственно изображением купюр и денежных символов (67%). Из них лишь на 24% встречается изображение рублевой валюты самой по себе или в ряду других. «Многолетний опыт резких девальваций рубля, скачков цен, сокращения реальных располагаемых доходов населения сформировал у россиян особую картину мира, в которой низкая инфляция в принципе невозможна» [\[10\]](#).

Доктор экономических наук И. В. Андреева исследовала статус рублевой валюты на рубеже двух тысячелетий методом семантического дифференциала: «“рубль” он отражается как слабый, а также колеблющийся, отсталый, суетливый, неуверенный, зависимый и тревожный....а в профиле доллар только 2 отрицательных значения (жесткий, несправедливый)» [\[11, с. 230\]](#). Таким образом, недоверие к отечественной валюте носит устойчивый характер.

7% респондентов изобразили те материальные блага и условия, которыми они могли бы себя окружить за счёт финансов — коттеджи и автомобили. Здесь ДЕНЬГИ представляются как инструментальная ценность на пути к достижению определенных целей. Также 3% изобразили предметы, первой необходимости, например, одежду

Еще 4% изобразили земной шар и сопроводили подписями: «путешествия», «отсутствие границ», один из респондентов нарисовал разрушенную стену.

У 4% респондентов ДЕНЬГИ ассоциируются с радостью. Они изобразили улыбающихся людей с купюрами в руках.

Однако еще у 2% деньги вызывают ассоциации со смертью, преступлением.

Сравнивая вербальные ассоциации с рисуночными, мы наблюдаем более положительное отношение к деньгам в первом эксперименте. Данный факт может быть связан с тем, что рисуночный эксперимент носил локальный характер. Однако антиномия отношений к деньгам также находит выражение.

Стоит отметить, что по условиям представленных экспериментов респондентам необходимо было записать и зарисовать первую и единственную ассоциацию, которая пришла в голову после прочтения слова-стимула, также респонденты были ограничены во времени на ответ. То есть, в сущности, выше представленные эксперименты

направлены на то, чтобы эксплицировать бессознательную часть содержания концепта.

Далее с целью получения дополнительных сведений о концепте ДЕНЬГИ рассмотрит ответы социологического опроса, где участникам необходимо было дать свой обдуманный ответ, раскрыв новые грани концепта ДЕНЬГИ в обыденном сознании представителей русской лингвокультуры.

По результатам выше представленных экспериментов, ассоциаты синонимы и изображения денег были одними из самых частотных можно предположить, что деньги являются ценностью и целью сами по себе. Для уточнения данного вопроса, мы попросили респондентов ранжировать ценности в порядке их значимости. Участникам был предложен следующий список: материальное благополучие, душевная гармония, семья, здоровье, отдых, карьера, дружба и образование, а также вариант свободного ответа. 83% респондентов поставили материальное благополучие на последние места, а 8% не включили в список аксиологических приоритетов.

Заключение

Содержание и структура концепта ДЕНЬГИ претерпели значительные изменения в период с конца XX до первой трети XXI вв. Содержание концепта расширилось и стало разнообразнее, что говорит о возросшем значении ДЕНЕГ в обыденном сознании представителей русской лингвокультуры. Их оценка поменялась с нейтрально-отрицательной на противоречивую: деньги стали представлять собой как зло, так и благо для человека, в начале нового тысячелетия они также стали способом обретения власти. В 90-х годах прошлого века подобной связи не наблюдалось.

Не смотря на всю значимость финансовых средств в современном мире, социологический опрос показал, что деньги не превосходят по значимости другие общечеловеческие ценности, такие как семья, дружба, образование и душевная гармония.

Также результаты экспериментов показали, что во второй половине второго десятилетия у людей возросло чувство экономической стабильности в условиях отсутствия доверия к рублевой валюте.

Перспективу дальнейших исследований мы видим в дальнейшем отслеживании изменений концепта ДЕНЬГИ, поскольку под действием постоянно меняющихся событий на политической арене и в мире в целом, его структура и содержание могут претерпевать изменения. А также в дальнейшем совершенствовании примененной методологии.

Предложенная методология, приведенный анализ и выводы могут быть использованы при проведении иных психолингвистических исследований и представлять интерес для социологов, экономистов.

Библиография

1. Уфимцева Н. В. Образ власти по материалам крымского ассоциативного словаря // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategorii-veroyatnosti-i-vozmozhnosti-v-kreativnom-upotreblenii-yazyka-nevozmozhnaya-vozmozhnost-v-nemetskem-tekste> (дата обращения: 26.09.2023).
2. Янчук В. А. Введение в современную социальную психологию. Минск: АСАР, 2005. – С. 223-227.

3. Denzin N. K. The research act: a theoretical introduction to sociological methods / N. K. Denzin. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2009. – 379 p.
4. Русский ассоциативный словарь (РАС). В 2 т. [Электронный ресурс] / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/index.php> (дата обращения: 17.08.2023).
5. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток) (ЕВРАС). В 2 т. Т. I. От стимула к реакции / Отв. ред. Уфимцева Н. В. М.: Московский институт лингвистики, 2014. – 537 с.
6. Русский региональный ассоциативный словарь: Сибирь и Дальний Восток (СИБАС 2): В 2 т. / И.В. Шапошникова, А.А. Романенко; Ин-т филологии СО РАН; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2022. – Т. 1. От стимула к реакции. – 920 с.
7. Баринова И. А., Нестерова Н. М., Овчинникова И. Г. «Языковое сознание»: к вопросу об определении и интерпретации термина // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкоznания и педагогики. 2010. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovoe-soznanie-k-voprosu-ob-opredelenii-i-interpretatsii-termina> (дата обращения: 12.10.2023).
8. Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной цепи // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / отв. ред. Н. В. Уфимцева – М., 2000. – С. 191–206.
9. Литвиненко Д. В. Социальная роль денег в современном российском обществе // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2009. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-rol-deneg-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve> (дата обращения: 17.08.2023).
10. Независимая газета: Недоверие населения решениям Центробанка – часть общего недоверия к экономической политике: электрон. версия журн. 2023. № 1256. URL: Независимая газета (ng.ru) (дата обращения: 12.10.2023).
11. Экономическая психология. Социокультурный подход [Текст] / под ред. И.В. Андреевой. – СПб.: Питер, 2000. – 511 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Трансформация концепта ДЕНЬГИ в обыденном сознании носителей русской лингвокультуры с конца XX до первой трети XXI вв.», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению культуры как неотъемлемой части языка, а также исследованию трансформации рассматриваемого концепта.

Целью данной работы является выявление изменений в структуре и содержании концепта ДЕНЬГИ в обыденном сознании представителей русской лингвокультуры.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкоznании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В качестве методологии применены

специфические методы лингвистического анализа, а также ассоциативный эксперимент, метод рисуночных ассоциаций и социологический опрос.

К сожалению, автор не указывает на объем корпуса, отобранного для практической части исследования, принципы и методы отбора. Однако в работе перечислены наименования источников, а также приведены данные о социологическом опросе от 2017 г.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Автор иллюстрирует теоретические положения языковым материалом, а также графиками и диаграммами, часть материала представлена в табличных формах, что облегчает восприятие читателем.

Библиография статьи насчитывает 11 источников, среди которых представлены научные труды на русском и английском языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников, смешение работ на иностранном и русском языках. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по лингвокультурологии и концептологии, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвященным связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Трансформация концепта ДЕНЬГИ в обыденном сознании носителей русской лингвокультуры с конца XX до первой трети XXI вв.» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Гао Х. — Драматизм казачьей жизни в произведениях Ф. Крюкова // Филология: научные исследования. — 2023. — № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.10.48494 EDN: ASOELG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=48494

Драматизм казачьей жизни в произведениях Ф. Крюкова**Гао Хань**

ORCID: 0000-0001-7734-1813

аспирант, кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса,
Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова

119415, Россия, г. Москва, ул. Удальцова, 5к1, кв. 94

✉ jiushibuzhida01@126.com[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0749.2023.10.48494

EDN:

ASOELG

Дата направления статьи в редакцию:

08-10-2023

Аннотация: Исследование будет направлено на анализ произведений Федора Крюкова, в которых он описывает казаческую жизнь. Мы будем исследовать драматические аспекты этой темы, включая внутренние конфликты персонажей, социокультурные аспекты казаческой жизни и её влияние на судьбы героев. Казачество имеет уникальные ценности и традиции, что формирует особенности драматических событий. Произведения Ф. Крюкова глубоко занимаются психологией персонажей, что делает драматизм более интенсивным. Также будут рассмотрены структура произведений, стиль автора и использование литературных средств для передачи драматизма казачьей жизни. Произведения Ф. Крюкова оставляют значительный след в литературной истории.

Данное исследование оригинально в том, что оно предпринимает попытку глубокого анализа драматизма казачьей жизни и его выражения в произведениях Ф. Крюкова. Предыдущие исследования о фольклоре и литературе казачества сконцентрировались на общих чертах казаческой культуры, но наше исследование сосредотачивается на моментах драматической напряженности и личных конфликтах, что представляет собой новый исследовательский подход к творчеству Ф. Крюкова и казаческой тематике в

литературе в целом. Анализируя специфические аспекты драматизма, мы сможем более глубоко понять, каким образом Крюков передавал сложные эмоциональные и моральные аспекты казачьей жизни в своих произведениях. В исследовании о драматизме казачьей жизни в произведениях Ф. Крюкова обнаружены следующие выводы: Драматизм занимает центральное положение в произведениях. Это связано с жизненными трудностями, моральными конфликтами и внутренними борьбами казаков.

Ключевые слова:

Фёдор Крюков, Донские казаки, Драматизм, Личности, Сложные личностные характеристики, Самосознание, Общественные идеалы, Традиция реализма, Различные конфликты, Антропоцентризм

В образах казаков Крюков сфокусировал внимание на ежедневном быте и труде, психотипах, поступках героев, ставших свидетелями и участниками войн; в эпоху кануна революций их жизнь претерпела кардинальные изменения. Динамичным характерам героев Крюкова созвучно динамичное время. Образы казаков вписаны в узнаваемое пространство станицы, степи, реже – города; иначе говоря, в основу изображения реальности положен художественный детерминизм.

В рассказах Крюкова нет романтического любования естественным человеком. В письме к И.Д. Сазанову (1913) [\[1\]](#) Крюков самокритично отметил: «У нас всех, казачьих писателей, – у Вас, и у меня, и у Серафимовича один общий недостаток особенно выпукло чувствуется: излишество романтизма. Живописуем мы свое родное недостаточно трезво, подкрашиваем, усиливаем и светлые и темные тона, а полутеней совсем нет. Надо бы больше объективизма, меньше лирики, – лучше было бы. Но, вероятно, легче дать совет, чем выполнить его. Мне трезвое изображение казачества не дается никак» [\[8, с. 72\]](#).

В рассказах и повестях Крюкова центральное место отведено личности. Согласно мысли В.В. Ильина, человек как таковой есть центр универсума, а продуктивный путь творчества – антропоцентризм. При этом вопрос о выживании личности, его адаптации – нерв антропоцентрического подхода к пониманию человека [\[3, с. 58\]](#). В прозе Крюкова представлено разнообразие конфликтов, привносящих в существование персонажей острый драматизм, порой перерастающий в трагизм.

Высокая степень драматизма объясняется участливой позицией автора. Писатель – не сторонний наблюдатель. Либо Крюков вводит в текст рассказчика, выражающего авторское отношение к персонажам, в определенном смысле – свидетеля, сочувствующего герою (героине), либо писатель придает языку повествователя лирические интонации, субъективную лексику, выражющую ментальную близость его и героя (героини). Например, в рассказе «Казачка» сочувственно изображены психологические противоречия простой казачки, приведшие ее к самоубийству; в рассказе «Душа одна» авторской эмпатией пронизано все повествование о матери-казачке; в «Зыби» (1909) авторское сочувствие распространяется на молодого казака, ограбившего бакалейную лавку.

В нарратологии различают два способа повествования: рассказ и показ, причем по удаленности от описываемого предмета первый более удален, чем второй, а второй – более непосредствен. Что касается эмоционального настроя автора, то первый

отстранен, второй сочувствующий [7, с. 17]. Творческой манере Крюкова свойствен показ. Как в большинстве произведений, в рассказе «На речке лазоревой» (1911) сопереживающий героям автор вживается в их внутренний мир. Разворачивая перед читателем процесс разрыва отношений между отцом и сыном, автор берет на себя роль выразителя душевных состояний персонажей и их нравственного опекуна, сочувствует их разочарованием и страданиям, в частности семейной разобщенности, истончению чувства родственности в казачьем доме. При этом используется острая событийная ситуация: Чекушев-отец решает повеситься, что говорит об утрате им духовной опоры, его поступок покончить с жизнью подобен, как пишет Крюков, безмолвному крику или восстанию.

Произведения Крюкова пропитаны конфликтностью времени. Действие его рассказов приходится на конец XIX и начало XX веков. Например, события рассказа «Шквал» (1909) происходят во время создания и роспуска Первой Государственной Думы; один из мотивов «Станичников» (1906) – участие донских казаков в русско-японской войне; в «Шаге на месте» (1907) зазвучал протест против исполнения казаками полицейских усмирительных функций; в рассказе «Мечты» (1908), как в большинстве произведений Крюкова, разворачивается тема современной станицы; в «Полчаса» (1910) описано состояние политического заключенного и т.д.

Сложная эпоха обострила сложные личностные характеристики донских казаков. Они обладают сильным самосознанием, сплоченностью, но им присуща и уверенность в своей особости, своем превосходстве. По словам М.М. Голубкова, образ дома – «один из важнейших предметов изображения и рефлексии литературы XX–XXI веков» [2, с. 12]. Дом – важнейшая ценность в миропонимании Крюкова. С такой самоидентификацией герои Крюкова постоянно порождают конфликты или оказываются втянутыми в драматические ситуации. Повторяющаяся тема очерков, рассказов, повестей Крюкова – контраст между витальными силами природного человека, каковым был станичник, и теми условиями его существования, которые требуют от него либо компромисса, либо смирения, либо подчинения. Кроме того, казаки и казачки в интерпретации Крюкова, как правило, максималисты, что свидетельствует об их стремлении к полноте жизни, но и приводит к неукротимости страстей, из-за чего ломаются судьбы, разрушаются семьи, гибнут люди. Во многих рассказах описаны семейные, личные драмы, аморальные поступки.

Например, казачки известны своей красотой, умом и силой: «она вскинула на него свои карие, блестящие глаза и улыбнулась весело и недоверчиво. Смуглое лицо ее, продолговатое, южного типа, с тонким прямым носом, с тонкими черными бровями и глазами, опущенными длинными темными ресницами, было особенно красиво своей улыбкой: что-то вызывающее, смелое и влекущее к себе было в ней, в этой улыбке» [6, с. 100] («Казачка»). Воинская служба мужей определяла образ жизни казачек [9]. Они должны были иметь глубокие познания во всех сторонах жизни станицы: обработка земли, уборка урожая, поддержание в порядке куреня, уход за скотом. Судьба казачек в произведениях Крюкова не была беззаботной. Кроме того, в основу ряда любовных сюжетов положена ситуация неверности: «Безмужняя жизнь, полная мытарств и соблазнов, всюду подстерегающих: на улице и дома, в поле и в лесу, в каждом закоулке, на каждом шагу. Потом расплата: возвращается муж, и какова бы ни была жизнь жалмерки, непременно подлежит "бою"» [5, с. 31] («Гулебщики», «Казачка», «Офицерша», «Зыбь», «Будни» и др.). В рассказах неверные жены не только подвергаются «бою», но и решаются на самоубийство, вытравляют плод, их бросают

мужья.

Уже ранние рассказы Крюкова говорят о кризисных явлениях в казачьем обществе. Примером служит рассказ «Станичники». Начальное предложение определяет тему судьбы народа в переломное время: «На дворе толпился народ» [4, с. 59]. Сюжет передает полярность ожиданий и итогов воинской службы: героический пафос призванных на войну молодых станичников («Бейте, милые мои, японца во славу русского оружия!» [4, с. 68]) обнуляется распоряжением отправить их на подавление бунтовщиков («Ну, что это за служба – по бунтам? Срам один! Мужиков бить...» [4, с. 69]). Эпизоды выстраиваются на многочисленных деталях, маркирующих образ жизни казака. Через благословение матери переданы отношения в казачьей семье, искренняя вера в помощь Господа, трудовая жизнь. Например: «Причитая и плача, она говорила что-то, чего нельзя было разобрать сквозь ее рыдания, крестила его и надела ему на шею медный образок дрожащими, сморщенными, трудовыми руками. И уронил он голову в ноги своей родимой и долго рыдал, не поднимаясь с полу, вздрагивая широкими плечами» [4, с. 63]. Описан психологический слом, который испытал казак Андрей, поначалу готовый на высокое воинское служение, потом переживающий по поводу предстоящей позорной городской службы, потом бессознательно подчиняющийся своему лютому возбуждению карателя и охранителя империи («Что-то подымалось внутри – дикое, жестокое, опьяняющее...» [4, с. 83]).

Отмеченные выше ценностные ориентиры подтверждаются большим корпусом текстов. Донские казаки из рассказа «Галуны» (1910) не расстаются с надеждой изменить и жизнь, и свою судьбу через упорный труд. Казак Чичеров рассчитывает исправить бедственное положение своей семьи службой, сторублевым пособием на коня, трудовым довольствием в 75 рублей и ежемесячными кормовыми в 3 рубля. История Чичерова центральная в сюжете. Герой приезжает в отпуск, решает или сохранить деньги на приобретение ветряка, или пустить их в торговлю. Однако препятствием выступает поступок члена семьи: деньги уносит сестра жены Чичерова. От отчаяния героя спасает надежда на помощь горных сил, с молитвой он обращается к иконе.

Итак, в описании различных форм существования персонажей Крюков акцентировал внимание на неоднозначности человеческой природы. Как реалист, он многие драматические ситуации объяснял не столько внешними, сколько имманентными причинами. Герои сталкиваются с моральными дилеммами и выбором между верностью и собственными принципами. Крюков использует разнообразные стилистические приемы для усиления драматизма: метафоры, символы, сюжетные повороты. Они не только описывают казачью жизнь, но и предлагают глубокое исследование человеческих эмоций и нравственных дилемм.

Библиография

1. Бирючева Е.С. Творчество И.Д. Сазонова в контексте русской литературы конца XIX–начала XX века. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 229 с.
2. Голубков М.М. Образ русского дома и мотив бездомности в литературе XX–XXI веков // Ортодоксы и еретики русской литературы XX–XXI веков / Под ред. М.М. Голубкова; сост. Г.В. Зыкова, Н.А. Нерезенко, О.С. Октябрьская, А.А. Сёмина. М.: МАКС Пресс, 2022. С. 11–22.
3. Ильин В.В. Аксиология. М.: Изд-во Московского университета, 2005. 216 с.
4. Крюков Ф.Д. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону / Сост. А.Г. Макаров. М.: АИРО-XXI, 2012. 362 с.

5. Крюков Ф.Д. Накануне. В глубине. Повести, рассказы и очерки 1910–1914 гг. / Сост. А.Г. Макаров М.: АИРО-XXI, 2020. 416 с.
6. Крюков Ф.Д. На Дону. В родных местах / Сост. А.Г. Макаров. М.: АИРО-XXI, 2016. 384 с.
7. Огудов С.А. Дискуссия о рассказе и показе в нарратологии: проблемы и перспективы // Вестник Томского гос. ун-та. 2016. №409. С. 14–19.
8. Смирнова Е.А. Литературно-критическая и редакторская деятельность Ф.Д. Крюкова в журнале «Русское богатство» // Вестник Волгоградского гос. ун-та. 2015. №1 (14). С. С. 70–79.
9. Соловьев А.В. Проблема этнического происхождения казачества и ее современное прочтение // Вестник Московского ун-та. Серия 8. История. 2008. №4. С. 66–85.
10. Юрченко И.Ю. История изучения казачества в отечественной и эмигрантской историографии XV–XX столетий. М.: МГУП, 2013. 455 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Драматизм казачьей жизни в произведениях Ф. Крюкова», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению отечественной литературы.

Автор обращается к особенностям художественных произведений Крюкова Федора Дмитриевича, жившего на рубеже 19 и 20 веков.

Актуальность данного исследования обусловлена нарастающим интересом ученых к переосмыслению творчества писателей, творивших в период Российской империи и в начале зарождения Советской республики.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной филологии. Статья является новаторской, одной из первых в российской науке, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы.

Материалом исследования явились тексты писателя, однако автор не указывает насколько крупным является текстовый корпус.

Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе работы.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 10 источников, среди которых представлены работы исключительно на русском языке, часть из которых является источниками иллюстративного материала. Считаем, что обращение к работам зарубежных

исследователей, несомненно, обогатило бы работу. Счиатем, что библиография статьи нуждается в усилении.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории текста, русской литературе, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Драматизм казачьей жизни в произведениях Ф. Крюкова» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Баребина Н.С., Фан Ч. — К вопросу о лингвокультурных особенностях восточной модели аргументации в политической экологии // Филология: научные исследования. – 2023. – № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.10.43598 EDN: AXXUES URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43598

К вопросу о лингвокультурных особенностях восточной модели аргументации в политической экологии

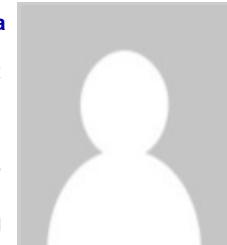
Баребина Наталья Сергеевна

доктор филологических наук

доцент, кафедра «Иностранные языки», Иркутский государственный университет путей сообщения

664074, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15, оф. Д-718

✉ svirel23@rambler.ru

Фан Чжионг

преподаватель, аспирант, Центр китайского языка, Институт Конфуция Иркутского государственного университета

664082, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 6

✉ fangzhiyong1979@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.10.43598

EDN:

AXXUES

Дата направления статьи в редакцию:

18-07-2023

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы аргументации экологической повестки, которая занимает значимое место в современном лингвосоциуме и реализуется в разных дискурсивных практиках. Авторы исходят из того, что, что экологическая проблема является универсальной темой, которая одобряется всеми людьми. Поэтому обсуждение экологических проблем обладает большой объединяющей силой. Реакция аудитории на обсуждение планов по экологии всегда предсказуема, эта тема пользуется одобрением всех слоев населения. Можно сказать, что СМИ и политические деятели всегда максимально используют вопросы охраны окружающей среды. Сочетание политической

речи и экологии, освещаемое в медиа, представляет собой синергетический эффект, когда сумма составляющих больше, чем простое сложение: $1+1+1\rightarrow 5$. Синергия политики и экологии представляет объект данной работы, а предметом исследования являются аргументативные структуры, обеспечивающие эту синергию. Статья содержит обзор работ, показывающих специфику логики и философской традиции Китая, явившихся базисом для специфичных моделей рассуждения, которые составляют восточную модель аргументации. Цель работы состоит в том, чтобы проанализировать аргументацию в выступлениях китайских политиков на экологическую тему и провести наблюдение за реализацией восточной или западной модели аргументации. Основными выводами статьи являются выводы об универсальности западного стиля аргументации, который реализуется в рассуждениях об экологических проблемах. Также авторы указывают на нежелательность нивелирования стилей аргументирования. Новизна работы состоит в том, что указанные выводы, будучи спроектированными на область политической экологии, позволяют заключить, что лингвокультурные особенности каждой страны влияют на реализацию политики в области охраны окружающей среды. Вклад авторов в исследование темы состоит в сравнительном анализе восточного и западного стилей аргументации и в наблюдении за реализацией одного из них в экологических топосах на китайском языке.

Ключевые слова:

аргументация, экология, политическая экология, логика, модель аргументации, лингвокультура, универсальность, нивелирование, китайский язык, синергия

Вступление. Экология – это сфера, которая становится все более и более актуальной в современном мире. Возросшее внимание к экологической проблематике требует серьезного анализа и понимания, как эта тема рассматривается на разных культурных площадках. В научной литературе находим данные о таком феномене, как политическая экология [1–3]. Ученые доказали, что сама по себе публичная речь является сильным инструментом воздействия. Это объясняется многими причинами: выразительность речи, эмоциональность, оценочность, риторические структуры [4]. Но особо исследователи подчеркивают то, что воздействие политической речи достигается аргументацией, которая обеспечивает убедительность. В описании китайского стиля аргументирования фиксируется аксиоматика интуитивности, интроверсии, апелляция к ритуалам, традициям, обращение к притчам, использование намеков, что выражается в нелинейности логики. Это в конечном счете делает логику Китая малопонятной для западного человека. Вследствие этого, только западный стиль аргументации общеизвестен и популярен в разных сферах. О восточном стиле аргументации мы почти ничего не знаем. Спорадичные исследования этого вопроса, однако, не оставляют сомнений в том, аргументация и отношение к спору в китайской культуре должны стать предметом тщательной научной рефлексии. Таким образом, хотя древняя восточная модель может быть важной составляющей экологической проблематики для некоторых стран, универсальность экологической идеи позволяет использовать западную модель аргументации на международной арене. Тем не менее, большое значение имеет культурный контекст, который должен быть учтен при формулировании и реализации политики в области охраны окружающей среды в разных странах мира.

Речевое воздействие. Лингвистическую проблему политической экологии возможно рассматривать с нескольких позиций. Лингвистов всегда интересовало речевое

воздействие. Важно исследовать его механизмы на грани баланса между рациональностью и манипуляцией и даже суггестией. Почему вопрос стоит о манипуляции? Потому что роль политической экологии может быть обозначена как инструмент урегулирования спорных вопросов природопользования разными субъектами.

Политическая экология выдвигает тезис «охраны окружающей среды», который основан на разных фактах и экосистемных законах. Все это требует соблюдения принципов рационального природопользования. Но существенным является не это рациональное зерно, а то, что «околоэкологические проблемы» очень легко использовать для достижения политических целей государствами на международной арене. Это уже продемонстрировано на примере таких стран, как Швеция, США, Россия [5]. Показано, что основные темы, которые обсуждаются на государственном уровне – это истощение ресурсов, большие объемы отходов и мусора, глобальное потепление. Исследования данного вопроса в китайском политическом дискурсе спорадичны и пока мало известны в русскоязычном научном сообществе.

Лингвокультурные особенности восточного логико-аргументативного знания. Являясь технологическим и промышленным лидером во многих областях и осознавая значимость экологического равновесия, Китай заботится и о сохранении своего культурного и исторического наследия. В этом аспекте необходимо рассмотреть, каковы ключевые концепты, или термины идеальной экологии Китая. Т. В. Ивченко, Ю. А. Куприянова выявили следующие ключевые термины, которые символизируют экологическую цивилизацию Китая: «发展 развитие, 生态 экология, 环保 охрана окружающей среды, 绿色 зеленый цвет, 创新 инновация, 协调 согласованность, 平衡 сбалансированность, 安全 безопасность» [6]. Но еще более актуально рассмотреть, какова аргументация этих концептов. Данный вопрос давно занимает мысли ученых, так как известно, что восточная аргументация отличается от западной. Эти два понятия принято противопоставлять по нескольким категориям, укладывающимся в дихотомию: «восточный стиль аргументации vs западный стиль аргументации».

Таблица. Различие стилей аргументации (составлено по [7, с.17])

Сравниваемые категории	Восточный стиль аргументации	Западный стиль аргументации
Модель	Круговая	Линейная
Тип логической связи	Индуктивная	Дедуктивная
Позиция автора	«Мы-центричность»	«Я-центричность»
Преобладающие типы аргументов	Апелляция к авторитету	Апелляция к фактам
Синтаксические особенности речи	Длинные конструкции	Короткие конструкции

Корни таких различий в стилях аргументации лежат в различии логических систем Востока и Запада, которые, согласно исследованиям Е. П. Борзовой [8], А. А. Крушинского [9], Т. А. Мадалимова [10], значительно различаются. Как отмечает А. А. Крушинский, теоретико-игровая концептуализация стратагемной ориентированности китайского менталитета обусловливают отличие восточной логической мысли от формальной правильности логики Западной цивилизации [11, с. 111]. М. Д. Уильям предполагает, что концепция китайской логики основана главным образом на методах индукции. Ученый объясняет это тем, что методы, которые использовали китайские мыслители для установления идеалов, имели тенденцию подчеркивать рассуждения на

примере действий или поведения ключевых образцов морали, а не выводить конкретные суждения о практических действиях из общих принципов [\[12\]](#).

Говоря о логических построениях, свойственных китайской логико-методологической мысли, ученые упоминают, например, специфичную последовательность комбинации элементов, а именно, начальных посылок, основания, примера, дополнения, заключения [\[13\]](#). С.Е. Крючкова и Е. В. Крючкова отмечают и особые приемы, свойственные восточной традиции: метод ассоциаций, ссылки на прецеденты, прием последнего слова, использование примеров как основы индуктивных умозаключений [\[14\]](#).

Установлено, что аксиологический аспект аргументации в китайской лингвокультуре составляет концепция *добродетели*, развитая в Аналектах Конфуция [\[15\]](#), что значительно отличается от западной аксиологической концепции *истины* в аргументации. Принципиально различны и коммуникативные основания аргументации в западной и восточной системах. Если в первом случае доминирующим понятием является концепция *убеждения разнообразной аудитории*, то во втором эксплицируется идея *совета или увещевания для определенной аудитории*. Эта идея связана с риском, которому подвергается аргументатор, известна и в западной научной традиции (см. работы Г. Джонстоуна, который отводил убеждению второстепенную роль, но подчеркивал риск, связанный с разногласиями при обсуждении своего мнения [\[16, р. 30\]](#)), но, однако она не получила широкого развития.

Большую роль в сложившемся различии форм аргументации сыграло и своеобразное развитие института спора. Глубокий анализ этого вопроса, проведенный С. Е. Крючковой и Е. В. Крючковой, показывает развитие данного концепта от квазиспоров до реальной полемики, в которой существовали аргументативные стратегии, свойственные именно китайскому спору: двойное убеждение, вымышленный спор, мышление родами [\[14\]](#).

Анализ аргументативных структур. Возвращаясь к теме нашего исследования, важно отметить, что в политической экологии нет понимания того, какие модели убедительны для китайской культуры, а какие – например, для российской культуры. Актуально рассмотреть, действительно ли для аргументирования экологической проблематики используется древняя восточная модель, или экология является настолько универсальной идеей, что для всех языков аргументация происходит по одинаковой западной модели. Или другими словами: заимствовал ли китайский язык модели западной аргументации? Полученные данные, как мы считаем, будут ценными для сравнительного языкознания. Для ответа на эти вопросы требуется глубокое исследование и серия статей.

Поэтому свое исследование мы начнем с анализа примеров из китайских СМИ по проблемам экологии с помощью выявления логической структуры аргументации. Говоря о практике аргументации, мы не можем не упомянуть и вопрос формализации. В западной традиции аргументации рассуждение, как правило, начинается с выдвижения тезиса, который далее доказывается посредством приведения аргументов, заканчивается заключением, сделанным на основе приведенных аргументов. Такое рассуждение можно представить в виде разных моделей, наиболее распространенной является схема аргументации С. Тулмина, которая состоит из трех элементов: данные (data), утверждение (claim), основание для инференции (warrant) и еще трех дополнительных элементов в виде поддержки (backing), спецификатора (qualifier) и опровержения или исключительного обстоятельства (rebuttal). С. Чжоу [\[1\]](#) доказывает,

что в основе классических китайских аргументативных текстов лежит структура, основанная на письме в классическом китайском языке, отражающая начало китайской литературы. Такая структура известна как восьмичленное эссе. Вступление (кит. 简介); развитие темы (кит. 主题开展); общее рассуждение (кит. 总体讨论); развитие рассуждения (кит. 推理讨论); центральное рассуждение (кит. 中心论证); завершающее рассуждение (кит. 最终的推理); увязка рассуждений (кит. 推理联系); большая увязка – общий итог сочинения (кит. 大联动--文章的整体结果). В соответствии с этим, в восточной традиции аргументации предполагается отвлеченное от утверждаемого тезиса вступление, многочисленные отклонения и отвлечения от темы обсуждения.

Приведем пример аргументации в китайском стиле из трактата Луньхэн («Весы суждений») Ван Чуна (I в.н.э) в переводе К. Е. Барабошкина:

(1) *Если пойти в горы и посмотреть на деревья, то [среди деревьев] не будет таких, о которых неизвестно – высокие они или низкие. Если пойти в поле и посмотреть на траву, то [среди нее] не будет такой, по которой не узнать – густая она или редкая. Однако невозможно рубить деревья, чтобы построить дом и собирать траву, чтобы заготовить лекарственные средства, [если] эти знания о траве и деревьях невозможно будет применить на практике. Таким образом, человек больших знаний обладает начитанностью, но не способен все это объединить в рассуждении и толковании, такой [человек] становится хранителем непонятых [для него] книг – [тем, про кого] Конфуций говорил: «Знаешь наизусть все триста Песен, но не разбираешься в порученном тебе государственном деле...» это то же самое, что и невозможность срубить деревья и собрать траву [при отсутствии знаний об их применении]. Конфуций обрел исторические записи [царства Лу], с помощью которых создал Чуньцю и утвердил принципы, создал идеи, восхвалял и осуждал, восхищался и упрекал. [Он –] тот, кто не следовал историческим записям, тончайшие мысли сами исходили из его сердца. Все ценят того, кто разбирается [в чем-либо], ценят [его] способность применять [свое знание]. Но если только читать наизусть, заучивать «Песни» и каноны, хоть это и будет свыше тысяч глав – [их талант] будет сродни способности попугая повторять [за другими] речи. Развивать смысл древних книг, произносить исполненные глубокого содержания речи – не имеющий выдающихся способностей не справится с этим. Таким образом, тех, кто обладает большими знаниями, в мире довольно много. Но творцы произведений за минувшие века встречались редко. В современную эпоху отец и сын Лю Цзычжэн, Ян Цзыюнь и Хуань Тань, подобно Вэнь, Уди и Чжоу-гуну, появились в одно время. В других случаях такие люди появляются по одному, обычно так и бывает. Это жемчуг и нефрит, которые встречаются редко и поэтому они драгоценны* [\[17, с. 81\]](#).

В данном фрагменте можно увидеть признаки восточного типа рассуждения: весьма отвлеченное начало о горах, деревьях, траве, доме. Развитие рассуждения в виде вывода о рубке деревьев и сборе травы, которое служит базой для центрального рассуждения: Человек больших знаний обладающий начитанностью, но не способный все это объединить в рассуждении и толковании, становится хранителем непонятых для него книг. Завершающее рассуждение: Творцы произведений встречаются редко, и они драгоценны. Также типичны отсылки к авторитету Конфуция, примеры просветителей, метафоры (люди – жемчуг и нефрит).

Теперь обратимся к примерам аргументации экологических топосов в СМИ. Сначала реконструируем небольшой текст экологической тематики неполитического дискурса. Контекст: в последние годы, в связи с популярностью интернет-продаж, многие люди срезают засушенные ветви рододендрона Синьян и выставляют их на продажу в

Интернете в больших масштабах, нанося большой вред этому растению. В преддверии китайского Нового года репортер CCTV провел расследование в районе Гагдаци под юрисдикцией области Даксинганлинг в провинции Хэйлунцзян и обнаружил, что, несмотря на неоднократные запреты местных властей, здесь по-прежнему в больших количествах срезают высушенные ветви диких рододендронов, что серьезно угрожает выживанию вида (пример 2).

(2) CCTV调查野生兴安杜鹃遭大量砍伐, 绿会紧急呼吁加大网络销售打击力度

[<http://www.cbcgdf.org/NewsShow/4854/7286.html>]

没有交易, 就没有伤害。由于新安野生杜鹃花生长缓慢, 每年只有10厘米左右, 野生杜鹃花被砍伐后至少需要6-12年才能重新长出新的枝条, 而这一生长速度远远落后于商人在山区无节制、无控制地大规模采花的速度, 所以如果允许野生杜鹃花在网上销售, 该物种很快就会面临灭绝的危险。

Перевод [\[2\]](#)

CCTV расследует массовую вырубку диких Синьаньского рододендрона, Зеленый совет срочно призывает к более жесткой борьбе с онлайн-продажами

Нет торговли – нет вреда. Поскольку дикий рододендрон Синьань растет медленно, всего около 10 см в год, дикому рододендрону требуется не менее 6-12 лет, чтобы снова вырастить новую ветвь после того, как его спилили, и эта скорость роста значительно отстает от скорости неконтролируемого, бесконтрольного и масштабного сбора цветов торговцами в горах, поэтому, если разрешить продажу диких рододендронов через Интернет, это вскоре приведет к угрозе исчезновения вида

Реконструируем этот текст по модели аргументативных функций, в которой каждому текстовому элементу присваивается тот или иной тип компонента аргументации согласно минимальному аргументативному комплексу: аргумент → инференция →тезис [\[18\]](#).

论点: 贸易对野生杜鹃花新安的伤害。

Тезис: Торговля приносит вред дикому рододендрону Синьань.

论据:

Аргументы:

1. 野生杜鹃花溪南生长缓慢。

1. Дикий рододендрон Синьань растет медленно.

2. 野生杜鹃花至少需要6-12年才能重新生长。

1.1. Всего около 10 см в год

3. 生长速度远远落后于山中商人无节制、不受约束的大规模采花行为。

2. Дикому рододендрону требуется не менее 6-12 лет, чтобы снова вырасти.

推论: 因此, 无论谁采集这些花都是对植物的伤害。

3. Скорость роста значительно отстает от скорости неконтролируемого, и масштабного сбора цветов торговцами в горах.

结论: 应该禁止杜鹃花的交易。

Инференция: Следовательно, тот, кто собирает эти цветы для торговли, вредит растениям.

Заключение: Торговлю
рододендронами надо запретить

В примере сначала представлен тезис, затем аргументы, и далее тезис повторяется в виде заключения. Можно сказать, что пример имеет эксплицитные элементы в виде декларативного тезиса, аргументов и инференции. Следовательно, структура аргументации реализует западную модель рассуждения. Отметим также, что этот текст не принадлежит политическому дискурсу.

Теперь обратимся к примеру аргументации (пример 3) по экологической тематике в политическом дискурсе. Ситуативный контекст: китайский политический лидер Си Цзиньпин принял участие в климатическом саммите лидеров по видеосвязи в Пекине и выступил с речью «Совместное строительство сообщества жизни для людей и природы».

(3) 习近平出席领导人气候峰会并发表重要讲话

2021-04-22 23:01:38 来源: 新华网

习近平出席领导人气候峰会并发表重要讲话

强调要坚持绿色发展, 坚持多边主义, 坚持共同但有区别的责任原则, 共同构建人与自然生命共同体
[http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2021-04/22/c_1127363307.htm]

习近平说, 气候变化对人类的生存和发展构成重大挑战。面对全球环境治理的空前挑战, 国际社会必须以前所未有的雄心壮志, 采取行动, 探讨解决气候变化的办法, 寻找与自然和谐共处的途径, 承担责任, 共同构建人类与自然的生命共同体。

首先, 我们必须坚持人与自然的和谐共处。人们必须接受自然作为自己的根, 尊重自然, 顺应自然, 保护自然。要像保护眼睛一样保护自然和生态环境, 推动形成人与自然和谐共生的新模式。

第二, 坚持 "绿色发展" 的原则。保护生态环境就是保护生产力, 改善生态环境就是发展生产力。我们必须反对破坏甚至毁灭生态环境的发展模式, 反对以牺牲环境为代价换取短期发展的短视做法。要积极推进经济结构、能源结构、产业结构的转型和现代化, 使生态环境成为全球经济社会可持续发展的基础。

第三, 我们要坚持系统治理。山、水、林、田、湖、草、沙是密不可分的生态系统。按照生态系统的内在规律, 必须从整体上考虑自然生态的各个要素, 以达到提高生态系统的循环能力和维护生态平衡的目的。

第四, 我们必须采取以人为本的方法。要探索环境保护与经济发展、创造就业与消除贫困的协同效应, 在绿色转型中努力实现社会公平, 增强各国人民的获得感、幸福感、安全感。

第五, 我们必须采取多边方式。我们要坚持以国际法为基础, 以诚信和公平为准则, 支持以联合国为核心的国际体系, 遵循《联合国气候变化框架公约》。

中国欢迎美国重返气候治理的多边进程。中国欢迎美国重返多边气候治理进程, 期待与包括美国在内的国际社会一道, 共同推动全球环境治理。

第六, 要坚持共同但有区别的责任原则。应充分认识到发展中国家对应对气候变化的贡献, 并考虑到它们的特殊困难和挑战。发达国家应表现出更大的雄心和行动, 同时有效地向发展中国家提供资金、技术和能力建设支持。

Перевод.

Си Цзиньпин принимает участие в климатическом саммите лидеров и

... земли... природы, а не в коммерческих интересах...
выступает с программной речью. 2021-04-22 23:01:38 Источник: Синьхуа
Си отметил, что изменение климата представляет собой серьезный вызов
для выживания и развития человечества. Перед лицом беспрецедентных
трудностей в глобальном экологическом управлении международное
сообщество должно проявить беспрецедентную амбициозность и принять
меры для обсуждения решений проблем, связанных с изменением
климата, поиска путей гармоничного сосуществования с природой, взять
на себя ответственность и вместе работать над построением сообщества
жизни людей и природы.

Во-первых, мы должны настаивать на гармоничном сосуществовании
человека и природы. Люди должны принимать природу как свой корень,
уважать ее, реагировать на нее и защищать ее. Мы должны защищать
природу и экологическую среду, как свои глаза, и способствовать
формированию новой модели гармоничного сосуществования человека и
природы.

Во-вторых, придерживаться принципа «зеленого развития» (绿色发展).
Защита экологической среды – это защита производительности, а
улучшение экологической среды – это развитие производительности. Мы
должны отказаться от модели развития, которая наносит ущерб или даже
разрушает экологическую среду, и от недальновидной практики
жертвовать окружающей средой ради сиюминутного развития. Активно
продвигать преобразование и модернизацию экономических,
энергетических и промышленных структур, чтобы хорошая экологическая
среда стала опорой для устойчивого глобального экономического и
социального развития.

В-третьих, придерживаться системного управления. Горы, вода, лес, поле,
озеро, трава и песок – это неразделимые экосистемы. В соответствии с
внутренними законами экосистемы, все элементы природной экологии
должны рассматриваться комплексно, чтобы достичь цели повышения
способности экосистемы к переработке отходов и поддержания
экологического баланса.

В-четвертых, мы должны придерживаться подхода, ориентированного на
людей. Мы должны изучить синергию между охраной окружающей среды и
экономическим развитием, созданием рабочих мест и искоренением
бедности, стремиться к достижению социальной справедливости в
процессе «зеленых» преобразований» (绿色转型), а также повышать
чувство доступности, счастья и безопасности людей во всех странах.

В-пятых, мы должны придерживаться многостороннего подхода. Мы
должны придерживаться международного права как основы, честности и
справедливости как главного направления и эффективных действий как
руководства, поддерживать международную систему с ООН в качестве
ядра и следовать Рамочной конвенции ООН об изменении климата.

Китай приветствует возвращение Соединенных Штатов в многосторонний
процесс управления климатом и надеется на совместную работу с
международным сообществом, включая Соединенные Штаты, для
продвижения глобального экологического управления.

В-шестых, следует придерживаться принципа общей, но дифференцированной ответственности. Вклад развивающихся стран в решение проблемы изменения климата должен быть полностью признан, а их особые трудности и проблемы должны быть приняты во внимание. Развитые страны должны демонстрировать больше амбиций и действий, в то же время эффективно предоставляя развивающимся странам финансовую, технологическую поддержку и поддержку в наращивании потенциала

Проведем реконструкцию фрагмента.

Пример содержит четкую логическую структуру в виде дедуктивного умозаключения: Так как изменение климата представляет собой серьезный вызов для выживания и развития человечества то международное сообщество должно 1) проявить беспрецедентную амбициозность 2) и принять меры для обсуждения решений проблем, связанных с изменением климата, поиска путей гармоничного существования с природой, 3) взять на себя ответственность и вместе работать над построением сообщества жизни людей и природы.

Далее мы видим развернутую подчинительную аргументацию шести тезисов (маркированы наречиями: во-первых, во-вторых и т.д.).

1. 我们坚持人与自然的和谐共存。 1.1. 自然是根, 必须得到尊重 1.2. 自然界应该像你的眼睛一样受到保护	1. Мы настаиваем на гармоничном существовании человека и природы. 1.1. природа – это корни, ее надо уважать 1.2. природу надо беречь, как свои глаза

Во втором тезисе мы видим цепочку рассуждения относительно «зеленого развития», с заключением о том, что защита экологической среды приведет к устойчивому экономическому и социальному развитию. Отметим термин-метафору, распространенную в западной экологической терминологии в виде словосочетаний с лексемой «зеленый».

Третий тезис представляет суждение о необходимости поддержания экологического баланса экосистем.

Пятый тезис состоит в аргументируемом положении о синергии между охраной окружающей среды и социальной справедливостью.

Примечательна аргументация в отношении тезиса об экологическом управлении:

5. 需要全球环境治理 5.1. 联合国公约框架是有效的。 5.1.1 美国是联合国公约的一个重要缔约国。	5. Необходимо глобальное экологическое управление 5.1. Рамочная конвенция организации объединенных наций является эффективной. 5.1.1. Соединенные Штаты являются важным участником конвенции организации объединенных наций

Третий пример представляет еще более четкую структуру аргументации, чем во втором примере. При этом структура аргументации соответствует западной модели рассуждения

как на макроуровне, так и на уровне подчинительных тезисов, служащих базой для декларативного тезиса *Изменение климата представляет собой серьезный вызов для выживания и развития человечества*.

Обсуждение. Конечно, современный мир требует более универсальных и разработанных способов аргументации, не ограничивающихся классическими текстами. С другой стороны, отмечается тенденция нивелирования восточных этнокультурных стратегий аргументации. Это убедительно показывает Е. В. Ли на примере сравнения русского и корейского языка, говоря о том, что исторически сложившаяся западная модель аргументации следует линейному построению высказывания по схеме: тезис – аргумент – вывод. Восточная аргументативная модель предполагает циркулярное развитие дискурса с высоким содержанием метафорических образов. Однако в условиях современного политического дискурса восточная модель приближается к западной, а аргументативное высказывание в политическом дискурсе приобретает черты универсального [19, с. 124]. Такое замещение этнокультурных стратегий универсальными никак нельзя признать положительным. Об этом также говорят исследователи, указывающие на необходимость уточнения таких фундаментальных понятий, как рациональность и логика и по линии «зоны обмена» логическими идеями, и по линии функций, которые выполняют западноевропейская традиция рациональности и восточная логическая мысль [20]. Следовательно, восточная логика является объектом, требующим осмыслиения в лингвокультурологии.

Заключение. Подводя итоги рассуждениям, следует подчеркнуть ряд тезисов особо. Во-первых, одна из главных проблем в использовании древней восточной модели – это ее специфичность. В своей сути, философия Востока может быть трудна для западной аудитории для понимания и применения. Это может создать препятствия для аргументации проблем экологии среди тех, кто не знаком с культурой Востока. Во-вторых, экология является столь универсальной идеей, что для всех языков аргументация основывается на общепринятой западной модели. Таким образом, несмотря на различия в культурной традиции, общие понятия и принципы экологии могут быть поняты и использованы всеми, кто занят экологической деятельностью.

Однако, нельзя забывать, что культурные, философские и религиозные традиции каждой страны могут влиять на понимание и реализацию политики в области охраны окружающей среды. Поэтому важно учитывать культурный контекст при рассмотрении экологических вопросов и поиске решений на международном уровне.

[11] Zhou S. A Study of Argumentation Structure in English and Classical Chinese Texts. Master's thesis. Miami University. 2009. URL: http://rave.ohiolink.edu/etdc/view?acc_num=miami1250787901

[12] Здесь и далее перевод автора Фан Чжиюн

Библиография

1. Волков В.А. Политическая экология как проект: между идеологией и политической религией // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 77–83.
2. Minch M. Political Ecology // Encyclopedia of Global Justice / D.K. Chatterjee (eds). Springer, Dordrecht. 2011. URL: https://doi.org/10.1007/978-1-4020-9160-5_119
3. Roberts J. "Political ecology" / The Open Encyclopedia of Anthropology / F. Stein (ed.). 2023. URL: <http://doi.org/10.29164/20polieco>

4. Чернявская В. Е., Молодыченко Е.Н. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе: учебник. М.: Ленанд, 2023.
5. Довгilenko Г.А. Тема экологии в политической борьбе парламентских партий Швеции // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 4 (73). С. 131–150.
6. Ивченко Т.В., Куприянова Ю. А. Новые концепты строительства китайской экоцивилизации // Иностранные языки в высшей школе. 2018. № 4 (47). С. 101–111.
7. Баребина Н.С. Лингвистическая аргументология : учеб. пособие / Под науч. ред. Г. М. Костюшкіной. Иркутск : «Оттиск», 2021. – 124 с.
8. Борзова Е. П., Исаев Б.А. Восток и Запад: сравнительный анализ культур // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры / Вып. 4: Восток и Запад: сборник статей; научн. ред. Б. И. Рашрагович, Б. А. Исаев. – СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2010. С 282–310.
9. Крушинский А. А. Логика «И цзина». Дедукция в древнем Китае. М.: Издат. фирма «Вост. лит.» РАН, 1999. – 173 с.
10. Мадалимов Т. А. Основные черты логики древнего Востока // "Science and Education" Scientific Journal. 2020. Volume 1. Issue 4. P. 236–241.
11. Крушинский А. А. Логика Древнего Китая // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 4. С. 111–127.
12. Willman M. D. Logic and Language in Early Chinese Philosophy // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / E. N. Zalta, U. Nodelman (eds.). Stanford University. 2022. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/chinese-logic-language/>
13. Garrett M. M. Classical Chinese Conceptions of Argumentation and Persuasion // Argumentation and Advocacy. 1993. 29(3). Pp. 105–15.
14. Крючкова С.Е., Крючкова Е. В. Искусство аргументации в Древнем Китае // Философская мысль. 2023. № 4. С. 1–18. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.4.40030
15. Ding H. Confucius's Virtue-Centered Rhetoric: A Case Study of Mixed Research Methods in Comparative Rhetoric // Rhetoric Review. 2007. Vol. 26, No. 2. Pp. 142–159.
16. Johnstone H. W. Some Reflections on Argumentation // Logique et Analyse. 1963. Vol. 6 (21). P. 30–39.
17. Барабошкин К. Е. Ван Чун (I в. н.э.). Взвешивание суждений. Глава «О превосходстве и необычности». Перевод и комментарий // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2015. № 3. С. 79–91.
18. Eemeren F. H. van, Haaften T. van. The Making of Argumentation Theory: A Pragma-dialectical View // Argumentation. 2023. URL: <https://doi.org/10.1007/s10503-023-09618-5>
19. Ли Е. В. К вопросу об универсальных ценностных основаниях argumentum ad hominem в политическом дискурсе (на примере корейского и русского языков) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Филология. 2010. №3. С. 117–125.
20. Бургете А. М. Р., Герасимова И.А. Понятийный европоцентризм: за и против // Философские науки. 2019. Т. 6. № 6. С. 11–33.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «К вопросу о лингвокультурных особенностях восточной модели аргументации в политической экологии», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению китайского языка и культуры в нашей стране. В статье рассматриваются актуальные проблемы дискурса на материале восточного языка. Актуальным является рассмотрение специфики аргументирования экологической проблематики и выделения модели аргументации.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В качестве методологии применены специфические методы лингвистического анализа, в том числе сравнительно-сопоставительный концептуальный анализ, семантический анализ и контент- анализ, а также методология корпусного и статистического исследования.

К сожалению, автор не указывает на объем корпуса, отобранного для практической части исследования, принципы и методы отбора.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частности. Отсутствуют ссылки на работы предшественников.

Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом на китайском языке.

Библиография статьи насчитывает 20 источников, среди которых представлены научные труды на русском и английском языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Кроме того, автор не ссылается на работы китайских лингвистов.

Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников, смешение работ на иностранном и русском языках.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Часть материала представлены в виде таблиц, что облегчает понимание текста читателем.

Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов лексикологии, теории и практики публичных выступлений, практике китайского языка, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвященным связи языка и

общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «К вопросу о лингвокультурных особенностях восточной модели аргументации в политической экологии» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Галлявиева Л.Ш., Каримова А.А., Хасанова О.В. — Эстетический идеал современной женщины в англоязычной рекламе: социолингвистический аспект // Филология: научные исследования. — 2023. — № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.10.44198 EDN: EXCWCR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44198

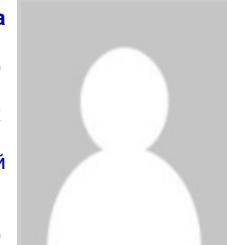
**Эстетический идеал современной женщины в
англоязычной рекламе: социолингвистический аспект****Галлявиева Лейсан Шагиахматовна**

ORCID: 0000-0002-6642-8945

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных языков, Казанская государственная академия ветеринарной
медицины

420029, Россия, г. Казань, ул. Сибирский Тракт, 35

g-leysan@mail.ru

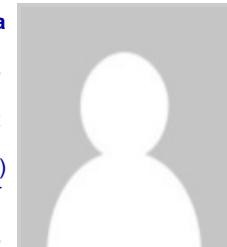
Каримова Анна Анатольевна

ORCID: 0000-0002-0908-8243

кандидат педагогических наук

доцент, кафедра теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский)
федеральный университет

420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18

an.carimova2012@yandex.ru

Хасанова Оксана Владимировна

ORCID: 0000-0002-4979-3238

кандидат педагогических наук

доцент, кафедра теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский)
федеральный университет

420 008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18

oxana.khasan@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0749.2023.10.44198

EDN:

EXCWCR

Дата направления статьи в редакцию:

02-10-2023

Аннотация: Данная статья посвящена актуальной теме гендерных стереотипов и способов их вербализации в языке на примере эстетического идеала современной женщины в текстах англоязычной рекламы. Бурное развитие феминизма как социального и культурного явления нашло отражение в различных типах дискурса – от художественного до рекламного. Перераспределение социальных ролей между женщинами и мужчинами обусловили в первую очередь трансформацию образа идеальной женщины как на уровне внешних характеристик, так и на уровне аксиологической парадигмы личности женщины как полноценного члена общества. Основным средством конструирования концепта «идеальная женщина» на уровне текста являются ключевые слова. Проведенный лексико-семантический анализ описания женщин в англоязычной рекламе позволил составить собственную классификацию доминирующих компонентов эстетического идеала современной женщины на основе теории архетипов, что обуславливает новизну исследования. За основу взяты наиболее известные архетипы древнегреческих богинь. Установлено, что современный англоязычный рекламный текст экстраполирует четыре ведущих архетипа: «женщина-смогазнительница» (Афродита), «женщина-хранительница домашнего очага» (Гестия), «независимая женщина» (Артемида) и «женщина-воительница» (Афина). Выбор того или иного архетипа осуществляется согласно практической и социальной направленности рекламируемого продукта. Перспектива исследования видится в сопоставлении указанных архетипов с женскими образами в русском рекламном дискурсе с учетом специфики лингвокультурной и социолингвистической идентичности

Ключевые слова:

английский язык, рекламный текст, гендер, гендерные стереотипы, эстетический идеал, архетип, Афродита, Гестия, Артемида, Афина

Особенностью формирования любого языка является не только его стихийность, но и тесное взаимодействие с культурой, мышлением, социумом, а также способностью его носителей распознавать категории действительности, «обличать» их в языковую форму и передавать в виде речевых паттернов или стереотипов.

История кодификации такого явления, как гендер, в языковой действительности ведет свою историю с того момента, когда люди осознали свою половую принадлежность. Однако в настоящее время под влиянием изменений в обществе, которые характеризуются перераспределением социального статуса полов, гендерная концепция и гендерные стереотипы рассматриваются уже не сквозь призму биологических характеристик личности, а с точки зрения ее социальной и культурной жизни.

В фокусе внимания данной статьи гендерный аспект рассматривается как фактор, определяющий особенности выбора лексико-семантических средств на основе известных женских мифологических архетипов при конструировании эстетического идеала современной женщины в англоязычном рекламном тексте.

Актуальность данного исследования обусловлена нарастающим интересом ученых к рекламным текстам ввиду их краткой формы и сложной семантико-структурной

организации, которая учитывает не только языковые правила, но и когнитивные, психолингвистические и культурологические принципы создания произведений рекламного дискурса.

Некоторые аспекты рекламных текстов как объектов лингвистического анализа рассмотрены на настоящее время Т. Г. Добросклонская [4], С. В. Мощевой [7], Е. Н. Сердобинцевой [9], Д. Огилви [8]. Гендерные аспекты рекламного дискурса нашли отражения в работах И. В. Грошева [2], А. А. Дударевой [5], И. Асемы [12] и др. Кроме того, имеются публикации К. Линднера [15], С. Блуда [13], Р. Колмана [14] и др., посвященные анализу образов женщины и мужчины в англоязычной картине мира.

Однако до сих пор нерешенным остается вопрос: какой выступает идеальная женщина в рамках современного рекламного дискурса в свете соотношения известных женских мифологических архетипов и социальной трансформации национально-культурных идеалов для англоязычного общества? Расширился ли диапазон образов, в которых женщина представлена в современной рекламе? Какие лексико-семантические средства преобладают в описании образа, который должен притягивать целевую аудиторию?

Цель данной статьи – описание наиболее устойчивых мифологических архетипов в качестве эстетических идеалов современных женщин и способов их вербализации, фигурирующих в англоязычном рекламном дискурсе. Материал исследования получен методом сплошной выборки из популярных изданий *Vogue* (V) [21], *Cosmopolitan* (C) [17], *Shape* (Sh) [20], *Elle* (E) [18], *Baby's and beyond* (BB) [16], *Parents* (P) [19] на английском языке. Всего для анализа было отобрано 200 текстов. Новизна работы заключается в предложенной авторской классификации женских образов на основе наиболее известных древнегреческих богинь.

Реклама, или рекламное сообщение – это разновидность коммуникативного процесса, направленная на установление эффективного контакта между производителем и потребителем посредством вербально-невербальной информации [3, с. 1350]. Текст, представляющий рекламное сообщение, реализует свою прагматичность практически на всех языковых уровнях [1, с. 21]. Доминирующим же суггестивным потенциалом, на наш взгляд, обладает лексический уровень.

Переоценить влияние рекламной индустрии, в частности, содержания рекламного текста на процесс миромоделирования современной действительности в сознании носителей языка практически невозможно, в том числе в сфере формирования гендерных стереотипов. Это может проявляться не только на уровне создания актуальных образов мужчин и женщин, но и на проекции межличностных отношений между полами, а также на восприятие их базовых социальных ролей. Впоследствии именно стереотипы влияют на самоопределение личности, ее адекватную самооценку и отношению к происходящему.

При создании англоязычной рекламы ключевым понятием для копирайтера является «эстетический идеал», под которым следует понимать «исторически конкретное, чувственное представление или понятие о должном как прекрасном, материализуемое в искусстве, в практике общественной жизни и производственной деятельности людей» [6, с. 32].

В основе конструирования любого узнаваемого для потребителей образа лежит архетип, то есть буквально «первичная модель», основанная на общем психологическом опыте

народа и подробно описанная в теории К. Юнга [11]. Подобные архетипические образы безвременны и могут повторяться в любую эпоху в любом обществе. Такого рода универсальность архетипов снижает уровень критичности при восприятии рекламного текста и заставляет под воздействием коллективного бессознательного экстраполировать приведенные характеристики женщин на собственную личность.

На основе проанализированного эмпирического материала мы предложили оптимальную классификацию образов идеальных женщин в англоязычном рекламном пространстве на основе архетипов древнегреческих богинь, наиболее известных мифологических образов, закрепленных в социальном опыте практических всех народов.

1. Архетип «сногсшибательница» (Афродита).

Женщина этого типа, изображенная в рекламе, реализует цель использовать свою сексуальную привлекательность для привлечения любви и романтических отношений. Архетип основан на мифологическом происхождении богини любви и красоты, появившейся из морской пены и пленяющей своей привлекательностью. Следовательно, на первое место в нарративе подобного рекламного текста выходит внешняя сторона образа в рамках социального заказа [10, с. 375].

Сияющая кожа считается одним из желательных, идеальных признаков внешнего вида женщин, и часто в качестве ключевого слова она появляется в рекламных текстах: **Glowing skin is a natural canvas for jewelry designer (C); real, dewy glow from within (C); 7 nightstogorgeous (V), radiant younger-looking skin (V)**. Молодость – еще одна ипостась девушки-богини, в связи с этим омоложение часто употребляется как центральная идея в рекламе: *the Simply Ageless (V); You'll see younger-looking skin in just one week (V); looks younger for longer (C); In one month, see more youthful skin (C); Wake up to youthful, hydrated skin (BB); Keep the fragile skin below your chin looking youthful with our expert secrets (Sh); the sparkle of youth is in your eyes (Sh); Youth is back (Sh)*.

Привлекательность женщины-Афродиты также вербализуется посредством описания сияющих волос: *Keep hair sleek, Hair satys smooth even in 97% humidity (Sh); glam, shimmering (C); natural shine (C);* привлекательного описания частей лица (глаз, ресниц, губ): *Eyes appear whiter and brighter (C); Reveal layers of denser, more volumized lashes for the sensational full fan effect (C); The red kiss you will never forget (C); No matter the current beauty climate, one undisputed all-star remains at fashion's forefront: an ever dramatic ruby lip (V)*.

Таким образом, семантическое поле данного архетипа составляют лексемы, обозначающие части женского тела, и соответствующие атрибутивы, имеющие положительную коннотацию.

2. Архетип «хранительница домашнего очага» (Гестия).

Данный образ символизирует и домашний уют, и теплые отношения между членами семьи, и свет радости и жизни в семье и доме. В рекламной индустрии самым частым объектом изображения хранительницы домашнего очага является образ матери: *smart mom, smart clean (P); All day long, trust me, mama's health and energy, Trust mama, she is here (P); These aren't your mother's cookies. They just taste like it (P); Must-have & must-dos for mom & family (BB)*.

Особенность ухода за детьми особенно важна для изображения женщины-Гестии: **Mom's**

*medicine cabinet – from cold stomachy pain and allergies. **Mom** knows best (BB); Kids love the taste. **Moms** love that they're baked with 100% real cheddar cheese (P); **mother's** milk, everyday amazing (P).*

Вербализация образа богини Гестии может быть эксплицирована не только в словах *mom, mama*, также она рассматривается как часть концепта «family»: *A powerful clean with 6 essential ingredients that's safer for your **family** (BB); One meal for the whole **family** (BB); Your year-round immune support solution for the whole **family** (BB)*.

Данный архетип является наиболее устойчивым в силу длительного господства стереотипа женщины-домохозяйки в патриархальном обществе.

3. Архетип «независимая женщина» (Артемида).

По мере развития феминизма все большую популярность набирают те качества женщины, которые долгое время оставались «в тени». В древнегреческой мифологии Артемида, с одной стороны, известна как молодая богиня охоты; с другой стороны, связана с духовной независимостью личности. Женщина-Артемида авангардна и рациональна, не скована традиционными идеями и социальными стереотипами, устанавливает собственные эстетические стандарты и преследует собственные цели.

Такая женщина может быть внешне не привлекательна, но она в полной мере осознает свою силу. Так, на одном из рекламных плакатов популярного женского журнала изображена бритоголовая чернокожая женщина, пережившая рак со следующим слоганом: *Too confident – not just for me, but for all the girls like me (C)*.

Уверенность и смелость, «настоящность» – вот ключевые характеристики, сопровождающие процесс конструирования образа Артемиды: *A **confident** slash of bright liner, a **bold** lipstick – this is makeup to transform your mindset and prep you to take on anything (C); Do anything with **Certainty** (V); She is **boldly authentic, a true original**. She leads like a woman (Sh)*.

Душевная и ментальная свобода может быть вербализована в провокационных слоганах на фоне фотографий женщин с андрогинной внешностью, где ключевыми словами являются «different» и «fearless»: ***Different** – It means I'm not like anyone else (V); Women everywhere are **defying the norms** (V); To do the things we love, or to be with who we love. We're doing it – in our own way. For centuries, we've been told what to do and how to be. We have let others define us and our dreams. No more. **We know who we are**. We are **FEARLESS** like that (C)*.

4. Архетип «воительница» (Афина).

Он олицетворяет желание доказать свою ценность посредством активных действий, целью которых является преображение мира к лучшему. Воительница представляет собой универсальное значение силы, навыков и мужества.

В отличие от феминистки-Артемиды, Афина не только духовно независима, она также становится личностью, способной на любые активные действия, которые изначально приписывались только мужчинам. Сила женщины-воина все больше отражается в сценах работы и жизни: *The most prevailing constant: **strong women** (Sh); I now have the **strength** to call the shots (Sh)*.

Когда бренд продвигает серию товаров для здоровья, предназначенных для женщин, часто использует «**hero woman**» в качестве ключевого концепта: *The **hero woman**, fuel*

for your life (C); You can be the **hero woman**. Drive and focus to reach your full potential (V).

Зачастую образ Афины основан на образе чудо-женщины, созданном американской киноиндустрией, поэтому ее сила может быть гиперболизирована до способности управлять миром или изменять его к лучшему: **Women run the world**(Sh); *Harness their passion for food, beauty, sports, and acting to drive real, meaningful change, making the world healthier, happier, more connected, and infinitely stronger – now and for year to come* (Sh); *Girls in STEM become women who change the world*(C); **Rule your world again** (V); *The best part is I don't have to stop living my life!* (V).

Эмпирический материал позволил нам провести не только качественный, но и количественный анализ с точки зрения частотности представленных архетипов в отобранных рекламных текстах. Результаты представлены на диаграмме.

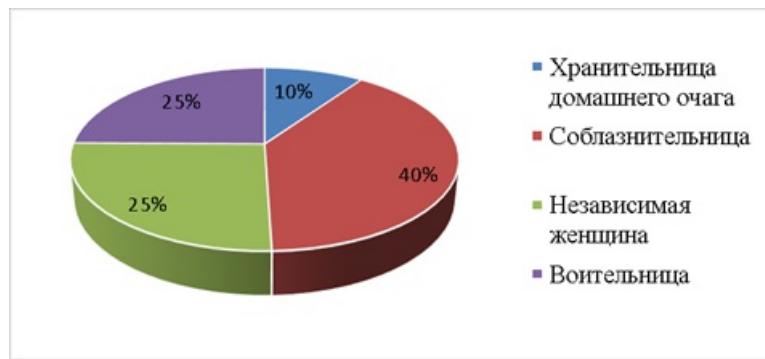

Рис 1. Количественное соотношение текстов, вербализующих женские архетипы

Таким образом, анализ вербализации эстетического идеала женщины в современной англоязычной рекламе позволил выявить наиболее актуальные образы, основанные на мифологических архетипах древнегреческих богинь.

Так, наиболее частотным является архетип соблазнительницы Афродиты, поскольку товары для красоты и молодости занимают самый крупный сегмент в индустрии товаров для женщин. Второе место делят архетипы воительницы и независимой женщины,ственные богиням Афине и Артемиде. Данный факт наглядно демонстрирует перераспределение социальных ролей в англоязычном сообществе. На последнем месте расположен бывший традиционным для женщин архетип хранительницы домашнего очага Гестии, который утрачивает свою распространенность в силу повышения уровня эмансипированности общества. Социальный аспект рекламного текста обуславливает его лексическое наполнение: ключевые слова, вербализующие вышеперечисленные концепты, являются константами для текстов конкретной тематики товаров. В силу лаконичности формы они являются идеальным суггестивным средством. Для Афродиты важными являются семантические поля «внешность», «возраст» и соответствующие их репрезентанты. Для Гестии – «семья»; для Деметры – «духовная свобода»; для Афины – «социальная активность». Можно сказать, что традиционные гендерные стереотипы об эстетическом идеале женщины в англоязычном рекламном тексте трансформируются, вследствие чего теории феминности и маскулинности начинают приобретать общие лингвокогнитивные принципы и средства презентации.

Библиография

1. Ильясова С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. 3-е изд. Москва: Флинта: Наука, 2013. 294 с.

2. Грошев И. В. Рекламные технологии гендер // Общественные науки и современность, 2000. № 4. С. 172-187.
3. Гумерова А. А. Основные тенденции в развитии дискурса гендерно-ориентированной рекламы в исследованиях западных ученых. Вестник Башкирского университета, 2012. Т. 17, № 3. С. 1350-1354.
4. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь): учебное пособие. Москва: Флинта: Наука, 2008. 263 с.
5. Дударева А. А. Рекламный образ. Мужчина и женщина. М.: РИП-холдинг, 2003. 222 с.
6. Каган М. С. Человеческая деятельность: опыт системного анализа. М.: Политиздат, 1974. 161 с.
7. Мощева С. В. Способы достижения экспрессивности в рекламном тексте: языковые и неязыковые выразительные средства: учеб. Пособие. Иваново, 2008. 108 с.
8. Огилви Д. Огилви о рекламе: пер. с англ. А. Гостева и Т. Новиковой / Д. Огилви. М.: Эксмо, 2013. 240 с.
9. Сердобинцева Е. Н. Структура и язык рекламных текстов: учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2014. 194 с.
10. Хасанова О. В., Каримова А. А., Загидуллина Г. Ф. Нarrатив в медиадискурсе (на материале русского и английского языков) // Казанский лингвистический журнал, 2022. Т. 3, № 5. С. 369-378.
11. Юнг К. Г. Аналитическая психология. Тавистокские лекции / К.Г. Юнг-СПБ.: Изд-во. МЦНК и Т-«Кентавр», 1994. 268 с.
12. Asemah Ezekiel S. Audience perception of the portrayal of women in television advertising / Asemah Ezekiel S., Edegoh Leo O. N., Ojih Emmanuel U. // AFRREV LALIGENS: An International Journal of Language, Literature and Gender Studies, 2013. № 2 (1). Pp. 21-37.
13. Blood S. Body work: The social construction of women's body image / Blood S. London: Routledge, 2005. 160 p.
14. Coleman R. The becoming of bodies: Girls, media effects and body image // Feminist Media Studies, 2008. № 8. Pp. 163-179.
15. Lindner K. Images of Women in General Interest and Fashion Magazine Advertisements from 1955 to 2002 / Lindner K. // Sex Roles, 2004. № 51. Pp. 409-421.
16. Официальный сайт журнала «Baby's and beyond». URL: <https://mediaxpose.co.za/babys-and-beyond-publication-page/>
17. Официальный сайт журнала «Cosmopolitan». URL: <https://www.cosmopolitan.com/>
18. Официальный сайт журнала «Elle». URL: <https://www.elle.com/>
19. Официальный сайт журнала «Parents». URL: <https://www.parents.com/>
20. Официальный сайт журнала «Shape». URL: <https://www.shape.com/>
21. Официальный сайт журнала «Vogue». URL: <https://www.vogue.co>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Эстетический идеал современной женщины в

англоязычной рекламе: социолингвистический аспект», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению языка СМИ, манипулятивных стратегий, применяемых в рекламе. Актуальность данного исследования обусловлена нарастающим интересом ученых к рекламным текстам ввиду их краткой формы и сложной семантико-структурной организации, которая учитывает не только языковые правила, но и когнитивные, психолингвистические и культурологические принципы создания произведений рекламного дискурса.

Цель данной статьи заявлена как описание наиболее устойчивых мифологических архетипов в качестве эстетических идеалов современных женщин и способов их вербализации, фигурирующих в англоязычном рекламном дискурсе.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Основной методологией явились: метод сплошной выборки, методы дефиниционного и лексико-семантического анализа, интерпретативный анализ отобранного материала и др.

Практическим материалом исследования был получен методом сплошной выборки из популярных изданий *Vogue*, *Cosmopolitan*, *Shape*, *Elle*, *Baby's and beyond*, *Parents* на английском языке. Всего для анализа было отобрано 200 текстов.

Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные, полученные статистическими методами или корпусным анализом.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 21 источник, среди которых представлены работы как на русском, так и иностранных языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории текста, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвященным связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Эстетический идеал современной женщины в англоязычной рекламе: социолингвистический аспект» может быть рекомендована к

публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Гавриш А.Д., Гуляева Е.В., Компанеева Л.Г. — Характеристики современного научно-популярного дискурса // Филология: научные исследования. — 2023. — № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.10.44163 EDN: FBAMML URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44163

Характеристики современного научно-популярного дискурса

Гавриш Алеся Дмитриевна

ORCID: 0000-0002-4791-5852

кандидат филологических наук

старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

400078, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, ул. Герцена, 10, ауд. 407

✉ prostozachem@mail.ru

Гуляева Евгения Вячеславовна

ORCID: 0000-0003-1605-8576

кандидат филологических наук

доцент, заведующий кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации, Волгоградский институт управления - филиал РАНХиГС

400078, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, ул. Герцена, 10, ауд. 407

✉ guevgenia@yandex.ru

Компанеева Людмила Геннадьевна

ORCID: 0000-0001-8328-013X

кандидат педагогических наук

доцент, кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации, Волгоградский институт управления - филиал РАНХиГС

400078, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, ул. Герцена, 10, ауд. 407

✉ kompaneyeva@mail.ru

[Статья из рубрики "Массовая литература"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.10.44163

EDN:

FBAMML

Дата направления статьи в редакцию:

28-09-2023

Аннотация: Статья посвящена изучению современной научно-популярной литературы с целью выявления некоторых лексических и стилистических особенностей, а также специфики методологии подачи научно-популярной информации в наши дни. Авторы делают особый акцент на исследовании недекларируемых неявных дискурсозначимых элементов научно-популярных текстов. В качестве материала исследования выступают печатные версии книг общим объемом 196,6 усл.печ.л. Анализ фактического материала показал, что авторы научно-популярных книг стремятся повысить степень доверия к себе со стороны аудитории самыми разнообразными способами, в том числе, интимизируя процесс общения с читателем, демонстрируя близость к официально признанным академическим кругам и позиционируя спродуцированный текст как научно-значимый. Одно из наиболее характерных явлений, отмеченных в научно-популярных текстах – наделение некоторых лексических единиц (в том числе и терминов) гиперсубъектностью по отношению к контексту и использование их в дальнейшем в самых разнообразных ситуациях с созданием неявного идеологического давления, а также настойчивая демонстрация универсальности этих лексических единиц. Во всех проанализированных текстах выявлена неочевидная дискурсообразующая телеология, которая является инструментом мягкого продвижения смыслообразующих и отчасти идеологически обусловленных способов осмысления разнообразной фактологии. Характерным для проанализированной научно-популярной литературы является наличие редуцированной аргументации с неоправданным привлечением сторонней аксиоматики и распространением аргументационной базы на междисциплинарный стык. Отмечается привлечение примитивизированной аргументации, рассчитанной на дилетантский обывательский уровень. Нередким является и умолчание имеющихся научно-значимых связей и закономерностей, или такая их интерпретация, которая не конфликтует со спродуцированной в тексте информационной определенностью. Также можно отметить отвлекающую информационную избыточность, которую авторы статьи рассматривают в качестве одного из умышленно созданных адресантом способов членения текста.

Ключевые слова:

массовая аудитория, научно-популярный дискурс, нежелательные дискурсивные связи, гиперсубъектность, неформальное членение текста, неочевидная дискурсообразующая телеология, эффект трансдисциплинарной доверительности, эффект опережающей осведомленности, информационная определенность, примитивизированная аргументация

Введение. Современное понимание научно-популярного дискурса заключается в том, что данный вид дискурса находится на стыке публицистического и научного стилей и нацелен, прежде всего, на популяризацию научных изысканий среди широкой аудитории [1]. Научно-популярный дискурс обладает уникальным набором признаков и вербальных поведенческих моделей, которые представляют особый интерес для исследователей-лингвистов [2, с.763], [3, с.1813], [4]. Можно отметить, что существует достаточно масштабный запрос массовой аудитории на получение информации, основанной на использовании научно-методологических принципов. Часть аудитории хочет в максимально доступной форме получать информацию, касающуюся тех сфер знаний, в которых она не обладает достаточным уровнем компетентности. Существуют различные

варианты подачи такого рода информации, в том числе, в виде научно-популярной литературы, издающейся на бумажных носителях. Мы полагаем, что печатные носители используют психологические закономерности распределения внимания читательской аудитории.

Цель работы. В данном исследовании нами проводится анализ современной научно-популярной литературы с целью изучения особенностей лексики и стиля подачи информации. Задачи исследования заключаются в выявлении в современных бумажных источниках недекларируемых неявных дискурсозначимых элементов и особенностей трансляции научно-популярной информации. Ещё одной задачей является проведение анализа особенностей методологии подачи научно-популярной информации.

Материалы и методы исследования. В качестве источника материала исследования были выбраны бумажные носители, а именно, 6 печатных книг относительно большого объема (общее количество условных печатных листов: 196,6). Источниками материала послужили следующие книги: «Пластичность мозга» Дойджа Н. [\[5\]](#), «Ученые скрывают? Мифы XXI века» Соколова А.Б. [\[6\]](#), «Псевдонаука» Подымова Л.И. [\[7\]](#), «Сердце машины. Наше будущее в эру эмоционального искусственного интеллекта» Йонка Р. [\[8\]](#), «Тайны мозга. Почему мы во все верим» Шермера М. [\[9\]](#), «Будущее разума» Каку М. [\[10\]](#). Проанализированные нами книги научно-популярного содержания имеют хорошее полиграфическое оформление и, в большинстве случаев, иллюстрации. Отметим, что все книги были приобретены в книжных магазинах города Волгограда, позиционировались как относящиеся к жанру научно-популярной литературы и стояли на соответствующих полках. Выбор книг осуществлялся методом случайной выборки.

Что касается методологии исследования, при анализе достаточно больших по объему текстов мы использовали совокупность современных методов лингвистического анализа текста. При отборе иллюстративного материала мы применяли метод сплошной выборки [\[11, с.157-63\]](#) для раскрытия смыслового наполнения некоторых ключевых терминов использовали методы дефиниционного и лексико-семантического анализа. Далее мы провели интерпретативный анализ отобранного материала, опираясь на процедуру лингвистического анализа текста, разработанную А. Н. Барановым. Особое внимание мы уделили интерпретации семантики текста [\[12, с.7\]](#), разграничению имплицитной и эксплицитной информации [\[12, с.17.40\]](#), выявлению манипулятивных технологий, связанных, к примеру, с навязыванием адресантом пресуппозиции [\[12, с.176\]](#). Элементы критического анализа дискурса применялись нами для анализа не только самого текста, но и для анализа визуальной и образной составляющей печатных изданий и выявления в текстах причинно-следственных связей [\[13, с.95-121\]](#), [\[14\]](#).

Отметим, что проанализированные нами бумажные носители рассчитаны на эксплуатацию специфических способов получения информации [\[15, с.85-94\]](#), [\[16\]](#). Среди этих способов хотелось бы особо выделить, что чтение книги это, как правило: индивидуализированный процесс, который при объёмности источника, практически неизбежно будет дискретным. Он также имеет вектор подачи информации: от формального начала к формальному концу печатного текста. Отдельные части текста оформляются как логически завершенные, а собственно конец повествования должен вызывать определенное желательное состояние у адресата, произвести на него некоторый эффект, связанный с удовлетворением эмоционально-когнитивных потребностей.

Результаты исследования и их обсуждение. Далее приведем статистические выкладки, полученные нами в результате анализа, которые, на наш взгляд, представляют особый интерес и нуждаются в более глубоком рассмотрении и пояснении. Перед этим считаем необходимым дать разъяснения некоторых моментов. Информация об авторе книги, содержащаяся в самой книге, является, по нашему мнению, значимой, так как читатель определяет степень научности источника, в том числе, и по ней. Наличие некорректного предметно-именного указателя может создать у читателя неверные представления о структуре информации, поэтому мы обращали внимание и на этот факт. Анализируя лексическое разнообразие текстов, мы отметили некоторые лексические единицы (в том числе термины), которые, с одной стороны, способны неявно расширить проблематику, а с другой стороны, вносят специфический окрас, создают возможность привлечения информации, сторонней по отношению к общему содержанию. Эти лексические единицы мягко привносят частичное идеологическое наполнение и создают распознаваемую акцентуацию лексики источника. В дальнейшем мы укажем некоторые из таких лексических единиц с подсчетом количества их упоминаний в тексте. Помимо этого, в научно-популярных текстах встречается большое количество имен собственных, так или иначе связанных с научным процессом. Мы при анализе фактического материала выявили относительно частое использование некоторых имен, на наш взгляд, не всегда однозначно определяемое очевидными потребностями собственно текста (в более подробном описании результатов анализа укажем некоторые из имен собственных). В части современного научно-популярного дискурса наблюдается определённая реализованная тенденция мифологизации деятельности реальных личностей. Мы обнаружили терминологические конструкты, содержащие мифологизированный эмоционально-окрашенный смысловой компонент («дарвиновская кнопка», «нейронный дарвинизм», «мозг Эйнштейна», «золотое правило Дарвина», «старик Дарвин»). Небезынтересно, что существует даже сериал 2015 года под названием «Друзья суперучёные», главными героями которого являются Альберт Эйнштейн, Чарльз Дарвин, Никола Тесла, Зигмунд Фрейд^[17]. В статистических выкладках мы представили данные по частоте встречаемости в тексте таких имен собственных как Чарльз Дарвин, Зигмунд Фрейд и Альберт Эйнштейн. Также для этих имен мы указали количество перекрестных упоминаний, под которыми мы понимаем нахождение в тексте имен на одной странице. Помимо этого, мы отметили встречающиеся в тексте упоминания продукции американских масс-медиа и масс-медиа, ассоциированных с ними (в том числе, кинематографической продукции) в связи с тем, что эти упоминания используются авторами книг в качестве аргументационной базы и иллюстративного материала, а также практически всегда позиционируются в качестве общеизвестной информации.

Итак, представим некоторые статистические выкладки, полученные в результате анализа книги «Тайны мозга. Почему мы во все верим». Издание позиционируется как научно-популярное, автор книги является «историком и популяризатором науки, адъюнкт-профессором Клермонского университета»^[19]. Затрагиваемая проблематика: социология, философия, астрономия, психология, психиатрия, история, политология, библиевистка, теология, биология, генетика, т.н. сексология, нейробиология, физика, этология, религиоведение, зоология, зоопсихология, география. В книге есть предметно-именно указатель. В тексте имеется следующее количество выявленных нами упоминаний: «Дарвин» – 24 (на стр. 252–4); «Фрейд» – 2; «Эйнштейн» – 43 (на стр. 274 –8). Перекрестные упоминания: «Дарвин» и «Эйнштейн» – 1 на стр. 309. Также выявлены частотные лексические единицы: «11 сентября» – 55; «ЦРУ» – 7; «США» – 29; «ВМС» США – 4; «Ирак» – 7. Лексический состав включает в себя, в том числе, названия брендов: «Oxford university press»; милитаризованную лексику: «Вторая мировая

война», «ФБР», «иракские военнопленные». Зафиксированные названия фильмов и другой продукции масс-медиа: сериал «X-files», «Мой ужин с Андрэ», «Игры разума», «Глубокая глотка», «Сумеречная зона», «За гранью возможного», «Невероятно!», «Шестое чувство», «Полтергейст», «Разменная монета», «Дух времени», мультфильм «Симпсоны», «Весь я», «Чумовая пятница», «Большой», «Из 13 в 30», сериал «Новобрачные», тв-шоу «Шоу Ларри Кинга», сериал «Free to choose», «Гарри Поттер», «Властелин колец», «Звездные войны», «Аватар», «Звездный путь», сериал «Неполиткорректно».

Некоторые статистические выкладки, полученные в результате анализа книги «Сердце машины. Наше будущее в эру эмоционального искусственного интеллекта» [8]. Издание позиционируется как научно-популярное. Автор – футуролог, программист-аналитик. В книге имеются благодарности академическим ученым. Затрагиваемая проблематика: нейрофизиология, психиатрия, физиология человека, биология, генетика, антропология, палеоантропология, психология, социология, информатика, философия, физика, т.н. сексология, сексопатология, языкознание. Предметно-именной указатель имеется, в нем отсутствуют имена Ч. Дарвин, З. Фрейд и А. Эйнштейн. В тексте имеется следующее количество выявленных нами упоминаний: «Дарвин» – 13 (среди них: 3 на стр. 354, «неодарвинистские взгляды» – 1, «дарвиновская кнопка» - 5); «Фрейд» – 1; «США» – 25 (в том числе: «Министерство обороны США» – 5, «МО США» – 2, «Соединенные штаты» – 2); «Ирак» – 3; «NASA» – 2. На стр. 131-135 имеется развернутая сюжетная линия, посвященная военным действиям США в Ираке. На стр. 227-228 приводится сочетание аббревиатур «Секретная служба США, ЦРУ, ФБР». В целом, можем отметить наличие в книге большого количества милитаризованной лексики. Лексический состав включает в себя, в том числе, многочисленные названия брендов и другие имена собственные: «Royal Dutch Shell», «Intel», «Microsoft», «Windows», «Bank of America», «Pepsi», «Google», «Apple», «Facebook», «Toyota», «Yamaha», «Nokia», «Gibson». Зафиксированы названия упомянутых в тексте фильмов и другой продукции масс-медиа: «Терминатор», «Парк Юрского периода», «Звездные войны», «Тайна красной планеты», «Назад в будущее», «Кто подставил Кролика Роджера», «Полярный экспресс», «Беовульф», «Рождественская история», «Ex Machina», «Она», «Искусственный разум», телевикторина «Рискуй!».

Некоторые статистические выкладки, полученные в результате анализа книги «Пластичность мозга» [5]. Данная книга позиционируется как издание для досуга, при продаже стояла на полке среди книг, которые относятся к научно-популярным. Автор – доктор медицины, психиатр, научный сотрудник Центра психоаналитического обучения и исследований Колумбийского университета в Нью-Йорке и факультета психиатрии университета Торонто. В книге имеются благодарности ученым-медикам и другим ученым. Затрагиваемая проблематика: медицина, психология, психиатрия, неврология, т.н. сексология, сексопатология, приматология, история, политология, нейрофизиология, нейропсихология, археология. Предметно-именной указатель отсутствует. В тексте имеется следующее количество выявленных нами упоминаний: «Фрейд» – 76 (в том числе, на стр. 362 – 6, стр. 363 – 6, стр. 364 – 4, стр.365-5, стр.366 – 6); «Дарвин» – 10 (в том числе «нейронный дарвинизм» – 1). Перекрестные упоминания Ч. Дарвина и З. Фрейда встретились нам на стр. 298 и 466. «США» – 10 (в том числе, «BBC США» – 2, «Соединенные Штаты» – 2, «USA» – 1). На стр.432 имеется развернутый сюжет, посвященный военно-воздушным силам США. Лексический состав включает в себя, в том числе, названия брендов и другие имена собственные: «Playboy», «Porsche»; названия СМИ «CNN»; милитаризированную лексику: «война во Вьетнаме», «американские войска», «Вторая Мировая война»; исторические факты и термины, провоцирующие

негативное восприятие истории СССР: «сталинизм», «ГУЛАГ»; литературные произведения: «Лолита» В.В. Набокова, серия книг «*Baby-Sitters Club*».

Некоторые статистические выкладки, полученные в результате анализа книги «Будущее разума». Автор – профессор теоретической физики, преподает в Нью-Йоркском Сити-колледже, также работает в Институте перспективных исследований в Принстоне и в Нью-Йоркском университете [\[10\]](#). Затрагиваемая проблематика: физика, астрономия, биология, нейрофизиология, генетика, физиология, нейробиология, психология, генетика, медицина, история, психиатрия, антропология, астрономия. Предметно-именной указатель имеется, однако, в нем отсутствует имя Ч. Дарвин. Указание на А. Энштейна располагается в разделе буквы «М» предметно-именного указателя («мозг Эйнштейна»). В тексте имеется следующее количество выявленных нами упоминаний: «Эйнштейн» – 61 (в том числе, на стр. 17 – 5, на стр. 189 – 7, на стр. 190 – 9); «Дарвин» – 9; «Фрейд» – 7. Перекрестные упоминания: Ч. Дарвин и З. Фрейд: 1 на стр. 318; Ч. Дарвин и А. Эйнштейн – 1 на стр. 191. «США» упоминается 43 раза (в том числе, «армия США» – 5 раз, «BBC США» – 4, «ВМС США» и «ВМФ США» по 1); «Пентагон» – 7 упоминаний; «ЦРУ» – 10; «NASA» – 15. На стр. 121 и 122 находится развернутый сюжет, посвященный боевым действиям США на Ближнем Востоке. Лексический состав включает в себя, в том числе, названия брендов и другие имена собственные: «Microsoft», «Windows», «Pentium», «IBM»; названия СМИ «New York Times», «YouTube», «Washington post»; встречается большое количество милитаризированной лексики: «Вьетнамская война», «Корейская война», целых 17 упоминаний аббревиатуры «DARPA» (агентство по перспективным оборонным научно-исследовательским разработкам США), «Ирак и Афганистан». Также нам встретились исторические факты и термины, провоцирующие негативное восприятие истории СССР: «авария на Чернобыльской АЭС», «хранилища советских ракет». Зафиксированные названия фильмов и другой продукции масс-медиа: «Запретная планета», «Матрица», «Звездный путь», «Железный человек», «Сурrogаты», «Аватар», «Фантастическое путешествие», «Люди Икс», «Звездные войны», «Вспомнить все», «Идентификация Борна», «Люди в черном», «Чарли», «Человек дождя», «Планета Обезьян», «Восстание планеты обезьян», «Начало», «День независимости», «Сумеречная зона», «Пролетая над гнездом кукушки», «Правдивая ложь», «Знакомство с Факерами», «Особое мнение», «Игры разума», «Искусственный разум», «2001: космическая Одиссея», «Терминатор», «Экзорцист», «Звездный путь», «Земля против летающих тарелок», телешоу «*Doogie Howser*».

Некоторые статистические выкладки, полученные в результате анализа книги «Ученые скрывают? Мифы ХХI века». Автор «с отличием окончил Санкт-Петербургский государственный университет по специальности прикладная математика, научный журналист, преподаватель» [\[6\]](#). Затрагиваемая проблематика: биология, антропология, генетика, история, лингвистика, социология, археология, политология, зоопсихология, медицина, психология, психиатрия, теология, этнография, диетология. Предметно-именного указателя нет. В тексте имеется следующее количество выявленных нами упоминаний: «Эйнштейн» – 10; «Дарвин» – 36 (из них на стр. 117 встречается 7); «Фрейд» – 1. Перекрестные упоминания: А. Эйнштейн и З. Фрейд – 1 на стр. 40; Ч. Дарвин и А. Эйнштейн – 4 на страницах 82, 101, 126 и 135. Также в книге встречаются следующие аббревиатуры: «ЦРУ» – 1 упоминание, «США» – 14, «NASA» – 2 и милитаризированная лексика: «Пентагон» – 3, «Ирак» – 8 (в том числе, «война США с Ираком» – 1, «потери Америки в Ираке» – 2). Лексический состав включает в себя, в том числе, название бренда «Google» (7 упоминаний); название СМИ: журнал «Nature» – 10; название соц. сети «Facebook*» (*деятельность данной социальной сети запрещена на

территории Российской Федерации) и онлайн-видеоплатформы «Youtube». Также нам встретились исторические факты и термины, провоцирующие негативное восприятие истории СССР, которые нашли отражение в следующих лексических единицах: «введение советских войск в Афганистан», «Сталин и Гитлер». Зафиксированные названия фильмов и другой продукции масс-медиа: «Звездные войны», «Матрица», «Космическая Одиссея», «Ночь в Музее», «Последний неандертальец», сериал «X-files».

Некоторые статистические выкладки, полученные в результате анализа книги «Псевдонаука» [7]. Автор является преподавателем в институте, позиционирует себя как академический ученый. Затрагиваемая проблематика: астрономия, физика, палеонтология, т.н. сексология, религиоведение, генетика, философия, психология, археология, медицина, антропология, нейрофизиология. Предметно-именной указатель отсутствует. В тексте имеется следующее количество выявленных нами упоминаний: «Эйнштейн» – 29 (в том числе, по 3 на стр. 143 и 164); «Дарвин» – 42 (в том числе, на стр.150 – 8 упоминаний, «старик Дарвин» – 1, «дарвинизм» – 6); «Фрейд» – 3. Перекрестные упоминания: Ч. Дарвин и А. Эйнштейн – 8 на страницах 45,47,139,140,149,164,171,462; Ч. Дарвин, А. Эйнштейн и З. Фрейд – 1 на стр. 171. «США» упоминается 13 раз; «ЦРУ» – 4; «NASA» – 3; «11 сентября» – 4. Лексический состав включает в себя, в том числе, милитаризированную лексику: «Пентагон», «DARPA» и исторические факты и термины, провоцирующие негативное восприятие истории СССР: «война в Афганистане», «потери советских войск». Также в книге встречаются названия литературных произведений: «Гарри Поттер», роман «Автостопом по галактике» и названия фильмов и другой продукции масс-медиа: сериал «Доктор Хаус», «Аватар», «Интерстеллар», сериал «Теория большого взрыва».

Далее постараемся более детально проанализировать полученные нами результаты и выявить, если возможно, значимые закономерности функционирования научно-популярного дискурса. Авторы исследуемых нами книг стремятся повысить степень доверия к себе со стороны аудитории самыми разнообразными способами. Среди них можно выделить интимизацию процесса общения с читателем [18, с.483-485], [19], использование в повествовании фактов из биографии самого автора или его окружения, демонстрацию близости к официально признанным академическим кругам, выражющуюся в многочисленных благодарностях ученым, а также позиционирование спродуцированного автором текста как научно-значимого или, по крайней мере, всесторонне научно-обоснованного.

Пожалуй, наиболее характерное явление, отмеченное нами в ходе анализа материала – наделение некоторых лексических единиц (в том числе и терминов) гиперсубъектностью по отношению к контексту и использование их в дальнейшем в самых разнообразных ситуациях с созданием неявного идеологического давления, а также настойчивая демонстрация универсальности этих лексических единиц. Отметим, что при этом мы, применительно к нашей работе, понимаем идеологию следующим образом: это повторяющиеся способы социального взаимодействия, обусловленные принятием индивидом в качестве универсальной ценностной базы достаточно простых ригидных эмоционально-когнитивных построений, основанных на функционировании оценочных схем «хорошо-плохо» или «приемлемо-не приемлемо». Приоритеты системы аргументации любой идеологии состоят из небольшого количества открыто декларируемых универсальных принципов [20, с.13-24]. Мы расцениваем появление в текстах лексических единиц (в том числе терминов), наделенных гиперсубъектностью, в качестве одного из важнейших признаков, свидетельствующих о наличии идеологических составляющих в интенциях автора. В анализируемом материале мы

можем выделить некоторые элементы идеологических построений, являющиеся структурными компонентами гибридной идеологии, основанной на универсальном релятивизме, некритически идеализирующем часть научной методологии. Всё это в проанализированных текстах зачастую напрямую не связано с заявленной проблематикой и отформатировано в особые эмоционально-когнитивные блоки, нередко подменяющие когнитивные составляющие легко реализуемым эмоциональным потенциалом текста. В проанализированном материале идеологические составляющие не маркируются и не выделяются легко распознаваемыми специфическими элементами, как это обычно бывает в рамках функционирования идеологии.

Полагаем, что в научно-популярных текстах нередко продуцируется широкая наукообразная (в том числе с частичным привлечением и собственно-научной методологии) информационная база, прямо или опосредованно связанная с гиперсубъектными лексическими единицами. Это достигается также созданием и последующей эксплуатацией локальных и, как правило, некорректных избыточных междисциплинарных связей. Мы при анализе текстов обнаружили несколько закономерностей, касающихся распределения в «теле» текста наделенных гиперсубъектностью лексических единиц. Первая закономерность: их достаточно равномерное распределение, несоотносимое с последовательностью развития содержательной части. Вторая закономерность состоит в концентрации, сосредоточении максимального количества наделенных гиперсубъектностью лексических единиц, в том числе, терминов на единицу текста и создании таким образом визуально воспринимаемой графической (иконической) плотности.

Также мы обратили внимание на то, что практически во всех проанализированных нами источниках отсутствует последовательное философское осмысление заявленной проблематики. В текстах не имеется даже упоминания того, что такое осмысление вообще возможно, необходимо и является неотъемлемой частью научного процесса. Однако, в этих текстах имеется неочевидная дискурсообразующая телеология, которая является инструментом мягкого продвижения смыслообразующих и отчасти идеологически обусловленных способов осмысления самой разнообразной фактологии. В текстах формируются парадигмально-опорные точки (стечение смыслов), которые создают и стимулируют дальнейшее построение простых наукообразных схем «по аналогии». Редукция вариантов научного осмысления и стереотипизирование таких вариантов не могут обойтись без умалчивания и игнорирования «неудобной» фактологии.

В ходе анализа мы обнаружили многочисленные способы таких операций с информацией со стороны адресанта, которые трудно назвать корректными. Опишем некоторые из них:

1. Наличие редуцированной аргументации с неоправданным привлечением сторонней аксиоматики и распространением аргументационной базы на междисциплинарный стык.
2. Базовая аксиоматика, лежащая в основе научных теорий, опускается адресантом, не привлекается или игнорируется. Создается иллюзия существования самодостаточной и самовоспроизводящейся объективной научной реальности, определяющей аксиологию любых процессов, в том числе, социальных.
3. Привлечение примитивизированной аргументации, рассчитанной на дилетантский обывательский уровень: «Эволюция-медленный процесс, чтобы увидеть ее - нужно прожить сотни тысяч лет» [\[6, с. 253\]](#); «При такой оценке даже в нашем Млечном Пути должно существовать минимум 200 тысяч обитаемых планет (одна миллионная

умножается на 200 миллиардов)» [\[7, с.371\]](#); «С тех пор ученые сумели оценить число развитых цивилизаций в Галактике намного точнее» [\[10, с.423\]](#); «Эволюция отличается консерватизмом...» [\[5, с.356\]](#); «Исследования показали, что более частое и прицельное метание экскрементов свидетельствовало о более высоком интеллекте наблюдаемых шимпанзе. Хотя в современном человеческом обществе такое поведение суроно порицается, оно, по всей вероятности, было одной из обычных коммуникативных практик древних людей. Теперь у нас есть мотиватор!» [\[8, с.38-39\]](#); «Эволюция умнее науки» [\[9, с.472\]](#).

4. Умолчание имеющихся научно-значимых связей и закономерностей, или такая их интерпретация, которая не конфликтует со спрощененной в тексте информационной определенностью. Иногда аргументация развертывается в тексте таким образом, что умалчиваются базовые принципы, на основании которых эта аргументация бытует в общедоступных источниках. К примеру, существуют стандарты Американской Психологической Ассоциации, применение которых обязательно для психологов-членов ассоциации: «*Психологические тесты и другие методы исследования, ценность которых частично зависит от неосведомленности испытуемого, не воспроизводятся и не описываются в популярных изданиях таким способом, который может сделать невалидным сам метод исследования. Доступ к таким исследованиям ограничен теми людьми, кто профессионально заинтересован в них и гарантирует их безопасное использование*» [\[21, с. 56-60\]](#). Таким образом, значительная часть результатов работы психологов-членов Американской Ассоциации, обнародованных в научно-популярном дискурсе, оказывается попросту невалидной.

5. Отвлекающая информационная избыточность [\[22, с.57-61\]](#), связанная, в том числе, и с неформальным членением текста читательской аудиторией. Мы как исследователи рассматриваем это в качестве одного из умышленно созданного автором способов членения текста. Создается сочетание формального и неформального членения текста, которое может быть использовано в манипулятивных целях. Можно отметить, что информационная перегруженность эксплуатирует то, что мы понимаем как «эффект трансдисциплинарной доверительности» – построение адресантом внешне непротиворечивой системы, использующей элементы научных знаний из разных отраслей науки, с выведением значимой информации из-под действия необходимых формальных правил научной методологии. Этот эффект, на наш взгляд, состоит в том, что создается недекларируемая иерархическая система околонаучных (а иногда и псевдонаучных) универсальных, в том числе, идеологически обусловленных построений, представляющих из себя недостаточно обоснованные (или лишь эмоционально обусловленные) простейшие цепочки причинно-следственных связей.

6. Масштабность освещаемых проблем и разброс дисциплин, формирующая у читателя своеобразное системное восприятие информации, в результате чего может возникнуть весьма специфичное мироощущение. В таком мироощущении и миропонимании расстановка приоритетов зависит от навязанной доминанты восприятия информации (этот доминант может быть достаточно простой, или даже примитивной). У аудитории в результате прочтения не возникает неприятия относительно несущественных идеологических составляющих текста именно из-за широты разброса привлеченных в качестве аргументов знаний, в которые они органично включены. Упрощенное мировосприятие и мироощущение замаскировано нагромождением информации, почертнутой из самых разнообразных дисциплин.

Помимо прочего, при анализе научно-популярных текстов мы отметили феномен, который можно было бы обозначить как «эффект опережающей осведомленности». Игнорирование и умалчивание неудобной информации – достаточно результивный прием. Однако, в современных условиях развития цифровых технологий реализовать его тяжело, так как информационная лакуна может быть спонтанно заполнена при использовании аудиторией самых неожиданных источников. Вероятно, именно поэтому модифицированная и минимизированная «неудобная информация» внедряется в научно-популярные тексты таким образом, чтобы она не создавала нежелательных дискурсивных связей (не обращалась к таковым), а тяготела бы к уже имеющимся, более предпочтительным с точки зрения адресанта. В проанализированной нами научно-популярной литературе значительная часть смыслообразующих понятий и смысловых доминант опираются именно на эффект опережающей осведомленности. В целом, мы могли бы определить его как введение в текст адресантом относительно нежелательной информации такими способами, что заместительно минимизируются или пресекаются нежелательные дискурсивные связи, а также значимо снижается потребность адресата к выявлению или установлению наличия таких связей.

Также добавим, что многочисленные упоминания о продукции американских масс-медиа и масс-медиа, ассоциированных с ними, в том числе, упоминания о художественных фильмах, в целом используются в анализируемых нами текстах в качестве общеизвестной информации и зачастую выступают в качестве своеобразного авторитетного источника. Апелляция к таким продуктам масс-медиа производится по тем же схемам, что обращение к массивам значимой информации и становится контекстуально активной, служит вспомогательным средством для выстраивания аргументационных цепочек.

Выводы. Таким образом, результаты, полученные в ходе анализа фактического материала, позволили нам сделать следующие выводы. Телеология процесса трансляции информации не всегда отвечает целям, декларируемым авторами, позиционирующими источник как научно-популярный. Авторами книг широко используются эффективные способы воздействия на массовую аудиторию, более характерные для политического дискурса. В качестве примеров таких способов можно привести следующие:

- 1) интенсивное информационное давление, определяемое как широким разбросом тем, так и избыточностью информации;
- 2) неоправданное детализирование;
- 3) игнорирование и замалчивание «неудобной» части информационного потока;
- 4) встраивание в информационный поток идеологически обусловленных элементов;
- 5) интимизация процесса подачи информации.

В проанализированных нами источниках религиозное мировоззрение показано в виде разрозненных, противоречивых, несогласованных между собой частей, создающих неверное представление об объективной реальности. Религиозное мировоззрение изображается как наивное и явно противопоставляется науке в целом. Декларируемый авторами «научный подход» состоит, в том числе, из последовательного отторжения религиозно-философского осмысления действительности.

Наличие выделенных нами эффектов «опережающей осведомленности» и «трансдисциплинарной доверительности» позволяет обоснованно предположить наличие

сложных недекларируемых закономерностей построения текста. Создание эмоционального фона, скреплённого с гиперкритическими способами осмыслиения «неудобной» информации, может повлечь за собой потенциальное отторжение адресатом такой информации в дальнейшем. В рамках научно-популярного дискурса такое отторжение представляется нам весьма вероятным. Бытование гиперсубъектных лексических единиц, в том числе, терминов, можно расценивать как элемент неявного идеологического давления на аудиторию, а противопоставление научного и религиозного мировоззрения – как часть глобального либерально-релятивистского дискурса, стремящегося вытеснить систему традиционных ценностей и подменить ее идеологическими конструктами, использующими в качестве аргументационной базы отформатированные элементы научной методологии.

Возможными перспективами исследования является проведение подобного анализа других источников – носителей научно-популярной информации с целью выявления в них выделенных нами закономерностей. Небезынтересными могут оказаться попытки определения целеполагания использования идеологических составляющих в научно-популярном дискурсе.

Библиография

1. Кузьминых Ж.О., Красильникова Н.В. Научно-популярный дискурс как коммуникативный феномен: сущность и основные характеристики // Universum: филология и искусствоведение: электрон. научн. журн., 2022, № 7(97) [Электронный ресурс]. URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/14077> (дата обращения: 20.05.2023)
2. Кисилев А.Ю. Адресные стратегии в научно-популярном дискурсе // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, 2010. №5. С. 762-765.
3. Таюпова О. И. Языковой код в научно-популярном тексте // Вестник Башкирского ун-та, 2012. №4. С. 1812-1815.
4. Карасик В. И. О типах дискурса. Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сборник научных трудов под редакцией В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20.
5. Дойдж Н. Пластиичность мозга. Потрясающие факты о том, как мысли способны менять структуру и функции нашего мозга [пер. с англ. Е. Виноградовой]. М.: изд-во «Э», 2017. 544 с.
6. Соколов А. Ученые скрывают? Мифы XXI века. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 370 с.
7. Подымов Л.И. Псевдонаука. М.: ACT, 2018. 478 с.
8. Йонк Р. Сердце машины. Наше будущее в эру эмоционального искусственного интеллекта. [пер. с англ. Э.Воронович]. М.: Эксмо, 2019. 464 с.
9. Шермер М. Тайны мозга. Почему мы во все верим. [пер. с англ. У. Сапциной] М.: Эксмо, 2015. 560 с.
10. Каку М. Будущее разума: пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 502 с.
11. Bhardwaj P. Types of sampling in research. Journal of the Practice of Cardiovascular Sciences, 2019. №5. Pp. 157-63.
12. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: учебное пособие. М.: изд-во Флинта: Наука, 2013. 592 с.
13. Van Dijk T. Multidisciplinary Critical Discourse Analysis: a plea for diversity // Methods of critical discourse analysis / Edited by R. Bak and M. Meyer. Guildford, Surrey: Biddles Ltd, 2001. Pp. 95-121.

14. Machin D. and Mayr A. (2012). How To Do Critical Discourse Analysis. A multimodal introduction. Los Angeles: SAGE. 236 p.
15. Ziming L. Digital reading. Chinese Journal of Library and Information Science (English edition), 2012. Pp. 85-94.
16. Jeong H. A comparison of the influence of electronic books and paper books on reading comprehension, eye fatigue, and perception. The Electronic Library, 2012, Vol.30, №3. Pp. 390-408. <https://doi.org/10.1108/02640471211241663>
17. Друзья суперученые (сериал, 1 сезон) // Интернет-сервис «Кинопоиск» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/949167> (дата обращения: 10.03.2023)
18. Доронина И.М. Вербальное поглаживание в фатическом общении. Психолингвистический аспект. Философия в XXI веке: социально-философские проблемы современной науки и техники : Материалы I Международной научно-практической конференции, 12 мая 2023 года. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2023. – С. 483-485.
19. Кузнецова А.А. О соотношении понятий «интимизация речи» и «диалогизация речи» (лингвопрагматический аспект) Russian Linguistic Bulletin, 2023, №5 (41). DOI: 10.18454/RULB.2023.41.22
20. Подгорный В.В. Феномен идеологии в управлении социальным развитием общества // Вопросы управления, 2016. №2 (20). С. 13-24.
21. American Psychological Association. (1963). Ethical standards of psychologists. American Psychologist, 18(1), 56–60. DOI: 10.1037/h0041847
22. Гавриш А.Д. Эмоциональная и информационная избыточность в современной медиакоммуникации. Лучшая научно-исследовательская работа 2021 : сборник статей XXX Международного научно-исследовательского конкурса (Пенза, 28 февр. 2021 г.). Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение». 2021. С. 57-61.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Характеристики современного научно-популярного дискурса», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению различных видов дискурса и их языковых особенностей, в особенности научного, с учетом все большей ориентацией на применение языка в профессиональной деятельности в подготовке будущих специалистов.

В данном исследовании нами проводится анализ современной научно-популярной литературы с целью изучения особенностей лексики и стиля подачи информации. Задачи исследования заключаются в выявлении в современных бумажных источниках недекларируемых неявных дискурсозначимых элементов и особенностей трансляции научно-популярной информации. Ещё одной задачей является проведение анализа особенностей методологии подачи научно-популярной информации.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкоznании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и

задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Основной методологией явились: метод сплошной выборки, методы дефиниционного и лексико-семантического анализа, интерпретативный анализ отобранного материала и др.

В качестве источника материала исследования были выбраны бумажные носители, а именно, 6 печатных книг относительно большого объема (общее количество условных печатных листов: 196,6). Источниками материала послужили следующие книги: «Пластиность мозга» Дойджа Н., «Ученые скрывают? Мифы ХХI века» Соколова А.Б., «Псевдонаука» Подымова Л.И., «Сердце машины. Наше будущее в эру эмоционального искусственного интеллекта» Йонка Р., «Тайны мозга. Почему мы во все верим» Шермера М., «Будущее разума» Каку М.

Выбор книг осуществлялся методом случайной выборки.

Теоретические измышления недостаточно проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные, полученные статистическими методами или корпусным анализом.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 22 источника, среди которых представлены работы как на русском, так и иностранных языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории текста, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвященным связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Характеристики современного научно-популярного дискурса» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Константинова Н.В. — «Путешествие Эраста Крутолобова в Москву и Петербург в 30-х годах XIX столетия» В. Новодворского как пародия на сентиментальную повествовательную модель травелога // Филология: научные исследования. – 2023. – № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.10.68844 EDN: FBOLWI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68844

«Путешествие Эраста Крутолобова в Москву и Петербург в 30-х годах XIX столетия» В. Новодворского как пародия на сентиментальную повествовательную модель травелога

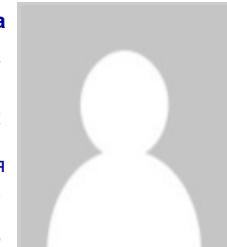
Константинова Наталья Владимировна

ORCID: 0000-0002-7329-9977

кандидат филологических наук

доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения
литературе Новосибирского государственного педагогического университета

630126, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28, корпус 3

scribe2@yandex.ru[Статья из рубрики "Массовая литература"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0749.2023.10.68844

EDN:

FBOLWI

Дата направления статьи в редакцию:

30-10-2023

Аннотация: Предметом исследования является малоизвестный широкому кругу читателей пародийный текст известного филолога, автора фундаментальной монографии о «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина, В. В. Сиповского (псевдоним – В. Новодворский) «Путешествие Эраста Крутолобова в Москву и Петербург в 30-х годах XIX столетия» как пародия на повествовательную модель травелога. Цель исследования – определить специфику описания сентиментальной повествовательной модели травелога в произведении В. Новодворского (В. В. Сиповского), охарактеризовать авторскую рефлексию о способе организации повествования в пародийном тексте о путешествии. Теоретической базой исследования послужили работы Ю. Н. Тынянова, А. Шенле, В. М. Гуминского, О. В. Кублицкой, Ю. В. Шатина, И. В. Банах, посвященные

теории пародии и анализу повествовательной структуры пародийных травелогов. Для осмыслиения специфики пародии В.В. Сиповского на сентиментальную повествовательную модель травелога используются следующие методы исследования: биографический, структурно-типологический, историко-литературный. Научная новизна исследования заключается в особом материале, который выражает точку зрения автора-филолога, исследователя «карамзинского канона» в жанре травелога, что позволяет обнаружить «общие места» сентиментальной традиции, существенно модифицированные в 30-е годы XIX века под влиянием новых литературных тенденций. Анализ способов самовыражения писателя-литературоведа в процессе создания пародии выявляет исследовательскую рефлексию не только на уровне литературной игры, но и через моделирование повествовательной структуры текста, в которой не только пародируются этапы путешествия главного героя, Эраста Крутолобова, «событие путешествия», но и выражается амбивалентность представлений о «событии рассказывания» о путешествии, противопоставляются сентиментальная повествовательная модель и реалистическая.

Ключевые слова:

пародия, травелог, сентиментальная повествовательная модель, Сиповский, автор, путешествие, исследовательская рефлексия, способы авторского самовыражения, XIX век, Новодворский

В современной науке пародии на травелог становятся объектом исследования чаще с целью выявления модификации жанровых признаков, в контексте описания эволюции жанра в историко-литературном процессе. При этом анализу специфики организации повествовательной структуры текста о путешествии редко уделяется внимание. В то же время многочисленные пародии на «чувствительные путешествия» в русских травелогах первой трети XIX века [2, 7, 8, 10, 13, 19, 12] наглядно демонстрируют кризис сентиментальной поэтики, «слабость» и несостоятельность «общих мест» «карамзинского канона». Чувствительность, субъективность восприятия мира рассказчиком доводится до абсурда, что приводит к исчезновению основного события травелога – перемещения героя в пространстве, перехода из своего в чужое, неизвестное. Ставится под сомнение и истинность (факторическая точность) самой истории путешествия, изложенной в тексте, допускается вымысел, фантазия, игра воображения, как следствие безграничной свободы, дарованной «чувствительному путешественнику» как создателю травелога. В связи с этим возникают варианты феномена путешествия – «путешествия до путешествия», «путешествия без путешествия», «путешествия по знакомой улице», «воображаемого/фантастического путешествия», нивелирующие факт достоверности происходящего, что определяло фундамент жанра. Выведение на первый план пишущего/повествующего субъекта – «чувственного путешественника» – постепенно разрушает жанровые признаки травелога, «исповедь о себе» как о меняющейся личности (физическими и духовно) под воздействием перемещения в пространстве, обновления превращается в формальный бытовой разговор о незначительном событии. Указанные особенности актуализируют важные исследовательские задачи – определить, какие элементы сентиментальной повествовательной модели травелога подвергаются пародированию, как выражается авторская рефлексия о способе организации повествования в пародийном тексте о путешествии.

В исследовательском поле существуют разные подходы к описанию пародийных текстов в заявлении аспекте. Так, выделяя в русских травелогах «пространство иронии», А.

Шенле в качестве основного объекта пародий на произведения Стерна выделяет принцип изменения традиционной модели повествовательной структуры текста о путешествии: событие путешествия сводится до минимума, до незначительных встреч, зато «дается полная свобода воображению путешественника» [\[21, с. 152\]](#). Обращение к анализу пародийных текстов Вельтмана и Сенковского в контексте описания эволюции жанра в первой трети XIX века позволяет сделать похожее замечание и И. В. Банах: «... сентиментальное путешествие “изживало” себя своими же собственными возможностями, разрушая само представление о событии в путешествии как изменении исходной топологической структуры, и явило образец бесфабульного повествования – путешествия без путешествия» [\[1, с. 79\]](#). В.М. Гуминский объясняет возникновение пародийных путешествий как продолжение «диалога русской литературы (культуры) с западноевропейской» [\[6, с. 129\]](#). На кризис авторской идентичности в русских травелогах 1830-х гг. (на материале пародийных текстов Вельтмана и Сенковского) обращает внимание и О. Ю. Осьмухина, выделяя феномен «авторской маски» [\[15\]](#). Разрушение традиционной модели травелога представлено и в популярном произведении И.П. Мятлева «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'энтранже» [\[13\]](#), материалом для которого послужила реальная поездка Мятлева по Европе (1836-1839), а именно по Германии, Швейцарии, Италии и Франции. По мнению Ю. В. Шатина, «Мятлев взрывает жанр изнутри, разрушая его целостность, заменяя ее коллажем и достигая тем самым эффекта травестии травелога» [\[20, с. 271\]](#). Особенностям повествовательной структуры пародийных текстов уделяет в своих исследованиях О. В. Кублицкая (Мамуркина), выделяя в качестве основного объекта пародии в травелогах Н. Брусилова [\[2\]](#) и анонимного автора [\[8\]](#) тип рассказчика – «чувствительного путешественника» [\[9, 11, 12\]](#). По известному утверждению Ю. Н. Тынянова, «пародия существует постольку, поскольку сквозь произведение просвечивает второй план, пародируемый; чем уже, определеннее, ограниченнее этот второй план, чем более все детали произведения носят двойной оттенок, воспринимаются под двойным углом, тем сильнее пародийность» [\[18, с. 26\]](#). Опираясь на фундаментальное исследование ученого, определим, что «вторым планом» в пародийных русских травелогах первой трети XIX века становится сентиментальная повествовательная модель. Используя структурно-семиотический и герменевтико-интерпретационный методы исследования, проанализируем принципиально новый вариант пародийного текста.

Указанные тенденции становятся объектом филологической авторской рефлексии в собственном пародийном тексте одного из ключевых исследователей «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина [\[17\]](#), В. В. Сиповского – «Путешествие Эраста Крутолобова в Москву и Санкт-Петербург в 30-х годах XIX столетия» [\[14\]](#), изданном в 1929 году под псевдонимом В. Новодворский. По мнению А. Ю. Веселовой, «роман Сиповского в пародийной форме иллюстрирует отражение литературной борьбы идеализма и реализма в общественной жизни начала XIX века и роль сентиментализма и его создателя Карамзина в истории развития русской литературы» [\[4, с. 66\]](#). Этому аспекту посвящена и отдельная работа литературоведа [\[16\]](#).

Текст В. В. Сиповского – своеобразная «литературная игра» с предшествующей традицией, на что указывает обилие реминисценций разного рода, представленных уже в заглавии. Нас же будет интересовать произведение о путешествии Эраста Крутолобова как пародия на травелог, выражаящий точку зрения автора-филолога, исследователя «карамзинского канона», его влияния на формирование жанра в первой трети XIX века.

В этом отношении «Путешествие Эраста...» рассматривается как пародия на ключевые элементы – «общие места» сентиментальной традиции путешествия, на сентиментальную повествовательную модель в целом. Выбрав форму травелога, В. В. Сиповский демонстрирует в свою очередь индивидуально-авторский вариант переосмысления как литературной традиции XIX века, так и документальной, выделяя с помощью пародийного дискурса универсальные модели. В связи с этим можно констатировать, что авторское Я произведения об Эрасте включает в себя и биографического автора, который решает скрыться за псевдонимом В. Новодворский, и автора-филолога, профессионально ориентирующегося в поэтике травелога, и субъекта повествования, представляющего историю путешествия определенного типа («в Москву и Санкт-Петербург в 30-х годах XIX столетия»).

В небольшом предисловии «От автора» сообщается, что «материал для рассказа: «Путешествие Эраста Крутолобова» почерпнут из мемуарной литературы 30-40 гг., а также из романов и повестей той же эпохи. Цель автора была показать некоторые стороны быта обыкновенных людей того времени. Ради обострения занимательности рассказу придан авантюрный характер, а также сознательно допущены некоторые анахронизмы» [\[14, с. 182\]](#). В комментарии обращает на себя внимание, во-первых, временной период XIX века, выделенный также и в заглавии – 30-е годы. Во-вторых, принцип отбора материала и цель автора выражают стремление соотнести литературное и документальное, достоверное и вымышленное, с помощью чего указать на типичное.

Соотношение литературы и действительности становится одной из проблем, над которой рассуждает главный герой произведения – Эраст Крутолобов. В финале, после завершения путешествия, он, несмотря на уверения матери, отказывается писать об этом: «О своем сентиментальном пешеходном путешествии по Малороссии Эраст ничего писать не хотел. Перечитав «Путешествие по Малороссии», сочиненное прадедом, князем Шаликовым, он нашел, что ничего общего между этим сочинением и украинской действительностью нет» [\[14, с.181\]](#). Однако отказывается Эраст писать только в жанре травелога, тогда как «литературные темы» он с матерью обсуждает. Пародийное описание «литературной деятельности» Эраста (все возникает и завершается только на уровне проектов) выявляет наиболее популярные для литературного сентиментального канона сюжеты: «о бедной Палаше, похищенной гусаром»; «о злосчастной Полине, жертве родительского произвола»; «о насилии браке Эраста (или самоубийство от чувствительности)»; «о кусте герани» (о любовном разочаровании чувствительной старой девы). Показательно, что такой выбор сюжетного репертуара соотносится не только с самой литературной традицией сентиментальных путешествий, но и с пародийными вариантами на нее. Так, например, четвертый сюжет – «о кусте герани» – очевидно коррелирует на уровне многочисленных реминисценций с произведением А. Вельтмана «Путевые впечатления, между прочим горшок герани», опубликованном в 1840 году в журнале «Сын Отечества» [\[14, с.181\]](#).

Особый интерес вызывает пародия на тип «чувствительного путешественника», который воплощен В. В. Сиповским в Эрасте Крутолобове. 30-е годы XIX века описаны как период символической гибели этой модели путешественника в эволюции травелога. На это указывает и мистификация гибели Эраста в процессе путешествия, и название возможного литературного сюжета – «самоубийство от чувствительности», и реакция окружающих на поведение героя.

Имитация смерти Эраста в финале с целью избавить его от нежелательного брака с Агриппиной Антоновной Запеканковой по сюжету текста уподобила его с другим героем

– Виктором – олицетворением типа «юного Вертера, умершего от несчастной любви»: «Горе сближает людей, и Крутолобова старшая оценила искренность горя «невестки», повела ее на кладбище, на могилу Виктора, но никак не могла ей втолковать, чья это могила, и Крутолобова младшая так и не поняла, почему ее туда привели. Первая мысль была, что ее привели на могилу Эраст» [\[14, с. 177\]](#). Пародийное сближение, «замена/подмена» одного героя другим, показано через позицию матери, невесты – типичных сентиментальных героинь, как знак абсурда, наивысшего предела чувствительности, реакции на «тоску души».

В тексте В. В. Сиповского объектами пародии становятся все элементы типа «чувствительного путешественника» - от именования до указания цели поездки, описания способов перемещения в пути, маршрута, финала события.

В сцене знакомства с гусаром Эраст себя презентует особым образом: «Эраст Крутолобов, дворянин, путешествую по Российской империи для пользы и удовольствия» [\[14, с. 119\]](#). Установка, очевидно, выражает главный принцип сентиментального путешествия, причем характерный именно для «карамзинского канона», что и описывает в своей монографии В. В. Сиповский. В противоположность Стерну Карамзин в своих «Письмах русского путешественника» пытается сбалансировать рациональное и эмоциональное начала, одновременно характеризуя «жизнь души» путешественника и удовлетворяя интересы разума – «для пользы и удовольствия».

Путешествие Эраста, своеобразного дворянского недоросля, воспитанного в глубокой провинции, в деревенской глупи, профанируется с самого начала повествования: в сумасбродной голове матери, Гликерии Анемподистовны, внучки Петра Шаликова, рождается план «чувствительного путешествия» сына в страны «сивилизованные». Сознание матери представлено как сформированное на «опытах Н.М. Карамзина и Петра Шаликова», благодаря чему она знала «как развивает путешествие молодых людей». Диалог матери с наставником Ментором иронически раскрывает необходимость соединения чувства и разума в сентиментальном каноне: «Путешествие необходимо для чувствительного сердца, – ораторствовала она. И для ума, жаждущего знаний, мадам! – добавлял лукавый Ментор... я приложу все усилия, чтобы обогатить чувства и разум моего дорогого воспитанника» [\[14, с. 26\]](#). Кроме того, в качестве необходимого атрибута путешествия в разговорах героев выделяется значимость создания сочинения о нем, обязательно в форме писем: «...в духе Стерна... Лаврентия Стерна: "Письма двух чувствительных путешественников, или Телемак XIX столетия" <...> Мы напечатаем потом это произведение» [\[14, с. 26\]](#). Восторженные размышления героини обнаруживают определенную схему чувствительного канона в жанре трактата начала XIX века: совершение путешествия из провинции в столицу ради пользы и удовольствия, написание сочинения об этом событии и публикация его в известном журнале для прославления имени, получения статуса автора/сочинителя.

Пародируется в романе В.В. Сиповского и сама категория «чувствительности», способы ее выражения разными героями, степень проявления. Наиболее «чувствительной» героиней, безусловно, показана мать Эраста, однако способы выражения представлены разные. Так, в процессе подготовки к путешествию сына она выбирает очень расчетливый и повседневный, низменный, способ получения денег – выбрать наиболее красивых дворовых девок и продать их любвеобильному соседу: «Чувствительность не препятствовала Крутолобовой заниматься продажей "живого товара". К тому же она была убеждена, что для простой крепостной девки попасть в графский балет или хор, или даже гарем было верхом благополучия» [\[14, с. 31\]](#). «Чувствительность» натуры

Гликерии Анемподистовны проявляется и в способе создания писем. Чтобы обеспечить сыну хороший прием в Москве, она по дворянской традиции пишет письма дальним родственникам: «Это писание заняло несколько дней, так как письма писались чувствительные и длинные-длинные, даже с выписками из дневника, с сладкими воспоминаниями о прошлом, с радужными мечтами о будущем» [\[14, с. 32-33\]](#). Стиль и содержание этих писем становится впоследствии объектом насмешек в столичном светском обществе: генеральша Епанчова читает вслух несколько фрагментов, что вызывает всеобщий смех. Основной причиной такой реакции становится полное несоответствие чувствительности и реальности, возвышенного и бытового: «Решительно ничего не понимаю!.. Телемак? Ментор?.. Эраст... умиления... сладостные мечты... цветы граций ... девка Палашка... гуси и поросята...» [\[14, с. 82\]](#). Абсурдность содержания писем матери Крутолобова резюмируется генеральшой следующим образом: «Поздравляю! Сейчас приехал ваш кузен из провинции – чувствительный путешественник, и привез свою “прекрасную душу” и Палашку с порослями» [\[14, с. 82\]](#). Однако смех вызывает не только комическое сочетание возвышенного и бытового в послании провинциальной родственницы, но и сам факт появление Эраста в Москве в качестве именно чувствительного путешественника. На этом этапе развития сюжета пародийного текста актуализируется временной период, указанный в заглавии – 30-е годы XIX века, переломный этап как в историко-литературном процессе, так и в бытовой жизни. Сентиментально-романтические идеалы уходят в прошлое как нечто нежизнеспособное, неправдоподобное, противоречащее реальности. Факт разрушения канона фиксируется и в тексте В.В. Сиповского. Генеральша Епанчова выражает однозначно отрицательную реакцию на провозглашенный «чувствительный» характер путешествия Эраста, номинацию «чувствительный путешественник»: «Узнав, что Гликерия ходит на могилу местного Вертера и хочет из сына сделать ... “чувствительного путешественника”, генеральша покачала головой и сказала: – Ах, как она отстала! Какие в наше время “чувствительные путешественники”!» [\[14, с. 89\]](#) Хотя и междометие «ах», и обилие риторических восклицаний, и стиль фраз свидетельствуют, в свою очередь, о зависимости от сентиментального канона и самой генеральши. В столичном светском обществе обсуждается стереотипность образа «чувствительного путешественника», в речи героев постоянно используется как устойчивая словесная формула фраза «если вы чувствительный путешественник, вы должны...» знать/читать/писать/понимать и т.д. Показателем шаблонности служит и способ включения номинации типа путешественника в текст произведения: словосочетание чувствительный путешественник всегда употребляется в кавычках. Приведем несколько показательных примеров, в которых используются атрибуты сентиментального канона в жанре трактолога: «Уж если вы “чувствительный путешественник”, вы должны эту книгу наизусть знать! Читали Новую Элоизу?»; «Я очень хочу, чтобы вы влюбились ... Ведь если вы влюбитесь, я попаду на страницы вашего “сентиментального путешествия”? Вы ведете журнал? ...» [\[14, с. 95\]](#).

Открыто профанируются и разнообразные способы перемещения «чувствительного путешественника» в пространстве. Путешествие героя из провинции в Москву и Санкт-Петербург описано в виде поездок на всех видах транспорта, доступных на тот период путешественникам. Начинается история об Эрасте с комического описания его неудачной поездки на пироскафе, который он сам соорудил, пытаясь соответствовать столичным путешественникам, затем он отправляется на старом разваливающемся тарантасе в Москву, оттуда едет на дилижансе «Стрекоза» в Санкт-Петербург, где неожиданно попадает в саду в воздушный шар, на котором летит уже в неизвестном направлении. Показательно, что все его способы перемещения завершаются

катастрофой, разрушением транспортного средства, что влечет остановку в пути, необходимость изменения маршрута. Финальное перемещение Эраста на воздушном шаре завершается не только катастрофой и падением, но и приводит героя к необходимости вступить в брак со старой девой Агриппиной Антоновной Запеканка, которую он в момент падения увидел обнаженной у озера. С этого момента в сюжете произведения реализуется вариант сентиментальной истории, которую Эраст с матерью в своих «литературных планах» ставят на 3 место и номинируют «о насилии браке Эраста (или самоубийство от чувствительности)». Новая история начинается с того, что неожиданное падение Эраста со слугой Фролкой на шаре с неба в озеро воспринимается местными жителями как дьявольское наваждение, а сам Эраст сравнивается со Змеем Горынычом. Более того, впоследствии жители окрестили пространство падения путешественника «нечистым» и, глядя на него, постоянно крестились: «Не только в ближайшей деревне, но и в окрестных поместьях все Дули, Кавунцы, Шкворни заговорили о том, что в усадьбе Запеканок «нечисто». Жених прилетел в виде змея, женился на Грипичке Запеканке и улетел, а «шкуру» оставил» [\[14, с. 173\]](#). А после сообщения о смерти Эраста «не только усадьба Запеканок и они сами, но и само озеро просыло «нечистым» [\[14, с. 180\]](#). Таким образом, финалом перемещения «чувствительного путешественника» в пространстве становится символическое превращение в демонический образ – черта, змея, беглого каторжника («беглого Камчатку»), которое завершается сообщением о его смерти. Мнимое, придуманное семьей Эраста, событие выражает символическую смерть «чувствительного путешественника» как типа героя «сентиментального канона» в травелоге. Вставной сюжет «о самоубийстве от чувствительности» в пародийном травелоге В.В. Сиповского актуализирует смену традиции в 30-е годы XIX века в контексте эволюции жанра в историко-литературном процессе. В finale текста Эраст, вернувшись домой, «воскресший» как деревенский дворянин после осуществленного «чувствительного путешествия», «стал думать о служебной карьере». Символично, что эту мысль ему подает отец в «светлую минуту прозрения». В размышлениях Эраста о своей будущей деятельности, роли в социуме начинают появляться образы, представляющие типы героев новой литературной традиции – «натуральной школы», отчасти только связанные с путешествиями: «Хорошо, конечно, быть кучером на «экстре», трубить в трубу... Но еще лучше быть шкипером на пироскафе!.. Не плохо быть и фельдъегерем, которого так боятся станционные смотрители...» [\[14, с. 181\]](#). Роль же «чувствительного путешественника» остается только как амплуа в литературной истории с определенным сюжетом. Описанная В. В. Сиповским борьба идеализма с реализмом воплощается в тексте о путешествии Эраста в виде разоблачения несостоительности типа «чувствительного путешественника» реальной действительностью, разрушения книжного сознания героя повседневным бытом. Стремясь «подвести социальное обоснование фактам», Сиповский и обращается к конфликту реального и идеального в русской действительности первой трети XIX века, демонстрируя его как столкновение литературных направлений на разных уровнях, в том числе и формальном. Сентиментальный путешественник как тип субъекта повествования в «карамзинском каноне» вымещается в контексте развития историко-литературного процесса в 30-е годы XIX века другими типами – разными представителями социальной иерархии, путешествующими по долгу службы.

Кроме того, «Путешествие Эраста...» В. Новодворского как вариант пародийного травелога актуализирует и проблему автора, выражает особую – филологическую, исследовательскую – точку зрения самого автора, В. В. Сиповского, одновременно представляющего и рефлексию по поводу судьбы «карамзинского канона» в истории

развития жанра травелога в XIX веке, и обобщение «общих мест» жанра, подвергнутых особым модификациям и нивелированию в 30-е годы, и понимание о своеобразии новой повествовательной парадигмы, формирующейся на фоне разрушения сентиментальной модели. «Взгляд» писателя-литературоведа из 30-х гг. XX века (текст Сиповского был опубликован в 1929 году) выражает особым способом понимание кризисного этапа в истории развития жанра: в процессе создания пародии на пародию транслируется исследовательская рефлексия не только на уровне литературной игры, но и через моделирование повествовательной структуры текста, в которой не только описываются/пародируются этапы путешествия главного героя, Эраста Крутолобова, «событие путешествия», но и выражается амбивалентность представлений о «событии рассказывания» о путешествии (сентиментальная модель и реалистическая).

Библиография

1. Банах И. В. Структура повествования в жанре путешествия (на материале русской литературы конца XVIII – первой трети XIX вв.). Гродно: Изд-во ГрГУ им. Я. Купалы, 2005.
2. Брусилов Н. П. Мое путешествие, или Приключения одного дня. СПб.: Императорская типография, 1803.
3. Вельтман А.А. Путевые впечатления, между прочим горшок герани // Сын Отечества. 1840. Т. 1. С. 35-84.
4. Веселова А. Ю. Карамзинский код в романе В. В. Сиповского «Путешествие Эраста Крутолобова» // Слово.ру: Балтийский акцент. Серия Языкоznание и Литературоведение. 2016. С. 65-73.
5. Веселова А. Ю. Роман В. Новодворского (В.В. Сиповского) «Путешествие Эраста Крутолобова в Москву и Санкт-Петербург в 30-х годах XIX столетия» и русская литература XVIII–XIX веков // Русская литература. 2001. № 2. С. 107-115.
6. Гуминский В.М. «Письма русского путешественника» в контексте развития русской литературы путешествий // Литературный журнал. 2017. С. 74-145.
7. Дмитриев И. И. Путешествие NN из Парижа и Лондона, писанное за три дня до путешествия // Дмитриев И.И. Полн. собр. стихотворений. Л.: Советский писатель, 1967.
8. К. Г. Новый чувствительный путешественник, или Моя прогулка в А** // Ландшафт моих воображений: Страницы прозы русского сентиментализма / сост., авт. вступ. статьи и примеч. В.И. Коровин. М.: Современник, 1990. С. 392-429.
9. Кублицкая О. В. «Мое путешествие, или Приключения одного дня» Николая Брусилова: традиция и пародия в прозе «массового сентиментализма» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т.15. Выпуск. 3. С. 663-667.
10. Макаров П. Письма из Лондона // Ландшафт моих воображений: Страницы прозы русского сентиментализма / сост., авт. вступ. статьи и примеч. В.И. Коровин. М.: Современник, 1990. С. 500-516.
11. Мамуркина О. В. «Новый чувствительный путешественник, или моя прогулка в А **»: специфика повествовательной структуры травелога // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. II. С. 124-127.
12. Мамуркина О. В. «Письма из Лондона» П. И. Макарова: травелог как форма литературной полемики // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. L междунар. науч.-практ. конф.

- № 7 (50). Новосибирск, 2015. С. 130–136.
13. Мятлев И. П. Стихотворения. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой. Л., 1969.
14. Новодворский В. Путешествие Эраста Крутолобова в Москву и Петербург в 30-х годах XIX столетия. Л.: Красная газета, 1929.
15. Осьмухина О. Ю. Специфика осмысления авторской идентичности в русских травелогах 1830-х гг. // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. № 4. 2017. С. 5–23.
16. Сиповский В. В. Борьба реализма и идеализма в русской литературе XIX века // ИРЛИ. Ф. 279 (Архив В. В. Сиповского). Ед. хр. 65. Л. 14.
17. Сиповский В. В. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899.
18. Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии). Петроград: ОПОЯЗ, 1921.
19. Чувствительное путешествие в Санкт-Петербург деревенского дворянина // Отечественные записки. 1826. № 27. С. 434-449; Отечественные записки. 1826. № 28. С. 250-272.
20. Шатин Ю. В. «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л’этранже»: травестия травелога // Литература путешествий: культурно-семиотические и дискурсивные аспекты: сборник научных работ / под ред. Т.И. Печерской. Новосибирск: СИЦ НГПУ «Гаудеамус», 2013. С. 271.
21. Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790-1840. СПб. : Академический проект, 2004.
22. Яковлев П. Л. Чувствительное путешествие по Невскому проспекту. М.: тип. С. Селивановского, 1828.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья относится к работам компаративного типа, что весьма продуктивно для изучения истории литературы. Автор останавливается на «Путешествии Эраста Крутолобова в Москву и Петербург в 30-х годах XIX столетия» В. Новодворского. При этом оценочный вектор направлен на выявление элементов пародии в пределах сентиментального повествования. Материал нов, интересен, концептуально выверен. Как отмечает в начале работы автор, «в современной науке пародии на травелог становятся объектом исследования чаще с целью выявления модификации жанровых признаков, в контексте описания эволюции жанра в историко-литературном процессе. При этом анализу специфики организации повествовательной структуры текста о путешествии редко уделяется внимание. В то же время многочисленные пародии на «чувствительные путешествия» в русских травелогах первой трети XIX века наглядно демонстрируют кризис сентиментальной поэтики, «слабость» и несостоятельность «общих мест» «карамзинского канона». Чередование теоретических справок с практическими, дает возможность потенциально заинтересованному читателю следить за логикой раскрутки проблемы. Считаю, что стиль сочинения тяготеет к собственно научному типу: например, «выведение на первый план пишущего/повествующего субъекта – «чувствительного путешественника» – постепенно разрушает жанровые признаки травелога, «исповедь о себе» как о меняющейся личности (физически и духовно) под воздействием перемещения в пространстве, обновления превращается в формальный бытовой разговор о незначительном событии. Указанные особенности актуализируют

важные исследовательские задачи – определить, какие элементы сентиментальной повествовательной модели травелога подвергаются пародированию, как выражается авторская рефлексия о способе организации повествования в пародийном тексте о путешествии». Материал имеет завершенный вид, работа с текстом «Путешествие Эраста Крутолобова в Москву и Санкт-Петербург в 30-х годах XIX столетия» В.В. Сиповского имеет последовательно конструктивный характер. Оценочный ценз взвешен, комментарий вполне убедителен: «текст В.В. Сиповского – своеобразная «литературная игра» с предшествующей традицией, на что указывает обилие реминисценций разного рода, представленных уже в заглавии. Нас же будет интересовать произведение о путешествии Эраста Крутолобова как пародия на травелог, выражающий точку зрения автора-филолога, исследователя «карамзинского канона», его влияния на формирование жанра в первой трети XIX века», или «особый интерес вызывает пародия на тип «чувствительного путешественника», который воплощен В. В. Сиповским в Эрасте Крутолобове. 30-е годы XIX века описаны как период символической гибели этой модели путешественника в эволюции травелога. На это указывает и мистификация гибели Эраста в процессе путешествия, и название возможного литературного сюжета – «самоубийство от чувствительности», и реакция окружающих на поведение героя» и т.д. Данный материал целесообразно использовать в рамках изучения курсов по истории русской литературы XIX века, литературной критике, отчасти теории литературы. Термины и понятия, которые используются в работе, унифицированы, разнотений в рамках этого уровня не выявлено. В заключительной части исследования отмечено, что «описанная В.В. Сиповским борьба идеализма с реализмом воплощается в тексте о путешествии Эраста в виде разоблачения несостоенности типа «чувствительного путешественника» реальной действительностью, разрушения книжного сознания героя повседневным бытом. Стремясь "подвести социальное обоснование фактам", Сиповский и обращается к конфликту реального и идеального в русской действительности первой трети XIX века, демонстрируя его как столкновение литературных направлений на разных уровнях, в том числе и формальном. Сентиментальный путешественник как тип субъекта повествования в «карамзинском каноне» вымещается в контексте развития историко-литературного процесса в 30-е годы XIX века другими типами – разными представителями социальной иерархии, путешествующими по долгу службы». Библиография к статье объемна, цитации / ссылки даны верно; серьезной правки текста не требуется. Рекомендую статью ««Путешествие Эраста Крутолобова в Москву и Петербург в 30-х годах XIX столетия» В. Новодворского как пародия на сентиментальную повествовательную модель травелога» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Ефименко А.Е., Ефименко Н.А. — Структурно-семантический анализ русских и китайских фразеологических единиц с нумеративом "три" // Филология: научные исследования. – 2023. – № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.10.43609 EDN: BPCZCE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43609

Структурно-семантический анализ русских и китайских фразеологических единиц с нумеративом "три"**Ефименко Александр Евгеньевич**

ORCID: 0000-0002-1922-7833

кандидат филологических наук

преподаватель, факультет русского языка, Ланьчжоуский университет (Китай)

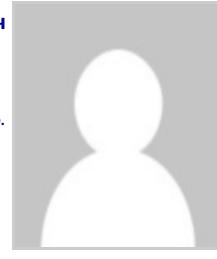
730000, Китай, провинция Ганьсу, г. Ланьчжоу, ул. Тяньшуйнаньлу, 222

✉ yalishanda1966@vk.com**Ефименко Николай Александрович**

ORCID: 0000-0002-4003-5887

студент, кафедра региональных исследований, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 13

✉ efimenko200205@mail.ruСтатья из рубрики "Сравнительно-историческое литературоведение"**DOI:**

10.7256/2454-0749.2023.10.43609

EDN:

BPCZCE

Дата направления статьи в редакцию:

19-07-2023

Аннотация: Предлагается контрастивное исследование метафорической семантики нумератива "три" в русских и китайских фразеологических единицах (ФЕ). Его цель – выявить сходства и различия в значении числа "три" в данных ФЕ, а также определить национальные особенности их использования. Авторы применяют лексико-семантический синхронный подход, фокусируясь на семантическом анализе числа "три" по его метафорическим лексическим значениям и ЛСГ, указывающим на объект

количества. Исследование подтверждает, что символические значения числа "три" в русских и китайских ФЕ иногда совпадают, но все же существуют национальные особенности. В русских ФЕ число "три" чаще имеет значение "больше, чем норма", что связано с переходом от древней к современной языковой картине мира. В китайских ФЕ обнаруживается полное отсутствие значения "меньше, чем норма", но в целом в них значение числа "три" более неопределенно и часто используется для обобщения схожих признаков. Результаты исследования имеют практическую применимость в области межъязыковой коммуникации и культурного понимания. Авторы заключают, что русские ФЕ с числом "три", передающие значение "больше, чем норма", являются распространенными в современной речи, в то время как ФЕ с значение "норма" устаревают. Анализ оценочности в китайских ФЕ показывает предпочтение метафор, связанных с предметами или понятиями, а не с группами людей. Исследование подтверждает значимость культурного контекста при анализе символической семантики числа "три" во фразеологии и демонстрирует потенциал контрастивной лингвистики для лучшего понимания языковых особенностей и культурных нюансов.

Ключевые слова:

структурно-семантический анализ, фразеологические единицы, числительные в языке, нумератив, метафорическое лексическое значение, Л С Г, анализ оценочности, контрастивное исследование, языковая картина мира, квантитатив

Изучение переносной, или метафорической, семантики фразеологических единиц (далее ФЕ) с числительными (или, как теперь чаще говорят, нумеративами) имеет в российской лингвистике уже солидную историю. Так, по данным одного из последних обзоров статей и диссертаций по этой теме [6], такие исследования ведутся по крайней мере с 50-х гг. XX в. в трех направлениях: 1) ФЕ с числовым компонентом в русском языке; 2) ФЕ с числовым компонентом в иностранном (иностранных) языке (языках); 3) контрастивное изучение ФЕ с числовым компонентом в русском и иностранном (иностранных) языке (языках), отражающее «стремление лингвистов изучить с типологической стороны языковые понятия» [10, с. 167].

Предлагаемое ниже исследование относится к 3-му из указанных направлений.

При этом надо отметить, что в известных нам исследованиях заметен некоторый крен в сторону изучения исключительно символического значения ФЕ с числом *три*, идущего из глубокой древности [6, 10, 3]. В отличие от них, мы в предлагаемой работе лишь коснемся соответствующих ФЕ в лингвокультурологическом (и потому в значительной мере диахроническом) аспекте, но основное внимание уделим анализу их семантики, используя синхронный, а не диахронный подход к ней. Одновременно этот подход будет сопоставительным, поскольку имеет целью сравнить семантику нумератива *три* в русских и китайских ФЕ.

Структурно-семантический анализ русских ФЕ с нумеративом *три*

Характеристика материала

Мы собрали 83 русских выражений с нумеративом *три*: это ФЕ, пословицы, устойчивые речения. Пословицы взяты из «Словаря пословиц» В. И. Даля [8] и поэтому они относятся к пассивному слою паремий; ФЕ и устойчивые речения, напротив,

принадлежат активному слою современного русского языка.

Методика анализа

Число – это величина, характеризующая количество (квантитатив), и нумератив *три* в разных устойчивых выражениях имеет одно из трех переносных квантитативных лексических значений (ЛЗ): 1) «Меньше, чем надо»; 2) «Больше, чем надо»; 3) «Норма, достаточное количество».

Эти три количественных значения накладываются на восемь лексико-семантических групп (ЛСГ), указывающих на объект количества, т. е. на то, к чему относится это количество (далее в порядке убывания, от большего числа случаев к меньшему в проанализированных выражениях): «Единицы времени», «Люди», «Предметы (места)», «Действия», «Деньги», «Размер (объем)», «Явления» и «Расстояния» (см. таблицу 1).

Таблица 1

ЛЗ числа <i>три</i> ЛСГ		«Меньше, чем надо»: число случаев и пример	«Больше, чем надо»: число случаев и пример	«Норма, достаточное количество»: число случаев и пример
1	Единицы времени	6 <i>Всякая небылица в три года пригодится.</i>	15 <i>Обещанного три года ждут.</i>	4 <i>Не узнавай друга в три дня – узнавай в три года.</i>
2	Люди	2 <i>Тroe осудят – десятеро рассудят.</i>	7 <i>Если у одной плиты три повара толкнутся – обед пригорает.</i>	3 <i>Один сын – не сын, два сына – полсына, три сына – сын.</i>
3	Предметы (места)	5 <i>заблудиться в трех соснах</i>	3 <i>Что такое? – Три покоя, а жить негде.</i>	3 <i>У доброй лисы по три отнорка.</i>
4	Действия	_____	6 <i>С горы без хомута, а в гору в три кнута.</i>	9 <i>Трижды человек дивен бывает: родится, женится, умирает.</i>
5	Деньги	8 <i>Хвастуну цена три</i>	1 <i>На рубль долгу, три</i>	_____

		копейки.	полтины росту	
6	Размер (объем)	2 <i>Поле в три переклика, а он гонца шлет.</i>	5 <i>плакать в три ручья</i>	-----
7	Явления	-----	-----	4 <i>За три вещи не ручайся: за часы, за лошадь да за жену.</i>
8	Расстояние	-----	1 <i>Завтра в поход: три версты без привалу да на своих харчах; готовься, суши сухари.</i>	-----

Ниже предлагается подробное описание результатов, полученных на основе анализа выражений с числительным *три* по перекрестным ЛЗ и ЛСГ. Как уже говорилось, работа имеет целью выявить исключительно семантику этих выражений, но не ее pragmatику, поэтому вопросы о том, для чего и в каких коммуникативных ситуациях они употребляются, остаются вне пределов нашего рассмотрения.

Описание результатов

1. *Три + ЛСГ «Единицы времени»*

Это самая большая группа выражений: к ней относится почти одна третья часть (25) от всех (83) обследованных единиц.

Здесь знаками времени выступают чаще всего сочетание *три дня* (как знак слишком малого объема времени) и сочетание *три года* (как знак достаточного или большего, чем надо, объема времени) в их противопоставлении: *Три дня — не три года; Не узнавай друга в три дня — узнавай в три года; Не угадывай в три дня, укладывай в три года! Чтобы научиться трудолюбию, нужно три года, чтобы научиться лени — три дня.*

Единичны пословицы, где *три года* подается как недлинный период времени: *Всякая небылица в три года пригодится. Три года — не три века.*

В пословице *Если месяц в три дня обглядится, то весь будет вёдреный, а когда три дня дождя, то весь ненастный* сочетание *три дня* в первом случае означают норму, во втором оно же — нарушение нормы в значении «больше, чем надо».

В большинстве случаев *три года* дается как знак длительного времени, большего, чем норма: *Обещанного три года ждут; Три года скачи, ни до какого государства не доскачешь.* Если сравниваются *три дня* и *один день* (полтора дня), то и здесь сочетание

три дня становится знаком большого периода времени: *Один день заменит три, если все делать вовремя; Собаку испугали один раз – три дня лает; Три дня молол, а в полтора дня съел; Сидит, надувается, три дня в лапти обувается. Такая красава, что в окно глянет – конь прянется; на двор выйдет – три дня собаки лают.* Особенno это касается еды, точнее, ее отсутствия, где три дня означает «долгое время, больше нормы» (*Ходит, будто три дня не евши; Хоть три дни не есть, а с печи не лезть*) или речи: *Говорит три дни, а все про злыдни; На всякой неделе по три пятницы* (лексико-семантический вариант более известной ФЕ «У кого-то семь пятниц на неделе»).

2. Три + ЛСГ «Люди»

Вторая по объему группа выражений – это группа с ЛСГ «Люди». Люди в русских паремиях делятся на мужчин (мужиков) и женщин (баб или жен).

В оппозиции мужчины/женщины второй член всегда маркирован, но семантически неоднозначен. Так, в пословице *Три жены имел, от всех терпел сочетание три жены* – это знак их чрезмерно большого количества (ср. шуточную песенку из кинокомедии «Кавказская пленница»: «Если б я был султан, я б имел трех жен...»). Зато в пословице *Три бабы – базар, а семь – ярмарка* сочетание *три бабы* как знак шумной и бестолковой болтовни малого количества женщин противопоставляется *семи бабам*, где их большее количество обусловило смену оценки говорящего: с презрительной на одобрительную.

Тот же прием противопоставления *три* (трое) vs. *десять* (десятеро) обусловливает понимание числа *три* (трое) как малого, незначительного числа людей, а *десятеро* как большого числа людей: *Трое осудят – десятеро рассудят.*

Однако значительно чаще сочетание *три человека* (*три друга, три попа, три повара*) означает «много людей, больше нормы»: *Друг рядом лучше, чем три вдалеке; Если у одной плиты три повара толкнутся – обед пригорает* (*три друга* означает «много друзей», а *три повара* – «слишком много поваров»); так же: *Три попа, а заросла в церковь тропа* (*три попа* – явно больше, чем надо).

В пословице *За двоих попотеешь – за троих поешь* сочетание *есть за троих* означает «есть очень много».

Нередко наличие третьего человека избыточно, т. е. третий вообще лишний: *Третий не прикуривает.*

Т. о., наш анализ не согласуется с выводом А. Б. Карасева, сделанным им после анализа материала латинских, испанских и английских идиом, о том, что «если (в них. – А. Е.) число 3 соединяется с образом человека (*triumvir*) (От лат. *trium* – трех и *vir* – муж, мужчина. – А. Е.). то создается представление о достаточном для определенных целей количестве выбранных лиц, например, лат. *triumvirī rei publicae constituendae* – триумвиры (вероятно, правильнее – триумвираты. – А. Е., Н. Е.) по учреждению государственного строя» [\[4, с. 125\]](#). В русском материале мы пословиц о выбранных лицах не обнаружили.

Однако что касается сыновей, то их в семье обязательно должно быть не меньше трех, и это их количество сознается как норма: *Один сын – не сын, два сына – полсына, три сына – сын; Три сына, и сам в силе.* О другой, но подобной трехчленной норме человеческой жизни говорит пословица *Три друга: отец, да мать, да верная жена.* Известно, что это символическое и даже магическое значение числа *три* как нормы характерно с глубокой древности не только для всех европейских, но и для многих

неевропейских народов, например, тройка китайских богов – это «три брата, которые управляют небесами» [\[11, с. 375\]](#). В п. 4 мы еще вернемся к этому вопросу.

3. Три + ЛСГ «Предметы (места)»

Третья по количеству единиц группа – это группа с ЛСГ «Предметы (места)». Здесь сочетание *три + предмет (место)* почти всегда означает что-то крайне малое, даже смехотворно малое, например: *ФЕ заблудиться в трех соснах* «не суметь разобраться в чем-либо простом»; пословицы: *Три волосинки в шесть рядов уложены* (о редких волосах на голове); пословицы о жалких постройках: *Двор кольцом, три жердины конец с концом; три кола забито, три хворостины завито, небом накрыто; светом обгорожено; Цыганский дом: три кола да посередине головня*.

Как всегда, есть ряд пословиц с количественным противопоставлением, где *три* как знак малого противопоставлены своему удвоенному антониму, то есть *шести*: *Ложка-то узка, таскает по три куска; надо ее развести, чтоб таскала по шести; Три коровушки есть, отелятся — будет шесть*.

Лишь в контексте, образуемом сочетанием с используемыми или подразумеваемыми глаголами речи, *три* может значить «слишком много»: такова *ФЕ наобещать (наговорить, наболтать) с три короба* «наобещать (наговорить, наболтать) очень много» [\[1, с. 458\]](#) и родственная ей пословица *Приехала баба из города, привезла вестей три короба*.

Единичны случаи, когда *три + предмет (место)* означает норму: *У доброй лисы по три отнорка; Конь, нога бела — десять рублей, две ноги белы — двадцать рублей, три ноги белы — тридцать рублей, а четыре ноги белы — четыре рубля*.

Следующие три раздела: группы с ЛСГ «Действия», «Деньги», «Размер (объем)» – являются семантически дефектными: в них из трех переносных квалитативных ЛЗ: 1) «Меньше, чем надо»; 2) «Больше, чем надо»; 3) «Норма, достаточное количество» – представлены только две.

4. Три + ЛСГ «Действия»

Группа с ЛСГ «Действия» – это семантическая группа, где числоТри означает или норму этих действий, или их большее количество, чем надо, но невозможно ЛЗ «Меньше, чем надо».

Часто можно встретить мнение, что на символическое значение числа *три* повлияло христианство. Но христианство появилось только 2 тысячи лет назад, а троичная символика возникла и в европейской, и в мировой культуре значительно раньше. Так, в самых древних, еще дохристианских, обрядах предписывалось «трижды совершать то или иное магическое действие» [\[3, с. 190\]](#), например, трижды произносить заговор, «трижды плюнуть через левое плечо и три раза постучать по дереву» [\[10, с. 169\]](#). При этом всегда «в магических ритуалах число *три* наделялось положительным значением и обеспечивало успех дела» [\[3, с. 190\]](#).

Также известно, что древний (т. е. дохристианский) славянский похоронный обряд тризна включал обязательную «тройную жертву (жертву трех животных или одного трехгодовалого животного)» [\[3, с. 190\]](#).

Поэтому христианство не создало, а отразило в своих текстах ранее возникшее символическое значение числа *три*, тем самым закрепив его в сознании всех

европейцев, в том числе русских.

Три действия как норма – это, прежде всего, вера в то, что в жизни есть только три ее главных события: *Трижды человек дивен бывает: рождается, женится, умирает*; это мнение о том, что совершить три одинаковых действия – это то, что требуется самой природой крестьянского труда: *До солнца пройти три покоса – ходить будешь не бoso* (т. е. в сапогах, как богатый человек); наконец, это убеждение, что пить спиртное надо обязательно втроем: вопрос в современной устной разговорной речи *Третьим будешь? «Будешь пить водку в компании троих?»* и связанное с ним просторечное выражение *сообразить/соображать (раздавить) на троих «выпить бутылку спиртного втроем»* [\[6, с. 671\]](#).

Поэтому особым является отношение к концепту *3 раза* – как к количественной норме: *Не везет до трех раз; Три раза прости, а в четвертый прихворости.*

Три выступает как знак счета вообще, например, при игре в прятки: *«Раз, два, три! Я иду искать!»* [\[1\]](#), в играх и розыгрышах: *«Закрой глаза! Сосчитай до трех! Открывай!»*, наконец, в коммуникативной ситуации угрозы, например, при допросе: *«Говори! Считаю до трех!»* или в семье при обращении к ребенку: *«Ешь! Считаю до трех!»*.

Реже три действия понимаются как знак большого числа: *Рубит в три топора, а денежка не спора* (его вариант *Пишет в три пера, а денежка не спора*); *С горы без хомута, а в гору в три кнута; Хорошего трижды не сказывают.*

5. *Три + ЛСГ «Деньги»*

В группе ЛСГ «Деньги» обычно фигурируют очень мелкие деньги старой русской денежной системы: полушка «1/4 копейки», деньга «1/2 копейки», копейка, а также грош «2 копейки» и алтын «3 копейки». В сочетании с числительным *три* они выступают как знаки крайне малого количества денег (*Три деньги (пятака) в день, куда хочешь, туда и день / Солдату три деньги в день, куда хочешь, туда их и день; Эка шаль: по три деньги шваль* (т. е. дешевое и потому очень плохое); *Хвастуну цена три копейки*), причем очень часто значение «Очень мало» усиливается благодаря противопоставлению значительно большим денежным знакам: *Чванства на сто рублей, а животов на три полушки; Шейка – копейка, алтын – голова, по три деньги нога, а душка – полушка; Выпили овечьего квасу на три деньги, а шуму на пол-осмыухи (вина); Торгу на три алтына, а долгу на пять.*

Однако в сочетании (и противопоставлении) с более крупными деньгами: *полтина, рубль –* и сочетание с числительным *три* получает семантический ДП «Много»: *На рубль долг, три полтины росту.*

Любая пословица обладает не только прямым, но и переносным, метафорическим значением, поэтому в пословице *Хвастуну цена три копейки* сочетание *три копейки* означает, конечно, не цену, а служит знаком семантики «ничтожно мало». Отметим, что здесь налицо полное семантическое совпадение с западноевропейским пословичным фондом, где, «если число *три* соединяется с образом мелкой монеты, то создается представление о ничтожном, мелком человеке, например, у Плавта: *homo tri oboli esse* – "быть никуда не годным человеком" (дословно: ценой в три обола [\[2\]](#) – А. Е., Н. Е.)», поскольку «концептуальный фокус фразеологизации здесь задается семантикой компонента *obolus*» [\[4, с. 126\]](#). Зато в китайской картине мира, как мы покажем ниже, эта ЛСГ полностью отсутствует.

6. Три + ЛСГ «Размер (объем)»

Группа «Размер (объем)» возникает только благодаря наличию некоторого количества фразеологических сочетаний со структурой *три + единица объема*, которые вместе означают «очень много»: *плакать в три ручья* «плакать сильно, горько»; *дуб в три обхвата* «очень большой дуб»; *вытолкать в три шеи* (разг.-сниж.) «грубо выгнать»; *согнуться в три погибели* «1. Сильно согнуться. 2. Стать покорным, смириться». Пословиц (паремий) с этим значением мы не обнаружили. Противоположное значение «очень мало» содержат лишь: пословица *Поле в три переклика* (т. е. «поле очень небольшого размера»), *а он гонца шлет*, а также ФЕ *От горшка три вершка* (более известная как *От горшка два вершка*).

Наконец, последние две группы представлены единичными выражениями: в **7-й группе: Три + ЛСГ «Явления»** говорится о трех (и только трех) нормах в жизни мужчины (крестьянина), т. е. этих явлений не может быть ни больше, ни меньше: *За три вещи не ручайся: за часы, за лошадь да за жену. В нашей волости три болести: рекрутство, подати да земщина. В августе мужику три заботы: и косить, и пахать, и сеять.*

Сюда же относится и выражение *три кита*, пришедшее из сочинений древнерусской духовной литературы, где утверждалось, что плоская Земля держится на трех китах. В современном русском языке выражение *три кита* имеет значение «основа какого-либо дела» и также подразумевает, что это количество, т. е. три, является нормой (ср. в известной песне: «Есть три кита, Есть три кита, И больше ни черта!», т. е. больше ничего быть не может).

8-я группа: Три + ЛСГ «Расстояния» представлена единственной «военной» (или «солдатской») пословицей: *Завтра в поход: три версты без привалу да на своих харцах; готовься, суши сухари*, где *три версты* метонимически означает, конечно, «большое расстояние».

Выводы

Как нетрудно было предположить, проанализированный паремийный материал в его 1-й части «отражает жизнь русского народа во многих ее аспектах и демонстрирует связи русского языка со славянскими и неславянскими языками Европы» [6, с. 3]. Анализ материала позволил опровергнуть миф о якобы исключительно христианском происхождении троичной символики, которая в действительности возникла значительно раньше появления христианства, еще на заре человеческой цивилизации.

Из обследованных ФЕ, представленных в табл. 1, больше всего таких, где *три* означает «больше нормы»: это три ЛСГ: 1) *три + единицы времени* (15 случаев типа *Обещанного три года ждут*), 2) *три + люди* (7 случаев типа *Один — тайна, два — полтайны, три — нет тайны*), 3) *три + размер* (5 случаев типа *плакать в три ручья*). Всего мы насчитали 27 таких ФЕ.

Им противостоят две группы:

в одной больше всего ФЕ со значением «меньше нормы»: 1) *три + деньги* (8 случаев типа *Алеша три гроша, шейка копейка, алтын голова, по три денежки нога: вот ему и вся цена*), 2) *три + предмет/место* (5 случаев типа *Цыганский дом: три кола да посередине головня*), всего 13;

а также только две группы, где больше всего ФЕ со значением «норма»: 1) *три + действия* (9 случаев типа *Три раза прости, а в четвертый прихворости*) и 2) *три +*

явления (4 случая типа *Трижды человек дивен бывает: рождается, женится, умирает*), всего тоже 13.

При этом в трех ЛСГ: *три + деньги, три + размер, три + расстояние* – у нумератива *три* значение нормы вообще отсутствует.

Структурно-семантический анализ китайских фразеологизмов с числительным *три*

Китайские исследователи не раз обращали внимание на число *три*, изучая его с разных сторон и делая упор на разные аспекты: лингвокультурологический, старающийся найти связь числа с китайским менталитетом [13]; переводческий, раскрывающий проблему перевода числа *три* на другие языки [10, 18]; литературоведческий, где рассматривается функция числа в разных произведениях [11, 19]. Существует даже исследование, раскрывающее семантическую этимологию числа *три* в китайском языке [16], где в итоге сделаны выводы, что число *три* с самого начала имело значение неопределенного количества “много”, что также прослеживается в нашем исследовании.

Чжан Хуй в своей статье «*Idioms: Conventionalized Mapping Patterns and Mental Representations*» доказывает, что в китайском языке все виды информации в мысленной репрезентации фразеологизмов связаны между собой через когнитивный механизм имплицитной метафоры и метонимии [17], что также будет частично затронуто в нашей статье. Если говорить только о семантике, то ранее было проведено уже исследование на тему ФЕ с нумеративом *три* в китайском языке [12], где на основе семантического анализа был сделан вывод: 含“三”熟语的两条语义生成路径。。。从成数到泛指“全部”和表示“数量多”的投射和从成数到表示“数量少”的投射。«Есть два пути семантического порождения идиом, содержащих *три* <...>: от числа – к проекции «всего» и «большого количества» и от числа – к проекции «малого количества»» [12]. Однако данные выводы представляются нам недостаточными, и это дает нам шанс провести более глубокий семантический анализ, который приведет нас к более интересным выводам.

Характеристика материала

В данной статье будут анализироваться две группы ФЕ китайского языка: чэньюй и яньюй, которые выбраны методом сплошной выборки из словарных источников [18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26]. Мы взяли только два типа китайских ФЕ: чэньюй и яньюй, потому что они лучше всего отражают разные стороны китайской культуры в языке.

Чэньюй – это крылатые слова. Они имеют свои корни в классической литературе и в истории Китая. Развиваясь и используясь на протяжении многих веков, они отражают глубокие ценности, идеалы и мировоззрение китайской культуры. **Яньюй** представляют собой бытовые речения народной мудрости, связанные с повседневной жизнью, отношениями, работой и передающиеся из поколения в поколение в устной речи.

Методика анализа

Для чэньюй будет использоваться такой же способ деления, как в русской части.

Для яньюй данный метод не является подходящим, так как в данном случае сходство больше логико-числовое, что привело к решению разделить ФЕ на группы.

Кроме переносных квантитативных лексических значений, в китайской части анализа важно отмечать оценочную семантику, так как была обнаружена закономерность между

оценочностью и квантитативом. Для этой цели использован электронный словарь 千篇国学 *qiānpiān guóxué* [27], в котором указана оценочность всех ФЕ, имеющихся в их базе. Для янььюй были использованы те же толковые словари, которые были указаны выше. Однако не всегда оценочность является однозначной, есть случаи, где она является спорной; в таких случаях использовался языковой корпус Центра китайской лингвистики Пекинского университета [28], с помощью которого мы указываем именно ту оценку, которая является подходящей для большинства примеров, чтобы выводы могли быть максимально объективными.

В ходе исследования были отобраны 76 чэньюй и 28 яньюй, распределяемые по следующим восьми ЛСГ: «Единицы времени», «Люди», «Предметы и понятия», «Места», «Действия», «Расстояние», «Состояние», «Повторяющиеся события».

Таблица 2. Чэньюй

ЛСГ		ЛЗ числа три	«Меньше, чем надо»: число случаев и пример	«Больше, чем надо»: число случаев и пример	«Норма, достаточное количество»: число случаев и пример
1 Единицы времени		-----	4 一日三秋; 三年五载	-----	
2 Люди		-----	-----	13 三姑六婆; 三邻四舍; 三皇五帝; 拉三扯四	
3 Предметы и понятия		-----	3 三灾八难; 五大三粗	17 三茶六饭; 三头六臂; 说三道四	
4 Места		-----	1 狡兔三窟	2 三街六巷; 三宫六院	
5 Действия		-----	8 三顾茅庐; 举一反三; 一唱三叹	-----	
6 Расстояние		-----	3 退避三舍	-----	
7 Состояние		-----	12 三平二满; 三心二意; 三头两绪	3 倒三颠四; 不三不四	
8 Повторяющиеся события		-----	1	9	

			一岁三迁	让再让三;事不过三;再衰三竭
--	--	--	------	----------------

Таблица 3. Яньюй

ЛЗ числа <i>три</i>		«Меньше, чем надо»: число случаев и пример	«Больше, чем надо»: число случаев и пример	«Норма, достаточное количество»: число случаев и пример
1	Признак пропорциональных отношений чисел <i>три</i> и <i>семь</i>	_____	_____	4 三分人才,七分打扮; 三分像人,七分似鬼
2	Три тройки больше единицы	_____	2 一年算得三次命,无病也要变有病	12 三个臭皮匠,胜过诸葛亮; 井淘三遍吃甜水,人从三师武艺高
3	<i>Три</i> и <i>десять</i> как показатели целостности и конца цикла	_____	_____	4 君子报仇三年,小人报仇眼前
4	Числотри как констатация установившегося положения вещей	_____	2 文官三只手,武官四条腿	2 身穿三尺衣,说话无高低
5	Число <i>три</i> в значениях «несколько»	_____	1 打人两日忧,骂人三日羞	1 偷来钱,两三天;血汗钱,万万年

О переводе

Перевод авторский, однако цель перевода будет немного отличаться в двух группах.

Чэньюй. Так как целью является выявление семантики числа *три*, перевод всего фразеологизма не является необходимым, особенно в данной группе, где значение всегда связано с какой-то определенной историей, без которой сложно понять связь между прямым значением и переносным. Перевод будет делаться только для квантитативных словосочетаний.

Яньюй. Для данной группы будет делаться буквальный перевод всего предложения, так как без него логическая цепочка будет порвана и мы упустим множество элементов.

Далее перейдем к описанию результатов исследования.

Группы, на которые делятся чэньюй с числом *три*

ЛСГ «Единицы времени»

一日三秋 (три квартала; нейтральная)

三年五载 (три года; нейтральная)

三天两头 (три дня; нейтральная)

一时三刻 (три четверти часа; нейтральная)

Все ФЕ, относящиеся к данной группе, имеют нейтральную оценочность, что говорит об отсутствии эмоционального подтекста. Число *три* выполняет здесь одну и ту же конкретную функцию – указывает на повторяемость, частоту или продолжительность событий. В каждом из этих выражений лексема *три* используется для обозначения определенного периода времени или количества повторений.

Значение числа *три* здесь всегда одно – «больше нормы».

ЛСГ «Люди»

Данная группа разделяется на две подгруппы:

I. Число *три* используется для обозначения количества объектов, т.е. людей:

三朋四友 (три друга; нейтральная)

三妻四妾 (три жены; нейтральная)

三姑六婆 (три монахини; отрицательная)

三邻四舍 (три соседа; нейтральная)

三皇五帝 (три императора; нейтральная)

三媒六证 (три свата; нейтральная)

长年三老 (три лодочника; нейтральная)

В данном случае число *три* подчеркивает группировку людей по общему признаку, например:

1) по социальному статусу: *императоры*;

2) по межличностным отношениям: *друзья, жены, соседи, родственники*;

3) по профессии: *монахини, сваты, лодочники*.

Важно отметить, что в данном случае практически у всех ФЕ оценочность нейтральная, так как они обозначают только группу людей. И только одна ФЕ 三姑六婆 имеет отрицательную оценочность. Данный фразеологизм изначально использовался для перечисления видов монахинь разных религий и женщин, работающих в разных профессиях. Однако, поскольку в древнем Китае считалось, что женщины будут использовать свою работу, чтобы изменять мужу, или сплетничать, или совершать другие пакости, то именно из-за данного стереотипа все женские профессии стали иметь подсознательную отрицательную окраску, что привело к данному единственному исключению.

II. Число *три* само становится объектом

欺三瞒四 (люди, которых обманули; отрицательная)

偏三向四 (люди, которых покрывают; отрицательная)

攒三聚五 (группа людей, которая находится в процессе собирания; нейтральная)

狂三诈四 (люди, которых обманули; отрицательная)

拉三扯四 (люди, которым говорят о посторонних к событию людях; отрицательная)

低三下四 (люди, перед которыми угодничают; отрицательная)

В данной подгруппе мы понимаем значение ФЕ благодаря глаголу, стоящему перед числительным. Число *три* также подразумевает группу людей, объединенных по действию, например, обманутых людей, или взятых под защиту, или собранных вместе и т. д. В данном случае объект не является важным, так как мы не подчеркиваем его личность, а только показываем движение, поэтому *три* в данном случае каждый раз будет подразумевать «три человека». Поскольку все эти сочетания указывают на особый признак человека, устоявшийся в традиционном китайском обществе, он осознается в языке как норма.

Оценочность в данной группе зависит от оценки действия в сознании человека: если хорошее действие, то положительная оценка, если нейтральное – нет оценки, если плохое действие – отрицательная оценка.

ЛСГ «Предметы и понятия»

Данная группа имеет много схожего с предыдущей и также делится на две подгруппы:

I. Число *три* используется для обозначения количества объектов:

三魂七魄 (три души; нейтральная)

三茶六饭 (три разных сорта чая; положительная)

三头六臂 (три чрезвычайные силы; положительная)

三贞九烈 (три целомудрия; положительная)

三教九流 (три правильных учения; отрицательное)

三灾八难 (три беды; отрицательная)

三牲五鼎 (три предмета для жертвоприношений; положительная)

三纲五常 (три этики; положительная)

假眉三道 (три фальшивые брови; отрицательная)

五大三粗 (три физические монстры; отрицательная)

В данном случае происхождение ФЕ очень важно, поэтому все единицы можно поделить на три группы:

1. ФЕ появились благодаря философским учениям. Например, ФЕ 三魂七魄 появилась благодаря даосской философии трех небесных душ и семи земных; ФЕ 三头六臂 появилась благодаря понятию проявления дхармы будд.

2. ФЕ появились благодаря этикету и нормам китайского общества в древности. Например, ФЕ 三牲五鼎 показывает сцену жертвования, а ФЕ 三纲五常 показывает моральные принципы древнего Китая.

В данных двух группах число *три* также имеет значение нормы, так как показывает на разные образцы китайской культуры (три души, три целомудрия и т. д.).

3. ФЕ появились в современной литературе. Например, ФЕ 五大三粗 или ФЕ 假眉三道 появились примерно в середине XX века, поэтому, несмотря на их популярность в современном китайском языке, невозможно говорить об их связи с китайской классической культурой.

В третьей группе *три* имеет значение «больше нормы», так как показывается что-то больше обычного (три брови, три физические моши и т. д.)

II. Число *три* само становится объектом

横三顺四 или 横三竖四 (три хаотично расположенных предмета; отрицательная)

丢三落四 или 丢三拉四 (три любых предмета, которые можно потерять; отрицательная)

挑三拣四 (три предмета, выбираемых придирчивым человеком; отрицательная)

说三道四 (три объекта речи, вызывающих скору; отрицательная)

Несложно заметить, что в обеих группах, где число *три* само становится объектом, имеется сочетание с числом *три* 三 и с числом *четыре*四. Самый лучший пример – чэньюй 暮四朝三, 四而暮三, 朝三暮四, где *три* и *четыре* могут идти даже в разных последовательностях, однако значение этих трех чэньюй одинаковое, что ещё раз подтверждает символическое значение данных чисел.

Данная группа показывает абсолютно одинаковую семантику, как в пункте II предыдущей группы, в которой объект отсутствует, и мы понимаем значение ФЕ благодаря глаголу, стоящему перед числительным. Число *три* подразумевает группу предметов, количество которых воспринимается как норма.

По поводу оценочности: все они имеют своим источником различные литературные произведения, поэтому их оценка зависит от содержания этих произведений и контекста.

ЛСГ «Места»

狡兔三窟 (три норы зайца; отрицательная)

三街六巷 (три улицы; нейтральная)

三宫六院 (три гарема; нейтральная)

Служат для обозначения большого количества, но в ФЕ 狡兔三窟 «у хитрого зайца три норы» (ср. русское *У доброй лисы по три оторока*), то есть хитрый человек всегда должен себе оставлять запасные планы, где *три* означает «больше нормы»; зато в ФЕ 三街六巷 «на трёх улицах и в шести переулках» *три* означает «везде» и, следовательно, соответствует норме.

ЛСГ «Действия»

两面三刀 (коварствовать; отрицательная) 三顾茅庐 (три раза навещать; положительная)

三推六间 или 六间三推 (много раз расследовать; положительная)

三令五申 (приказывать; положительная) 举一反三 (дать три примера; положительная)

一唱三叹 (три раза восхвалять; положительная)

三跪九叩 (встать на колени для проявления уважения; положительная)

В данном случае у числа *три* цель – усилить оценочность. Например, в ФЕ **两面三刀** с помощью числа *три* показывается чрезвычайное коварство и оценка крайне отрицательная, а в ФЕ **一唱三叹** «Один поёт — трое восхваляют» с помощью числа *три* усиливается положительная оценка. Важно отметить, что в данной группе при положительной оценочности значением числа *три* всегда является «больше нормы», так как показывает на события, которые обычно люди не способны сделать (три раза навещать, дать три примера и т. д.)

ЛСГ «Расстояние»

退避三舍, или 避君三舍, или 退徙三舍 («девяносто ли», отрицательная).

В данную группу входит один чэньюй, имеющий целых три абсолютных синонима. Он основан на известном историческом событии – отступлении войска на девяносто ли, что стало обозначать трусость, поэтому соответственно ФЕ имеет отрицательную коннотацию и обозначает «больше, чем норма».

ЛСГ «Состояние»

不三不四 (бездобразный; отрицательная)

三平二满 или 二满三平 (удовлетворенный; положительная)

三心二意 или 二心三意 (раздвоенность; отрицательная)

三头两绪 или 两头三绪 (нерешительность; отрицательная)

分三别两 (разделенность; положительная)

倒三颠四 или 颠三倒四 (хаотизация; отрицательная)

三脚两步 или 三步两脚 (неустойчивость; отрицательная) 三差五错 (некачественность; отрицательное)

三长两短 или 两短三长 (нечестность; отрицательная)

В данной группе все ФЕ обязательно сочетаются не только с числом *три*, но и с другими числами, чаще всего, с числами *два* и *четыре*. Можно считать, что эти чэньюй разделены на две части, из которых образуется два прилагательных, имеющих одинаковое значение, и вместе они его усиливают. Это ещё подчеркивается тем, что в данных ФЕ часто не является важным порядок слов, т. е. неважно, какая часть будет спереди, а какая сзади – значение от этого не меняется. Порядок чисел также может не являться важным, потому что он не будет влиять в данном случае на семантику.

Соответственно, оценочность в данной группе очень яркая. Даже **三平二满**, который показывает на прохождение обычной жизни и должен был бы иметь нейтральную коннотацию, с помощью двойного усиления приобретает значение устойчивости, стабильности жизни, и оценочность становится положительной.

Что касается значения, то важно отметить, что при сочетании чисел *три* и *два* число *три* всегда будет означать «больше нормы». Например, в соответствии с ФЕ 三心二意, в котором три больше нормы, существует ФЕ 一心一意, где показывается норма в данном китайском представлении. **ЛСГ «Повторяющиеся события»** 三番五次, или 屢次三番, или 三番两次, или 几次三番, или 三翻四覆 (многократное выполнение чего-либо; нейтральная)

让再让三 (многократная уступчивость; отрицательная)

事不过三 (финальная точка повторения; нейтральная)

接二连三 (последовательное прохождение чего-либо; нейтральная)

再衰三竭 (ослабление при каждом повторении; отрицательная) 一岁三迁 (быстро повышать чин много раз; положительная)

В данной группе ФЕ единственная значение числа *три* – это почти всегда «норма», «нормальное количество событий», а его функция заключается в том, чтобы указывать на многократное повторение этого события. Чэньюй 三番五次 является лучшим показателем этой особенности числа *три*, так как имеется пять абсолютных синонимов, где заменяются все компоненты, кроме числа *три*. Ведь если событие повторилось только один раз, то мы не можем говорить о частотности его повторения, как минимум, оно должно повториться два раза, чтобы мы могли использовать слово *часто*.

По поводу оценочности наблюдается интересная картина: если в ФЕ изначально не дается конкретное действие, то это будет означать абсолютную синхронность следующего повторения, приводя к нейтральной оценочности. Если действие изначально является положительным, то с каждым повторением оно будет только увеличиваться; также с отрицательными явлениями – неудача будет только усиливаться. Поэтому в данной группе может быть три оценки: нейтральная, очень положительная или крайне отрицательная.

Выводы по чэньюй

Проанализировав ЛСГ, на которые делятся чэньюй с нумеративом *три*, можно сделать следующие выводы:

1. Абсолютное отсутствие у числа *три* значения «меньше, чем норма». Данный вывод напрямую показывает на более единый образ числа *три* в китайской культуре, где часто идет сравнение тройки, как числа, большего, чем единица, или же как константы, показывающей нормальное состояние множественного числа чего-то.
2. Очень часто встречается структура 三 A 四 B («три A четыре B»), сочетания которых стали нормой. Данная структура всегда показывает на отсутствие определенного лица, а с помощью чисел *три* и *четыре* передается значение некоторой массы людей, без конкретного указания. Также части A и B всегда являются синонимами и часто A и B могут заменять друг друга. Очевидно, данная структура используется как двойное усиление оценочности самого действия.
3. При сочетании чисел *два* и *три* значение числа *три* всегда – «большее, чем норма». Даже если в данном случае не идет сравнение с числом *один*, оно все равно чувствуется, что можно выявить с помощью сравнения с ФЕ с числом *один*.
4. В ФЕ, семантика которых связана с правилами, профессией, этикетом, церемониями, число *три* всегда означает норму.

Далее перейдем к группам, на которые делятся яньюй с числом три

Яньюй с числом *три* всегда имеют внутреннюю форму сравнения чего-то с чем-то. Они устроены на сравнении чисел и пропорций, поэтому логично поделить группы по признакам соотношений чисел.

1. Числовые признаки, отражающие пропорциональные отношения чисел *три* и *семь*

三分靠教, 七分靠学. «Три зависят от учителя, семь зависят от тебя»: например: три достижения и семь достижений;

三分人才, 七分打扮. «Три зависит от таланта, семь зависит от внешности»;

三分像人, 七分似鬼 «На три похож на человека, на семь похож на демона»;

行为不正经, 舌头短三分. «Если ведешь себя неадекватно, язык станет короче на три фэна».

Во всех яньюй данной группы происходит пропорциональное деление на *три* и *семь*. Этим способом ФЕ показывают два фактора, которые влияют на одно событие, и подчеркивают, что является более важным, а что менее.

Однако, даже когда отсутствует число *семь*, все равно чувствуется пропорция. Так, например, в ФЕ 行为不正经, 舌头短三分. сразу понятно, что длина *три фэна* – это три десятых длины от изначального, что показывает на подсознательную десятичную систему счисления, где десять считается максимальным числом, которое не увеличивается, а деление происходит внутри него. Если посмотреть на семантику лексемы 十分 «десять баллов» в современном китайском языке, то, когда оно используется как наречие, оно имеет переносное значение "очень", "максимально", "до последней степени" и т. д., что является остатком той древней традиции деления, где десять являлось максимумом.

Именно благодаря данному балансу сопоставления чисел *три* и *семь* во всех случаях в данной группе число *три* передает значение нормы.

2. Три тройки больше единицы

Обнаружено, что в яньюй с числом *три* очень важно сопоставление числа *один* и числа *три*, однако оно происходит в разных ситуациях и проявляется по-разному, поэтому данная группа разделена на следующие три подгруппы:

1. Прямое сравнение трех троек и единицы, где один больше трех троек:

一正辟三邪, 人正辟百邪. «Одно добро изгоняет три зла, доброта человека изгоняет сто зол»: 1 больше 3, что является необычным;

一问三不知, 神仙没法治. «Задал один вопрос, но если человек на три (начало, середина, конец) не может ничего сказать, то даже боги не смогут помочь такому человеку» (ср. выше в рус. в коммуникативной ситуации угрозы, например, при допросе: «Говори! Считаю до трех!»)

一年算得三次命, 无病也要变有病. «В один год три раза ходить к гадателю – если изначально не было болезней, то после уж точно появятся».

В данной ситуации число *один* является доминантой, и одно положительное может больше, чем три отрицательных. Важно отметить, что в данном случае повторяющийся объект изначально имеет отрицательную оценочность, такую как незнание, зло и т. д. В

таких случаях три тройки максимум могут создать девятку, что будет считаться меньшим, чем единица (десятка), поэтому тройки в данной подгруппе являются недостаточными.

2. Прямое сравнение трех троек и единицы, где три тройки больше одного:

三个臭皮匠, 胜过诸葛亮。«Три простых сапожника лучше одного мудреца Чжугэ Ляна»;

好铁要经三回炉, 好书要经百回读。«Хорошая сталь должна пройти три переплавки, хорошая книга должна быть прочитана сотни раз»;

一根竹竿容易弯, 三缕丝线扯断难。«Один бамбуковый стержень легко согнуть, три нити шелка вместе трудно порвать»;

冰冻三尺, 非一日之寒 «Лед не за один день замерзает на три чи»;

井淘三遍吃甜水, 人从三师武艺高 «Если три раза очищать колодец, то сможешь выпить сладкой воды; если учиться у трех учителей, то будет высокий уровень боевого искусства»;

不担三分险, 难练一身胆。«Если не будешь брать на себя в три раза больше опасности, то сложно закалить свою доблесть»: 3 идет как доля опасности, из 3 переходит в 1;

伶俐人一拨三转, 糊涂人棒打不回。«Умному человеку сказал один пример, он сможет дать тебе три, а тупого человека хоть бей палкой, но научиться он все равно не сможет».

В данной подгруппе мы видим, что три тройки вместе могут быть больше единицы (десети). В данном случае все объекты, такие как ум, терпение, смелость и т. д., изначально имеют хорошую оценочность, поэтому когда объект является положительным, то повторение его только будет усиливать положительность и приведет к итогу, который лучше и больше, чем предполагаемый.

Также можно привести пример: 三勤一懒, 想懒不得懒; 三懒一勤, 想勤不得勤。«Три трудолюбивых человека и один ленивый: даже если захочется лениться, все будут работать; Три ленивых человека и один трудолюбивый: даже если захочется работать, все будут лениться». Он показывает влияние оценочности объекта на вывод: когда доминирует объект с положительной коннотацией (труд), то результат также будет положительным; когда доминирует объект с отрицательной коннотацией (лень), то результат будет отрицательный.

В первых двух подгруппах только в одном примере 一年算得三次命, 无病也要变有病 значение числа три – это «больше нормы», а все остальные показывают закономерность китайского мышления, где три предмета более низкого качества лучше, чем один высокого. Однако данное правило не действует на абстрактные понятия, например, знания или добро, так как эти последние всегда считаются положительными и доминирующими.

3. Поэтапное усиление в порядке один-два-три

一个和尚挑水吃, 两个和尚抬水吃, 三个和尚无水吃。«Один монах носит воду и пьет; два монаха носят вместе воду на коромысле и пьют; когда три монаха, то все остались без воды»: когда есть внутренний конфликт по вопросу о том, кто будет работать больше, а кто меньше, то лучше работать отдельно;

一个不敌两人计, 三人出个好主意。«Один человек не сможет противостоять уловкам двух, а трое вместе смогут придумать идею еще лучше»;

一人想一点, 两人添一点, 三人凑齐全 «Один человек может что-то придумать, второй немного добавит, а третий закончит».

В данной группе все ФЕ показывают на важность сотрудничества и расположения обязанностей, где описывается три ситуации: когда один человек делает что-то; когда два человека вместе делают что-то; и когда три человека вместе делают что-то. В таких языковых максимальным числом всегда является тройка, так как 3 человека – это полноценная команда, ведь решение будет зависеть от каждого, и уже может появиться большинство и меньшинство.

Однако не всегда количество соответствует качеству, как показано в первом примере, где оценочность упала при созиании команды из трех человек: когда работал только один монах, он проявлял качество трудолюбия, что является положительным; два монаха проявляли качество сотрудничества, что также положительно, но три монаха проявляли качество ленивости, что является отрицательным (ср. рус. *Если у одной плиты три повара толкнутся – обед пригорает*).

Кстати, данный пример напрямую противоречит стереотипу, согласно которому китайцы всегда любят делать командную работу и любят коллективизм независимо от других факторов. Рассмотренные ФЕ говорят о том, что хороший результат может быть получен только при правильном расположении функций каждого человека, где каждый будет выполнять свою долю работы, и только тогда оценочность будет положительной. А неэффективной командной работе лучше предпочесть работу самостоятельно.

3. Три и десять как показатели целостности и конца цикла

君子报仇三年, 小人报仇眼前。«Благородный человек может три года ждать для мести, а низкий человек не может ждать больше, чем сейчас»;

君子报仇, 十年不晚

一回经蛇咬, 三年怕草绳。«Один раз ужаленный змеей три года боится веревки из травы» (ср. рус. *Собаку испугали один раз – три дня лает*);

一朝被蛇咬, 十年怕井绳

学好三年, 学坏三天。«Чтобы научиться быть хорошим человеком, нужно три года; чтобы научиться быть плохим, нужно три дня» (ср. рус. *Чтобы научиться трудолюбию, нужно три года, чтобы научиться лени – три дня*). 学好十年功, 学坏三分钟

В данную группу входят примеры, которые имеют абсолютные аналоги, передающие одинаковое значение, однако вместо числа поставлено число десять.

Число десять, как уже было сказано раньше, в китайском языке и культуре ассоциируется с целостностью или точкой максимума, после которой начинается новый цикл. Число три, благодаря своей семантике, может играть схожую роль с числом десять. Так, в конфуцианской философии есть триада: небо, земля, человек, в китайской астрономии есть понятие трех созвездий и т. д. Также можно взять цитату из Лао-цзы: 三生万物 «От трёх рождаются все существа», где показано, что три также может являться концом предыдущего цикла и стать началом нового.

Конечно, семантические функции чисел три и десять сильно отличаются, но имеют большое пересечение, что и привело к замене чисел в данных ФЕ.

4. Число три как констатация установленвшегося положения вещей

文官三只手, 武官四条腿。 «У гражданских чиновников три руки, у военных чиновников четыре ноги».

每日省一钱, 三年并一千。 «Каждый день экономь одну монету – через три года будет тысяча»: надо копить деньги.

不管三七二十一 «Не важно, что три умножить на семь будет двадцать один»: нарастающий смысл или подчеркивание сравнительности.

身穿三尺衣, 说话无高低。 «У любого человека, который носит одежду длиной в три чи, слова не считаются низкими или высокими»: любой взрослый человек имеет право высказаться, независимо от его статуса.

В данную группу входят ФЕ, которые меньше связаны с культурой, а больше с тем состоянием вещей, которое воспринимается как установившееся и неизменное.

Например, в первом примере три руки подразумевает невидимую руку, которая берет взятки; второй и третий пример являются математическими фактами; четвертый связан со средним ростом мужчин в древности. Таким примеров также обнаружено немалое количество, что отражает народную мудрость, показанную простыми словами. В них число *три* утрачивает свою специфику.

5. Число *три* имеет значение «несколько»

打人两日忧, 骂人三日羞。 «Побить человека – два дня беспокойства, оскорбить человека – три дня стыда»: 3 и 2 дня идет в общем виду, не подразумеваются именно 2 или 3 дня, но 2 здесь лучше, чем 3;

偷来钱, 两三天; 血汗钱, 万万年。 «Деньги, которые заработаны нечестным путем, потратятся за два-три дня».

В данной группе число *три* не имеет конкретности, а обозначает просто небольшой период времени. Обычно в данной группе ФЕ имеют отрицательную оценочность, так как идет сравнение числа *три*, которое подразумевает небольшой период времени, с другими числами, например, с тысячей, которая явно намного больше.

Выводы по языкой

Проанализировав группы, на которые делятся языком с нумеративом *три*, можно сделать следующие выводы:

1. Четкая связь оценочности и квантификации. Для языком при нейтральной или положительной оценочности значение числа *три* – «норма», при отрицательной оценочности значение числа *три* – «больше нормы».
2. Также число *три* часто используется в сочетании с другими числами, особенно часто с числами:

Семь. Это число показывает десятичную систему счисления, так как числа *три* и *семь* всегда показаны как две неравные части целостности, которые смогут добиться результата только при их сочетании.

Один. Идет в сравнении с числом *три*, показывает принцип важности командной работы, метафорически передавая то, что три обычных человека, при хорошем распределении заданий, могут получить эффекта больше, чем один одаренный человек (*Три тройки*

больше десятки). Данное сопоставление показывает древнюю китайскую мудрость о важности командной работы.

Четыре. При сочетании с числом *четыре* усиливается проекция смутности объекта в ФЕ, оно чаще всего будет обозначать некоторое количество чего-либо.

Десять. В ходе анализа было выявлено, что числа *три* и *десять* в китайской лингвокультуре имеют схожее значение, что привело к возможности взаимозамены этих двух чисел.

3. Не обнаружено случаев «меньше нормы». Даже при отрицательной оценочности число *три* никогда не будет обозначать чего-то меньше нормы. Так как в китайской фразеологии оно часто используется для показа неоднократно повторяющихся событий или чрезмерного количества людей, в его семантике уже закреплено значение «больше, чем надо», что и привело к такому результату.

Общие выводы

Проделанная работа подтвердила догадку о том, что «символические значения числовых компонентов во фразеологизмах разных языков имеют тенденцию к преимущественному совпадению, однако это не исключает проявлений в них национальной специфики» [\[6. с. 170\]](#).

И в русской, и в китайской фразеологии нумератив *три* совпадает почти во всех ЛСГ, к которым относятся данные ФЕ. Лишь одна ЛСГ никак не представлена в китайской фразеологии: это ЛСГ «Деньги», которая при этом с древности присуща фразеологиям всех европейских языков, включая русский. Причину ее отсутствия в китайской фразеологии еще предстоит выяснить.

Преобладающим значением нумератива *три* в русских ФЕ является значение «больше, чем норма». Вероятно, можно говорить о борьбе двух картин мира: древней, где три означало только норму, и более современной, где три означает «больше, чем норма». Недаром русские ФЕ, содержащие *три* со значением «больше, чем норма», относятся к числу наиболее распространенных в современной речи (*согнуться в три погибели*), тогда как ФЕ со значением «норма» относятся к числу устаревших (*В нашей волости три болести: рекрутство, подати да земщина*) или устаревающих (*Один сын – не сын, два сына – полсына, три сына – сын*).

В китайских ФЕ надо отметить неопределенность значения числа *три*. Факт того, что число *три* очень часто используется как обобщение чего-либо, имеющее один или более общих признаков, является подтверждением данной мысли.

Другой признак китайских ФЕ – полное отсутствие у числа *три* значения «меньше, чем норма».

Также важно сделать замечание об оценочности, отражающейся особенно ярко в группе чэньюй. В ЛСГ «Люди» и ЛСГ «Предметы и понятия», несмотря на схожесть группировки и внутренней формы, оценочность сильно отличается: когда мы говорим о людях, она обычно нейтральная и только передает факты, однако, когда речь идет о предметах, их функция сразу меняется, и они практически всегда носят положительный или отрицательный смысл. Можно сделать вывод, что китайцы более склонны к использованию для метафор предметов или понятий (например, 三灾八难), чем конкретных групп людей (например, 三媒六证), объединенных профессией или

деятельностью. И только когда образ является неясным и глагол перед числом *три* передает семантику, которая по моральным признакам китайской культуры считается категорически неправильной, будет появляться оценочность (например, 狂三詫四; 丢三落四). Напомним, что у языкой при нейтральной или положительной оценочности значение числа *три* – «норма», при отрицательной оценочности значение числа *три* – «больше нормы».

[11] Другой вариант более употребителен, вероятно, из-за наличия рифмы: «Раз, два, три, четыре, пять! Я иду искать!»

[12] Обол – мелкая монета в Древнем Риме.

Библиография

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
2. Вальтер Х. Число *три* в русской и немецкой фразеологии (от Троицы до трех горшков и *Drei Kase*) // Numerologia we frazeologii i paremiologii. Szczecin, 2017. С. 189–201.
3. Карасев А. Б. Сакраментальнейшие из чисел и их значения в идиомах индоевропейских языков // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2007. – № 11. – С. 125–130.
4. Кудрявцева И. П. Изучение семантики числа в составе фразеологической единицы // Вестник Курганского государственного университета. – 2019. – № 1(52). – С. 124–127.
5. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
7. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. В 2 т. Т. 2. – М.: Худож. лит., 1989. – 447 с.
8. Трессидер Дж. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с.
9. Цатурян М. М., Пилипенко Л. М. Образно-символические характеристики числительных *one*, *two*, *three* (один, два, три) в английской и русской лингвокультурах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2017. – № 5 (71). – С. 165–170.
10. 李树红.略论汉语中含数词“三”的缩略语及其英 译.甘肃高师学报,2004(01):61-63.
11. 梁滨.论《论语》《孟子》中数词“三”的虚与实.韶关学院学报,2012,33(01):111-114.
12. 刘欣格,许晋.数字熟语中“三”的语义及文化内涵.赤峰学院学报(汉文哲学社会科学版),2022,43(12):40-44.
13. 舒志武.数词“三”的文化意义分析.华南农业大学学报(社会科学版),2004(02):132-137.
14. 燕晓芳.文化翻译视角下汉语数词“三”的英译.吕梁学院学报,2015,5(06):27-30.
15. 阳萍.由先秦文学作品中数词“三”说开去.现代语文(语言研究版),2007(01):125-126.
16. 袁庆德.古汉语数词“三”的特殊意义与原始思维.大连大学学报,1991(01):147-148+128.
17. 张辉.熟语:常规化的映现模式和心理表征——熟语的认知研究之一.现代外语,2003(03):250-258+249.
18. 商务印书馆辞书研究中心. 新华成语词典. 北京: 商务印书馆,-2016.-1185页.

19. 黄成兰. 万条成语词典. 成都: 四川辞书出版社,-2017.-898 页.
20. 汉语大字典编纂处. 汉语成语词典. 成都: 四川辞书出版社,-2019.-807 页.
21. 知新辞书编委会. 中华成语词典. 郑州: 海燕出版社,-2017.-1002页.
22. 温端政. 中国谚语大辞典. 上海: 上海辞书出版社,-2011.-638 页.
23. 温端政. 常用谚语辞典. 上海: 上海辞书出版社,-2014.-542 页.
24. 马国凡. 谚语集锦. 呼和浩特:内蒙古人民出版社,-2001 年.-393 页
25. 许嘉璐,袁贵仁,温端政,沈慧云. 通用谚语词典. 北京: 语文出版社,-2004.-310 页.
26. 姚铁军,姜心. 谚语词典. 上海: 上海大学出版社,-2006 年.-591 页.
27. 千篇国学A Thousand Essays on Traditional Chinese Studies [Электронный ресурс] URL: <https://chengyu.qianp.com/sy> (дата обращения: 20.06.2023).
28. 北京大学语言研究中心汉语(现代/古代)语料库 [Электронный ресурс] URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (дата обращения: 21.06.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Структурно-семантический анализ русских и китайских ФЕ с нумеративом "три"», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению китайского языка и культуры в нашей стране, а также ввиду того, что изучение переносной, или метафорической семантики фразеологических единиц является обширной областью для проведения исследований.

В статье рассматриваются актуальные проблемы лексикологии и концептологии, через призму лексики двух различных культур с учетом религиозных верований народов. Исследование является сопоставительном, проведенном на материале двух языков. Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкоznании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы.

Практическим материалом исследования послужили 83 русских выражений с нумеративом три: это ФЕ, пословицы, устойчивые речения, отобранных методом сплошной выборки. Источником пословиц послужил «Словарь пословиц» В. И. Даля. Материалом для исследования китайского языкового корпуса явились 76 чэньюй и 28 яньюй, распределляемые по следующим восьми ЛСГ: «Единицы времени», «Люди», «Предметы и понятия», «Места», «Действия», «Расстояние», «Состояние», «Повторяющиеся события».

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Статья, собственно, представляет собой две части

текста – русскую и китайскую, слабо связанные друг с другом.

Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом на китайском и русском языках.

Библиография статьи насчитывает 28 источников, среди которых представлены научные труды на русском и китайском языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

В статье встречаются ряд орфографических ошибок и опечаток, к примеру, из «Словаря пословиц» В. И. Даля (изменение «закавыченного» названия); пунктуационные ошибки «переносной, или метафорической, семантики» и др.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов лексикологии, сравнительному изучению русской и китайской культур, практике китайского языка, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Структурно-семантический анализ русских и китайских ФЕ с нумеративом "три"» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Голованивская М.К., Ефименко Н.А. — Представление о понятии «удача» в русской и китайской культурах // Филология: научные исследования. — 2023. — № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.10.68831 EDN: BQEYX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68831

Представление о понятии «удача» в русской и китайской культурах

Голованивская Мария Константиновна

доктор филологических наук

профессор, кафедра региональных исследований, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; Факультет иностранных языков и регионоведения

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 13

✉ Golovanivskaya@gmail.com

Ефименко Николай Александрович

ORCID: 0000-0002-4003-5887

студент, кафедра региональных исследований, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 13

✉ efimenko200205@mail.ru

[Статья из рубрики "Сравнительно-историческое литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.10.68831

EDN:

BQEYX

Дата направления статьи в редакцию:

29-10-2023

Аннотация: В статье исследуется понятие «удача» в двух языковых картинах мира – русской и китайской. Исследование является контрастивным, полученные результаты сопоставляются. Описание каждого понятия производится по четкому алгоритму: исследуется этимология слова, мифологические корни понятия, его сочетаемость, из сочетаемости вычленяется вещественная коннотация по В. А. Успенскому, производится сопоставление словарных дефиниций. Цель исследования – на материале

семантического поля понятия «удача» в русском и китайском языках выявить особенности представления этого понятия в разных культурах. Сопоставление проводится с целью увидеть сходства и различия в мировоззренческой картине разных народов. Научными методами данного исследования являются: сравнительно-исторический метод, метод обобщения и метод семантического анализа - которые применяются для анализа данной темы. Важно отметить, что данная тема считается малоисследованной, и ранее не проводились лингвокультурологические исследования, охватывающие это понятие в рамках русской и китайской культур. Это делает данное исследование научно новаторским. Полученные в результате исследования данные окажут существенное воздействие на взаимопонимание между народами и могут рассматриваться как некий понятийный мост, способствующий лучшему взаимопониманию между представителями разных культур. Кроме того, полученные результаты могут быть полезны при разработке учебных курсов по регионоведению, сравнительному изучению культур, и при преподавании соответствующих языков. Таким образом, данное исследование имеет широкий диапазон применения в научных и образовательных областях.

Ключевые слова:

языковая картина мира, контрастивный анализ, удача, лингвокультурология, семантический анализ, Культурный код, Сопоставительное лингвистика, Русский язык, Китайский язык, слово

Удача - это понятие, которое пронизывает множество аспектов жизни и культуры разных народов. Однако, несмотря на его всеобъемлющую роль, мало исследований было посвящено сравнительному анализу понимания "удачи" в различных культурных контекстах. Настоящее исследование занимается этим важным аспектом, сфокусировавшись на сопоставлении двух значимых культур - русской и китайской.

Цель нашего исследования заключается в том, чтобы проанализировать понятие "удачи" в русском и китайском языках, выявив его особенности в разных культурных и лингвистических контекстах. Мы будем использовать сравнительно-исторический метод, метод обобщения и метод семантического анализа для достижения этой цели. Исследование начинается с анализа этимологии слова "удача" в обоих языках, а также его мифологических корней, которые могут бросить свет на то, как это понятие воспринимается в каждой культуре. Мы также рассмотрим сочетаемость этого термина и вычленим вещественную коннотацию, следуя методологии В. А. Успенского.

Сравнение словарных дефиниций "удачи" в русском и китайском языках позволит нам выявить сходства и различия в способах, которыми эти две культуры воспринимают понятие "удачи". Это сопоставление, основанное на научных методах, позволит нам понять мировоззренческую картину разных народов и выделить ключевые различия. Следует отметить, что данная тема считается малоисследованной, и лингвокультурологические исследования, охватывающие понятие "удачи" в контексте русской и китайской культур, ранее не проводились. Это делает наше исследование научно новаторским.

Полученные в результате исследования данные не только способствуют лучшему взаимопониманию между представителями разных культур, но и могут рассматриваться как своего рода понятийный мост, способствующий укреплению связей и уважения

между народами. Кроме того, результаты нашего исследования могут быть полезны при разработке учебных курсов по регионоведению, сравнительному изучению культур, и при преподавании соответствующих языков.

Таким образом, данное исследование имеет широкий диапазон применения в научных и образовательных областях, а также может оказать значительное воздействие на взаимопонимание и уважение между культурами.

Понятие "удача" в русском языке

"Русская "удача" представляет собой интересный пример понятия, которое в значительной мере отражает особенности русского менталитета. Владимир Даль связывает удачу с глаголом "удавать", происходящим от "давать" и означающим "сдаваться, испытывать неудачу, быть неуспешным" и так далее. Устаревшее русское слово "удаток" обозначало "уступку, уступление перед собой". Затем значение "удаваться / удача" претерпело изменения и стало означать "достичь успеха, собственно стать успешным", всегда используя пассивный залог, так как причина успеха всегда приписывается не субъекту, а некой неизвестной силе, приносящей удачу. Даль исследует удачу как желанный случай, в то время как современные словари описывают ее как желательное событие, отмечая типичное явление семантической трансформации, при котором слово меняет свое значение на противоположное, подобно случаю с словом "наверное", которое изначально означало "наверняка", а затем приобрело значение "вероятно"[\[3\]](#).

Из ассоциаций и сочетаний слов видно, что "удача" в русском языке олицетворяет мифологическое существо с особыми свойствами и функциями.

В русском языке мы говорим, что "удача благоприятствует, улыбается, радует, окрыляет, вскруживает голову, отвернулась". Мы "приносим, обещаем, ждем удачу, желаем удачи, верим в удачу, рассчитываем на удачу", а также "спугиваем удачу, уловляем, приманиваем удачу, хватаем удачу за хвост, пытаемся завоевать удачу" и так далее. Удача может быть "неожиданной, большой, долгожданной" и так далее.

Анализ сочетаемости слова "удача" показывает мотив охоты, возможно, на мифологическую птицу, способную улыбнуться и окрылить. В мифологиях различных стран и народов различные птицы играли важную роль. Мы можем предполагать, что и в славянской мифологии существовали не только вороны и петухи, но и какие-то фантастические летающие существа, ассоциируемые с удачей и счастьем, которые позднее привели к стандартизированной метафоре "птица-счастье завтрашнего дня" и ряду выражений, связанных с понятиями "порхать, летать от счастья", "быть окрыленным от счастья" и так далее.

В славянской системе обозначения многие смыслы выражались через символику птиц. Ворон символизировал несчастье и смерть, петух был символом мужества и бодрости, голубь символизировал душу и любовь, дятел символизировал настойчивость, а ястреб - силу, военную мощь и хищничество. Таким образом, можно предположить, что в русской мифологии также существовали ассоциации, связанные с определенными птицами, но остались только части этих ассоциаций, а сами имена птиц были забыты [\[4\]](#).

Удача приходит к человеку, независимо от того, предпринимал ли он какие-либо действия для достижения успеха или нет. Удача может "выпасть" или "свергнуться" на кого-то (подразумевая сверху вниз, возможно, это позднее метафорическое заимствование из европейского языка). В русском сознании существует убеждение, что

удачу можно "заслужить" или "приманить" правильным поведением. Выражение "делать что-либо на удачу" или "на авось" представляет собой уникальное явление, характерное для русской культуры.

В последнее время слово "авось" привлекло особое внимание лингвистов [5]. Обычно оно ассоциируется с понятием случайности или удачи, на которые человек рассчитывает, но не в такой степени, чтобы включать их в свои будущие планы. Приведем по этому поводу рассуждения Анны Вежбицкой [1]: "По существу (авось – М. Г., Н. Е.) это отношение, трактующее жизнь как вещь непредсказуемую: "нет смысла строить какие-то планы и пытаться их осуществить; невозможно рационально организовать свою жизнь, поскольку жизнь нами не контролируется; самое лучшее, что остается делать, это положиться на удачу"". А. Вежбицка считает, что авось в известном смысле резюмирует основное содержание русской культуры, пронизанной насквозь темой судьбы, осознанием минимальной роли человеческого разума и человеческих сил.

Мы воспринимаем такое обобщение с излишней гиперболой. Это подчеркивает, в частности, тот факт, что "авось" исчезает или находится на пороге устаревания, несмотря на это, особое отношение к удаче, при котором человек всегда остается пассивным, остается неизменным. Важным аспектом русской концепции "авось" является представление о ней как обозначении скрытой, невидимой причины, которая может внезапно поспособствовать человеку. Из анализа взглядов русских на знание и умение, на что мы сосредотачиваемся в одной из глав нашей книги, следует явное убеждение русских в том, что мир и каждая ситуация в нем обладают недискретностью, неисчерпаемостью и непостижимостью. Это подразумевает, что в каждой ситуации действует, с точки зрения русского человека, множество скрытых причин и обстоятельств, одна из которых называется "авось". Таким образом, мы предполагаем, что среди этих скрытых факторов могут находиться такие, которые в данный момент недоступны для понимания, но могут существенно повлиять на исход событий. Веря в возможность таких невидимых факторов, русские часто рисуют, но, по сути, лишь выражают свою особую концепцию мира.

Понятие "удача" в китайском языке

В китайской культуре понятие удачи связано с понятием судьбы. Как было показано в работе М. К. Голованивской и Н. А. Ефименко «Представление о судьбе в русской, французской и китайской культурах», слово **运气** yùnqì в современном китайском языке одновременно имеет значения судьбы и удачи, и при использовании его значения часто являются альтернативными [2, с. 47].

Ключевой языковой единицей для семантического поля данного понятия является **运** yùn. Словарь «Синьхуа» дает следующее толкование значения данного слова: 人的遭遇, 亦特指迷信的人所说的遭遇 Rén de zāoyù, yì tè zhǐ míxìng de rén suǒ shuō de zāoyù «Случай в жизни человека; чаще всего используется для обозначения случая в представлении суеверных людей» [16]. С помощью данной лексемы описываются отрезки судьбы, где результат зависит не от человека, а от иной силы.

Получается, что по семантике данная лексема должна обозначать нейтральный случай, однако при сочетании с глаголами **运** yùn обозначает именно удачу. Наблюдается как минимум 3 лексемы, которые могут сочетаться данным образом, образуя одинаковое значение «повезло»: **走运** zǒuyùn, **交运** jiāoyùn, **行运** xíngyùn. Таким образом, мы видим, что при сочетании с глаголами эта лексема может описывать только везенье, и сравнительно немалое количество абсолютных синонимов ещё раз показывает, что в

китайском менталитете люди всегда надеются на лучшее, ведь кроме рождения и смерти, по традиционному представлению, все зависит только от самого человека [\[2, с. 42–43\]](#).

В китайской мифологии бог Фу-син является богом счастья и удачи. Его вместе с Лусином, богом карьеры, и Шоу-сином, богом долголетия, называют тремя звездными старцами. Эти боги, появившиеся благодаря астральному культу в очень глубокой древности, показывают важнейшие черты китайского мировосприятия. Бог Фу-син соответствует Юпитеру, так как древние китайцы заметили, что в течение 12-летнего цикла вращения Юпитера вокруг Солнца климат также периодически изменяется, совпадая с разным местоположением Юпитера. Так как климат имеет решающее значение для сельского хозяйства, то изначально Фу-син был назван богом земледелия, а далее богом счастья и радости [\[12\]](#). Безусловно, образ данного бога сильно менялся в течение истории. Если говорить о современном восприятии, то одна важнейшая особенность его внешнего образа заключается в том, что он держит в руках предметы, ассоциирующиеся со счастьем, причем в большинстве случаях это ребёнок, но может быть и жезл жуи, и новогодние парные надписи, и другое. Это также показывает, что в китайской культуре счастье и удача очень часто связаны именно с рождением ребенка и праздниками, что мы и заметим в дальнейшем семантическом анализе.

Для лучшего понимания темы мы обратимся к лингвокультурологическому методу, проводя семантический анализ лексем, выделенных из «Частотного словаря современного китайского языка» [\[6\]](#). Примеры сочетаемости в основном взяты из различных словарных источников [\[7, 8, 13\]](#), а также из системы языкового корпуса Центра китайской лингвистики Пекинского университета [\[9\]](#).

Китайское семантическое поле понятия «удача» представлено следующими лексемами: 好运 hǎoyùn, 幸运 xìngyùn, 红运 hóngyùn, 鸿运 hóngyùn.

Лексема 好运 hǎoyùn состоит из двух морфем: 好 hǎo и 运 yùn.

Иероглиф 好 hǎo является иероглифом идеографической категории, по структуре состоящим из части 女 nǚ, обозначающей женщину, и 子 zǐ, имеющим значение «ребенок»; изначальное значение иероглифа – «хороший» [\[11, с. 1094\]](#). Структура данного иероглифа начиная с письменности цзягувэнь до современной всегда состояла из двух вышеназванных частей, что не является обычным для иероглифа, а подчеркивает тот факт, что обозначение хорошего и прекрасного через концепт женщины с ребенком проходит через всю диахронию китайского языка. Есть мнение, что первоначальное значение слова связано с женской плодовитостью, ведь в матрилинейно-родовом обществе статус женщины был очень высок, так как сила племени напрямую зависела от деторождаемости, поэтому рождение и воспитание ребенка матерью напрямую ассоциировалось с чем-то хорошим [\[15, с. 192–193\]](#).

Таким образом, лексема 好运 hǎoyùn будет прямо переводиться как «хороший случай», которому словарь «Синьхуа» дает толкование: 突然或意外遇到的好事. Túrán huò yìwài yù dào de hǎoshì. «Хорошее событие, которое произошло внезапно или неожиданно» [\[16\]](#). Образ внезапности показан также и в сочетаемости лексемы: 带来好运 dàilái hǎoyùn «принести удачу», 祝好运 zhù hǎoyùn «пожелать удачи», 好运降临 hǎoyùn jiànglín «удача настала», 好运来临 hǎoyùn láilín «удача прибыла», 交好运 jiāo hǎoyùn «познакомиться с удачей», 碰到好运 pèngdào hǎoyùn «встретить удачу», 碰上好运 pèngshàng hǎoyùn «наткнуться на удачу», 遇到好运 yùdào hǎoyùn «столкнуться с удачей», 好运到来 hǎoyùn dàolái «удача наступила», 好运转来 hǎoyùn zhuàn lái «удача вернулась», 走好运 zǒu hǎoyùn «идти к удаче», 好运随行

hǎoyùn suíxíng «удача сопутствует», 享受好运 xiǎngshòu hǎoyùn «наслаждаться удачей», 沾上好运 zhān shàng hǎoyùn «чуть обмазаться удачей», 获得好运 huòdé hǎoyùn «получить удачу», 赐好运 cì hǎoyùn «удостоить удачу», 相信好运 xiāngxìn hǎoyùn «верить в удачу», 祈祷好运 qídǎo hǎoyùn «молиться об удаче», 珍惜好运 zhēnxī hǎoyùn «беречь удачу», 失去好运 shīqù hǎoyùn «потерять удачу».

Из приведенной сочетаемости мы видим, что удача имеет следующую вещественную коннотацию:

1. Жених или невеста. Прибытие удачи часто является грандиозным; так как лексема 降临 jiànglín сочетается именно с важными и серьезными событиями, к которым и приписывается приход удачи, то, когда человек ее видит, он сразу идет к ней, хочет с ней познакомиться. Также, когда нет удачи, человек молится, чтобы она пришла к нему. В данном случае мы видим четкий образ того, когда у молодого человека происходит в жизни важное событие: так как в древности свадьбы зависели от пожелания родителей, а не от желания их детей, поэтому человек мог проявлять активность только после того, как узнал о том, с какой женщиной пройдет его свадьба.

2. Попутчик. Возможны различные способы встречи человека с удачей, после чего удача может сопутствовать человеку. Даже если человек потерял удачу, все равно есть вероятность, что через какое-то время она вернется. Данное представление показывает нам образ попутчика, которого мы встречаем на жизненном пути и после того идем по нему вместе.

3. Китайская водка высшего качества. Лексема 沾上 zhānshàng в китайском языке сочетается с указанием на различные жидкости, поэтому данный предмет должен соответствовать этому признаку: это вещь, которую можно принести, поэтому данная жидкость должна быть в какой-то емкости, также предмет является дорогим, ведь им удостоят кого-то, а после его получения человек бережет его, но также можно в нужный момент использовать эту жидкость и насладиться ею. Из данного описания появляется полноценный образ дорогого и качественного алкогольного напитка, который человек бережет и ценит, а наслаждается им только во время важных событий, например, праздника или свадьбы.

Из данных трех существенных коннотаций мы видим, что в китайском мировоззрении удача сильно ассоциируется со свадьбой, ведь это событие являлось переломным моментом в судьбе, который по большому счету решал всю оставшуюся жизнь для юноши или девушки в древнем Китае, и все надеялись, что судьба повернется в лучшую сторону.

Лексема 幸运 xìngyùn состоит из двух морфем: 幸 xìng и 运 yùn.

Иероглиф 幸 xìng, который изначально писался как □ xìng, является иероглифом идеографической категории, по структуре состоящим из части 歹 yāo, обозначающей смерть в молодом возрасте, и 丂 pì, имеющее значение «наоборот», поэтому изначальное значение иероглифа было «избежать беду ранней смерти», но далее стало использоваться для обозначения получения успеха или избежания беды по абсолютной случайности [\[11, с. 911\]](#).

Легко заметить, что данное описание явно не связано с традиционным китайским представлением о понятии «удача». В китайском языке существует лексема 倭幸 jiǎoxìng, обозначающее в переводе на русский «на авось; к счастью». Однако в русском языке, как выше было написано, этот фразеологизм имеет положительную коннотацию, тогда

как в китайском языке слово имеет явно отрицательную коннотацию. По данным из языкового корпуса, слово стало употребляться в китайском языке только в самом конце XIX века и далее в XX веке уже укоренилось в литературном китайском языке и стало появляться у таких крупных писателей того периода, как, например, Лу Синь, Ху Епин, Мао Дунь и др.

Если посмотреть на историю, то конец XIX века – это как раз время тесного сотрудничества России и Китая для строительства КВЖД. Поэтому можно сделать осторожное предположение, что данное представление об удаче является семантическим заимствованием из русской языковой картины мира.

Из-за того, что это слово существует сравнительно короткое время, на данный момент практически не наблюдается сочетаемость этой лексемы с глаголами, соответственно, выявить существенную коннотацию является невозможным.

Лексемы 鸿运 hóngyùn и 红运 hóngyùn являются одинаковыми по значению и звучанию, но разными по написанию. Если судить по хронологии, то лексема 鸿运 hóngyùn появилась гораздо раньше: данное слово было обнаружено ещё на «Стеле заслуг и добродетелей в древнем храме Вэйдаюнь в Лянчжоу», которая была построена в 711 году [14], а лексема 红运 hóngyùn стала использоваться значительно позднее, только в XIX веке. Можно сделать предположение, что слово 红运 hóngyùn изначально являлось неправильной формой написания слова 鸿运 hóngyùn, так как по символике лексема 红运 hóngyùn также могло ассоциироваться с удачей. Как пример, можно взять роман «Продолжение истории Цзигуна», написанный Кэн Юйшэном в династии Цин, где впервые было использована лексема 红运, однако данная лексема в тексте имела следующую сочетаемость: 红运当道 hóngyùn dāngdào «удача посреди дороги». В китайском языке сочетание с лексемой 当道 dāngdào обозначает, что кто-то перегородил дорогу и не дает пройти, например, 豺狼当道 cháláng dāngdào (прямой перевод: «шакалы и волки посреди дороги», переносное значение: «злодеи у власти»); 奸臣当道 jiānchén dāngdào (прямой перевод: «лукавые чиновники посреди дороги», переносное значение: «злодеи у власти»); 卧狼当道 wòláng dāngdào (прямой перевод: «лютый волк посреди дороги», переносное значение: «очень опасный путь»). Сочетание 红运当道 hóngyùn dāngdào по своей сути является явно некорректным, ведь удача идет человеку навстречу, пробуя помочь ему, а не перегораживая ему путь. Возможно, в данном случае автор также неправильно использовал лексему 鸿运 hóngyùn, что и привело к появлению нового слова, обозначающего удачу.

Главное значение иероглифа 鸿 hóng – это «дикий гусь». Гуси в древнекитайской культуре считались самыми душевными и гуманными птицами, так как в караване гусей самый сильный гусь всегда летит спереди, а молодые и слабые гуси следуют за ним, причем даже если есть гуси, которые отстают, их все равно не бросают. Дисциплина и доброта гусей настолько понравилась древним китайцам, что было создано 4 абсолютных синонима, обозначающих строй летящих гусей: 雁字 yànzì, 雁阵 yànzhèn, 雁行 yànháng, 雁序 yànxù. Как написано в «Ли цзи», главной книге обрядов и ритуалов, в древнем Китае перед свадьбой семья жениха была обязана подарить гуся семье невесты, ведь это символ верности [10], так как гуси за всю жизнь находят только одного жизненного партнера. Кроме того, древнекитайская свадьба шла по очень строгому правилу, например, последовательность молодых людей в семье, которые будут вступать в брак, так же заранее расположена, как положение гусей в караване. Таким образом, гуси в китайской культуре напрямую ассоциируются с браком, а для китайцев вступление в брак и образование семьи является большим счастьем и удачей, поэтому лексема 鸿运

hóngyùn, прямо переводящаяся как «гусиный случай», обозначает удачу.

Иероглиф 红 hóng передает значение красного цвета. Как известно, красный цвет в китайской культуре ассоциируется с красотой, праздниками, счастьем, удачей и богатством. Данный концепт легко проследить в современном китайском языке: когда женщина пышно наряжена, это называется 红妆 hóngzhuāng «красный наряд»; когда женщина красивая, ее называют 红颜 hóngyán «красное лицо»; свадьбу называют 红喜事 hóng xǐshì «красное радостное событие», а подарок жениха невесте называется 红定 hóngdìng «красный залог»; фонари, которые вешаются на китайский Новый год, называются 红灯笼 hóng dēnglóng «красный фонарь»; на Новый год деньги можно дарить только в 红包 hóngbāo «красном конверте»; даже в финансовой сфере тантъема будет называться 红利 hónglì «красная прибыль», а «распределить прибыль» дословно переводится как 分红 fēnhóng «делить красный».

Мы видим, что красный цвет в китайской культуре имеет очень хорошую символику, поэтому неслучайно при использовании лексем произошла замена гуся на красный цвет, ведь и первый и второй образы в китайской культуре являются ярко положительными.

Выводы

Удача, этимологически связанное с глаголом давать – активное мифологизированное существо, отношения с которым у человека выстраиваются по сценарию охоты. Удача связана со специфически русским «авось», вместе с которым выражает особое мировидение русского этноса. Слова удача, авось, шанс положительно коннотированы в русском языке.

Русская удача представляется одушевленной и активной. Русская удача, равно как и специфически русское авось особым образом раскрывают трактовку идеи ответственности (точнее, безответственности, идущую от представления о недискретности мира).

В китайском языке удача основывается на понятии 运, которое тесно связано с понятием судьбы. Начиная с мифологии, заканчивая семантикой, в китайском языке прослеживается два концепта, ассоциирующиеся с удачей: семья и свадьба. Данное представление прослеживается во всем исконно китайском синонимическом ряду понятия. Также в китайском существует понятие 幸运, которое вошло в китайский язык только в самом конце XIX века и имеет схожую специфику с русским «авось». После проведенного анализа было сделано предположение, что это может быть семантическим заимствованием из русского языка.

Библиография

1. Вежбицка, А. Язык, культура познание. М., 1996. С. 78-79.
2. Голованивская М. К., Ефименко Н. А. Представление о судьбе в русской, французской и китайской культурах // Философская мысль. – 2022. – № 10. – С. 35-53.
3. Даль, В. Толковый словарь. Т. 1-4, М., 1955.
4. Мифологический словарь. М., 1991.
5. Путеводитель по дискурсным словам. М., 1996.
6. 北京语言学院语言教学研究所. 现代汉语频率词典. 北京: 北京语言学院出版社, 1986. 978页.
7. 汉语大词典. 上海: 上海辞书出版社, 2011年. 10080页.
8. 汉语大字典编辑委员会. 汉语大字典(第二版缩印本). 成都: 四川辞书出版社, 2018年. 2692页.

9. 汉语(现代/古代) 语料库. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (дата обращения: 19.12.2022).
10. 《礼记》·昏义. URL: <https://guoxue.httpcn.com/html/book/TBMEUYKO/MECQME.shtml> (дата обращения: 11.12.2022)
11. 李学勤. 字源. 天津: 天津古籍出版社, 2013年. 1420页.
12. 三星高照之福星. URL:

<http://www.cntv.cn/program/tsfx/topic/geography/C13587/20050207/100616.shtml>

(дата обращения: 4.12.2022).
13. 商务印书馆辞书研究中心. 新华成语词典. 北京: 商务印书馆, 2015年. 1185页.
14. 武威历史上最早的寺院碑刻《凉州卫大云寺古刹功德碑》, 兼说大云寺与摩尼教(明教)的关系. URL:

http://wtgl.gswuwei.gov.cn/art/2020/12/24/art_580_251527.html (дата обращения: 28.11.2022).
15. 郑春兰. 精彩汉字. 成都: 四川辞书出版社, 2018年.
16. 中国社会科学院语言研究所. 新华字典(第12版). 北京: 商务印书馆, 2020年. 699页.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Представление о понятии «удача» в русской и китайской культурах», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению особенностей реализации концепта «удача» в отечественной и китайской культурах, подспудно решая одну из важных задач лингвокультурологии и межкультурной коммуникации.

С учетом интереса к изучению китайского языка и культуры в наше время, работа является актуальной и призвана восполнить те лакуны, которые имеются. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики.

Цель рецензируемого исследования заключается в том, чтобы проанализировать понятие "удачи" в русском и китайском языках, выявив его особенности в разных культурных и лингвистических контекстах

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы, а именно к сравнительно-историческому методу, методу обобщения и методу семантического анализа.

В работе нет указания на исследуемый корпус русского и китайского языков, а также на принципы его выборки.

Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 16 источников, среди которых представлены работы как на русском, так и китайском языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по лингвокультурологии, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Представление о понятии «удача» в русской и китайской культурах» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Дьяченко Т.А. — Ориентальный контекст топоса сада в русской поэзии fin de siècle // Филология: научные исследования. — 2023. — № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.10.68772 EDN: BTJRKY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68772

Ориентальный контекст топоса сада в русской поэзии fin de siècle

Дьяченко Татьяна Анатольевна

ORCID: 0000-0001-8186-3569

старший преподаватель, кафедра иностранных языков, Астраханский государственный медицинский университет; ассистент, кафедра русского языка, Астраханский государственный медицинский университет

414000, Россия, Астраханская область, г. Астраханская, ул. Бакинская, 121, оф. Астраханская

✉ dyachenko_tatiana@mail.ru

[Статья из рубрики "Поэтика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.10.68772

EDN:

BTJRKY

Дата направления статьи в редакцию:

21-10-2023

Аннотация: Цель исследования – выявление особенностей функционирования топоса сада в предметно-пространственной организации русских поэтических текстов 1880–1890-х гг. с вектором на экзотику Востока. Предмет исследования – садовая топика в ориентальном контексте стихотворений обозначенного периода. Объект - лирические произведения русских поэтов последних двух десятилетий XIX столетия, ориентированные на восточный контекст. Особое внимание уделяется ориентальной образности, переносящейся в сферу универсального языка поэзии, на который поэты переводят субъективистское отношение к преображению реального мира в идеальный. Специфика материала и многоаспектность его рассмотрения определили в качестве методологической основы общефилософские принципы историзма и системности. Исследование базируется на синтезе историко-генетического, сравнительно-исторического, функционального, интертекстуального методов. Основные выводы проведенного исследования: 1) в пространстве ориентального локуса лирических произведений 1880–1990-х гг. в качестве культурно-специфических единиц чаще всего

выступает сад; 2) в отличие от поэтов прошлых десятилетий, авторы эпохи *fin de siècle* чаще отсылают собственно к суфийской символике. Новизна исследования заключается в том, что поэтическое наследие мусульманского Востока в текстах «эпохи безвременья» – предсимволизма, а также начального этапа символистского течения ранее не становилось объектом системного исследования. По справедливому замечанию Е.А. Тахо-Годи, в последние три десятилетия в отечественной науке вырос интерес «к фигурам "второго ряда", к эпохам трансформации традиционных литературных парадигм, в том числе к предсимволизму», который остается наименее изученной страницей в истории русской литературы XIX в.

Ключевые слова:

сад, ориентальное пространство, фитоним, русская поэзия, мусульманский Восток, топос, ориентальная образность, культурные реалии, предсимволизм, предметная организация текстов

Культурно-специфические реалии мусульманского Востока нашли отражение в целом ряде стихотворений русских поэтов *fin de siècle*. Авторы не обходятся без центрального для мусульманской, в частности персидской, литературы садового топоса, выступающего в локусе лирических произведений 1880–90-х гг. в качестве культурной единицы.

Сад приобретает статус доминирующей топики в произведениях К.Р. (Великого князя К.К. Романова), ориентированных на поэтическую традицию Востока. В произведении «Как жаль, что розы отцветают!» (1885) сад становится фоном для иллюстрации быстротечности жизни. Скорая смена времени года носит аллегорический характер: вместе с отцветанием роз и жасминов заканчивается праздник красоты, а с ним – земное существование. В стихотворении «Во дни надежды молодой» (1886) поэт выстраивает символическую для восточной любовной лирики цепочку соловей-роза, а зеленый и душистый сад изображает как некий идеальный микромир, аналог прекрасного Божьего макромира, в котором «небесный свод глубок и чист» (подобное обнаруживаем у К.К. Случевского в произведении «Мой сад оградой обнесен»: лирический герой заключает целый мир в рамки своего сада – цветущего, безупречного пространства, созданного любовью). В поэтической работе «Здесь, в тишине задумчивого сада» (из цикла «Сонеты к ночи», 1892) К.Р. использует образ сада в качестве универсального локуса волшебной восточной страны, в которой Шехеразада – возлюбленная лирического героя, а сам он – калиф, внимавший ее шептанию.

В произведении «На пути к Востоку» Лохвицкая также не обходится без центрального для мусульманской литературы садового топоса. Поэтесса разделяет пространство сада (в чем прослеживается романтический мотив двоемирия): с одной стороны, это по-восточному роскошное место с экзотическими попугаями, красками и ароматами жасминов, роз, левкоев, анемон, однако красота не радует главную героиню драмы, которая называет птиц «докучными», краски цветов «кричащими», а их аромат «удушливым и резким».

С другой стороны – это тихий уголок, «где не слыхать ни пенья птиц, ни рокота ручья» [1, с. 21]. Здесь поэтесса вводит фитонимические образы печального тамаринда и ивы, чьи ветки склоняются к волне; они антропоморфизируются по мужскому и женскому векторам соответственно. Тамаринд представляет интерес своим ботаническим описанием: дерево может быть как вечнозеленым, так и листопадным. Таким образом, фитоним, вероятно,

контаминируется с образом возлюбленного геройни – Вечно-мужественным красавцем с восточными глазами, – указывая на его дуалистическую природу.

Ива – символ разлуки, а также женского изящества и светлой грусти. Фитоним соотносится с центральным персонажем драмы – Балькис – и передает ее чувственное переживание. Проводится параллель между склоненностью растения и почитанием геройней своего возлюбленного – Соломона (Сулеймана), «солнца Востока», «царя царей». Он для нее – вдохновитель и бог, недосягаемость которого подчеркивается глагольной лексемой *высится* («Где высится лишь тамаринд печальный» [\[1, с. 21\]](#)).

В саду Балькис есть еще один фитоним – белый лотос, чей образ приобретает особое значение колоративного контраста (белое / черное): цветок сравнивается со звездой жемчужной, которая прячется в темных камышах.

Белый лотос – символ сна. Подобное значение он приобрел благодаря своей особенности: цветок закрыт днем и распускается только ночью. Фитоним связан с древнегреческой мифологией. В IX песне «Одиссеи» Гомер изображает лотофагов – народ, живший на острове в Северной Африке и находившийся под властью лотоса (они питались цветами и впадали в забытье) [\[2, с. 72\]](#). Позднее лексема *лотофаг* приобрела метафорический смысл: так стали называть людей, ищущих забвения. Данный фитообраз в контексте ориентальной эстетики произведения Лохвицкой вводит характерный для ее лирики мотив сна, неразрывно связанный с мотивом любви-искушения, обладающей роковой предопределенностью. Лотос влечет, гипнотизирует царицу Юга своим тонким ароматом, подобным «вздоху натянутой струны», заглушая все благовония. Миистическое чувство усиливается: благоуханье цветка распространяется и наполняет весь мир «Как мощный гимн неведомому Богу, / Как торжество ликующей любви» [\[1, с. 30\]](#); сон преобразуется в приятную смерть-освобождение, после которой будет доступно все невозможное в земной жизни, в том числе и единение с возлюбленным.

Топика сада в поэзии Мережковского «вырастает» из наследия «чистого искусства» Апухтина, К.Р., Надсона, Случевского, Фофанова и др. Опираясь на произведения классиков, поэт-символист использует ориентальные жанрово-тематические цепочки, образы и пр., ставшие романтическими штампами, с целью реализации характерного для его творчества принципа антиномии. В стихотворении «Сегодня в заговор вступили ночь и розы...» (1887) образы *душистого темного сада, соловья и роз* спроецированы Мережковским на создание конфликта противостояния рассудка и души, сознания и сердечных чувств. Намеченная дихотомия «рациональное / иррациональное» становится структурообразующим элементом всего произведения. Образ *сада* связывается с мотивами мечты, грез – так поэтом передается тоска по непостижимому, чувственному мировому началу. Стандартный «набор» ориентальной образности переосмысливается Мережковским в духе символистского дуализма. Разлад между разумом и чувством усиливается посредством колоративного контраста *темного сада* и светом горящей лампы, за которой «меж книг, беседуя с друзьями» [\[3, с. 133\]](#), лирический герой шутит «Над пеньем соловья и глупыми стихами, / Над вздохами любви и девственной луной...» [\[3, с. 133\]](#).

В произведении «Восточный миф» (1887) образ *сада* приобретает лиминальный статус, выступая в качестве сакральной границы между идеальным миром роскоши царского золотого чертога и действительностью смиренных трудящихся (««Мне хочется узнать, что там, за дверью сада, / Пусти меня туда!..» И двери отворились...» [\[3, с. 148\]](#)). Мережковский выстраивает преграду для своего героя-царевича, надеялся его

романтическими чертами: он бежит из привычного, удобного мира, кажущегося ему тюрьмой.

Символистом вырабатывается иная семантика ориентального топоса в стихотворении «Когда вступал я в жизнь, мне рисовалось счастье...» (1885). Гармония души уподобляется светлому, чудному саду с его имманентными признаками – гирляндами роз, струями фонтанов. В этом видится следование Мережковским общеевропейской традиции в поэтизации данной универсалии восточной литературы: сад как «рай», «любовь», «душа» и т.д.

«Восток» воспринимается Мережковским в символическом аспекте в стихотворении «О дайте мне забыть туманы и метели...» (1883). Поэт создает антитетическую параллель, основываясь на романтическом мотиве двоемирия: в оппозицию образа туманного, снежного севера, чей холод лирический герой стремится позабыть, ставится некое идеальное пространство, центральным условным знаком которого является сад. Картины цвета и звука поддерживают заданный дуализм – разлад реальности и мечты: прозрачность, бесцветье (туман и метель), темные тона (мгла ночи), тревожащий шум (грохот снежной выюги) противопоставляются яркой палитре (голубое взморье, золотое сияние лучей, изумрудная рамка зелени, бирюза залива) и спокойствию (затишье, невозмутимый сон, тихий уголок, дремлющий аул). Лирический герой присваивает себе оба мира («...на севере, под грохот снежной выюги / Я мог припомнить во мгле моих ночей / Мой тихий уголок, мой сад...» [\[3, с. 68\]](#)), в чем проявляется принцип антиномии – раздвоенности сознания и чувств. Конфликт разума и души усматривается также в манере изложения материала. Она отмечена движением вверх-вниз за счет изображения разноуровневых образов: описание ландшафта начинается с образа взморья, за ним следуют долины, сад, аул, сменяющиеся силуэтами крутых гор, после – устремленный в глубину утесистый обрыв, затем – холмы, и, наконец, ландшафтная синусоида выравнивается, завершаясь образом залива.

Случевский придерживается традиции восточно-мусульманской поэзии, исключая модернистские трансформации семантического поля садовой топики. В стихотворении «И они в звуках песни, как рыбы в воде...» поэт прибегает к классическому для персидской литературы пониманию сада как места уединения влюбленных: «А в саду под окном ухмылялась тайком / Парочка, парочка...» [\[4, с. 145\]](#)

Произведение «И вот сижу в моем саду тенистом...» отмечено философским уровнем осмыслиения мира и человека. Вопросы о смысле бытия, жизни и смерти рассматриваются на фоне сада согласно образцам персидского словесного искусства, в которых роль растительного орнамента вместе с морально-этическими, философскими сентенциями оказывается особенно значительной, ср.: «Вновь распускаются розы под утренним ветерком, / И соловьиною песней все огласилось кругом. / Сядем под розовой сенью! Будут, как нынче, над нами / Их лепестки осыпаться, когда мы в могилу сойдем» (О. Хайям) [\[5, с. 297\]](#). Подобную розовую сень сада цветов – Гулистана, ставшего метафорическим элементом литературы Ирана, противопоставляет римским катакомбам Случевский в стихотворении «Порой хотелось бы всех веяний весны...» (1899).

Локус сада приобретает законченный семантический облик в творчестве Фета. В произведении «Ты помнишь, что было тогда...» (1885) поэт следует суфийской традиции в использовании садовой топики. Стихотворение характеризуется ретроспективной организацией сюжета: лирический субъект придается романтическим воспоминаниям, обращаясь к возлюбленной: «Ты помнишь, что было тогда <...> / Как, глазки закрыв,

словей / Блаженствовал в песне над нами» [\[6, с. 309\]](#). Три первых четверостишия окрашены в светлые тона: образы бушующих ручьев, веселых дубов, счастья плакучей ивы поддерживают динамичную, жизнеутверждающую атмосферу первой части композиции. Затем, начиная с четвертого кратрена, намечается антитетический переход: «Взгляни же вокруг ты теперь: / Все грустно молчит, умирая...» [\[6, с. 309\]](#) Здесь же вводится образ сада, который лишь угадывается («И настежь раскинута дверь / Из прежнего светлого рая» [\[6, с. 309\]](#)), в чем проявляется импрессионистская художественная манера Фета. Образ *светлого рая* – перифразическая форма сада по аналогии с классическими образцами восточно-мусульманской поэзии, где садовый топос является метафорическим эквивалентом Рая (садов блаженства).

В стихотворении «Благовонная ночь, благодатная ночь» (1887) эстетическое восприятие образа сада осуществляется в духе романтического течения («Эти звезды кругом точно все собрались, / Не мигая, смотреть в этот сад» [\[6, с. 215\]](#)). Здесь он – условное пространство мечты и грез. Образы *благовонной ночи*, *жгучего месяца*, *ласкательно шепчущих струй*, *воркующих гитар*, *напевающего призыва любви ключа* создают загадочную атмосферу неги и томления. Мысль Фета метафорична, в ней заключена таинственная миросозерцательность: «Словно все и горит и звенит заодно, / Чтоб мечте невозможной помочь; / Словно, дрогнув слегка, распахнется окно / Поглядеть в серебристую ночь». Мистицизм поддерживается романтическим хронотопом ночи. «Ночь – это мировая мистика, это всеобъемлющая музыка, сила, причем иррациональная сила» [\[7, с. 19\]](#). В.М. Жирмунский называет романтизм «своеобразной формой развития мистического сознания» [\[8, с. 6\]](#), это же определение также раскрывает суть восточно-мусульманской суфийской поэзии.

В творчестве Фета модус сада включает отождествление данного локуса с местом для романтических встреч. Так, стихотворение «Ночь лазурная смотрит на скошенный луг...» (1892) изображает картину погружения лирического субъекта в воспоминания о далеком, давнишнем саде, где «...и звёзды крупней, и сильней аромат <...> / И как будто вот-вот кто-то милый опять / О восторге свиданья готов прошептать» [\[6, с. 331\]](#). Одорологические образы *запах роз*, *ночные благовония*, *нежное дыхание травы и цветов*, *сильный аромат*, мотив томления (*истомленная грудь*, *полная истомы живая волна*) создают акцент на связи с ориентальной поэтикой.

В лирическом произведении «Жду я, тревогой объят...» (1886) дорога через сад идет навстречу любви и становится символом взаимного, счастливого чувства. Путь, по которому движется возлюбленная, следует сквозь сакральный топос сада и тем самым знаменует ее переход из реальности в ирреальный мир лирического субъекта. Романтическая линия поддерживается параллельно вводимым орнитологическим образом коростеля, зовущим свою подругу.

Ожидание долгожданного часа свидания с возлюбленной на фоне сада представлено в стихотворении «Сад весь в цвету...» (1884). Первый терцет воспроизводит пространственно-временную картину: цветущий сад и «вечер в огне» [\[6, с. 144\]](#) организуют романтический хронотоп. Атмосфера романтики и загадочности дополняется эпитетами *таинственная речь*, *благодатная тайна*.

В произведении «Только месяц взошел...» (1891) Фет называет любовное чувство распустившимся цветком, а сад представляется пристанищем влюбленных. Поэт употребляет эпитет *померкнувший сад*, т.е. потемневший, а значит укромный, скрытый от

посторонних глаз. Второй катрен подчеркивает интимность происходящего. В целом в творчестве Фета садовая топика играет значительную роль, а номинация влюбленных фитонимами частотна.

Итак, сад как один из центральных топосов в поэтической традиции Востока нашел отражение в целом ряде стихотворений русских поэтов *fin de siècle*. Ориентальная образность переносится в сферу универсального языка поэзии, на который поэты переводят субъективистское отношение к преображению реального мира в идеальный. Садовая топика в контексте восточной экзотики играет важную роль в творчестве поэтов к. XIX столетия. Для К.Р. она является образом идеального мира, фоном для иллюстрации быстротечности жизни и, так же как и у Лохвицкой, универсальным локусом волшебной восточной страны. В поэзии Мережковского сад «вырастает» из наследия «чистого искусства» русских классиков. Случевский прибегает к классическому для мировой литературы пониманию топики сада как месту уединения влюбленных. Аналогичная семантика у Фета в стихотворении «Ночь лазурная смотрит на скошенный луг...» Помимо этого, поэт осмысливает образ сада в духе романтического течения, для него он становится условным пространством мечты и грез.

Библиография

1. Лохвицкая М. Собрание сочинений. В 3-х томах. Том 3. – М.: «Дмитрий Сечин», 2018. – 415 с.
2. Мифы народов мира: Энциклопедия в 2 т. Т.1. / Под ред. С.А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – 672 с.
3. Мережковский Д.С. Собрание стихотворений. – СПб.: Фолио-Пресс, 2000. – 733 с.
4. Случевский К.К. Стихотворения и поэмы. – М. – Л.: «Советский писатель», 1962. – 468 с.
5. Хайям О. Рубаи. Газели. – М.: Эксмо, 2012. – 544 с.
6. Фет А.А. Стихотворения. – Л.: «Советский писатель», 1959. – 899 с.
7. Красман, В.А. К вопросу о специфике «ночного хронотопа» в европейском романтизме // Молодой ученый. – 2011. – № 5 (28). – Т. 2. – С. 18–20.
8. Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. – Спб.: Аxiома, 1996. – 230 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Ориентальный контекст топоса сада в русской поэзии *fin de siècle*», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению особенностей представления культурно-специфических реалий мусульманского Востока в ряде стихотворений русских поэтов *fin de siècle*.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Практическим материалом исследования послужили поэтические тексты на русском языке. К сожалению автор не указывает объем корпуса исследования, а также

методологию его формирования.

Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 8 источников, среди которых представлены работы исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к трудам на иностранных языках по смежной тематике, несомненно, обогатило бы работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории литературы, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Ориентальный контекст топоса сада в русской поэзии *fin de siècle*» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Англоязычные метаданные

Transformation of the concept of MONEY in the everyday consciousness of the speakers of Russian linguoculture from the end of the XX to the first third of the XXI centuries.

Koltsova Nadezhda Viktorovna

PhD in Philology

Postgraduate student of the Department of Philology, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow region, Mskva, Mklukho-maklaya str., 6

✉ navikoltsova@gmail.com

Abstract. This article presents the results of the study of the transformation of the concept of MONEY in the everyday consciousness of the speakers of Russian linguoculture in the period from the end of the XX to the first third of the XXI century and a description of its actual content.

The relevance of this study is due to significant changes in the realities of life in the specified period, which could not but be reflected in everyday consciousness, as well as the use of a special methodology for studying concepts. The study was conducted within the framework of a triangulation approach, using a combination of three methods of various humanities: associative experiment, the method of pictorial associations and a sociological survey. The combination of these methods allows the author to comprehensively study the subject and get the most complete picture of the subject being studied.

As a result of the analysis, significant changes in the structure and content of the concept of MONEY for the specified period were revealed, changes in their perception as a phenomenon were revealed, their domestic status determined, and the place of financial well-being in the value system of ordinary carriers of lingvoculture determined.

The proposed methodology and the presented conclusions can be used in conducting other psycholinguistic studies, as well as be useful to sociologists and economists.

We see the prospect of further research in further monitoring of changes in the concept of MONEY, as well as in further improvement of the methodology used.

Keywords: associative dictionary, drawing methodology, sociological survey, associative experiment, russian linguaculture, ordinary consciousness, money, triangulation, concept, transformation

References (transliterated)

1. Ufimtseva N. V. Obraz vlasti po materialam krymskogo assotsiativnogo slovarya // Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2022. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategorii-veroyatnosti-i-vozmozhnosti-v-kreativnom-upotreblenii-yazyka-nevozmozhnaya-vozmozhnost-v-nemetskem-tekste> (data obrashcheniya: 26.09.2023).
2. Yanchuk V. A. Vvedenie v sovremennoyu sotsial'nyyu psikhologiyu. Minsk: ASAR, 2005. – S. 223-227.
3. Denzin N. K. The research act: a theoretical introduction to sociological methods / N. K. Denzin. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2009. – 379 p.
4. Russkii assotsiativnyi slovar' (RAS). V 2 t. [Elektronnyi resurs] / Yu. N. Karaulov, G. A.

- Cherkasova, N. V. Ufimtseva, Yu. A. Sorokin, E.F. Tarasov. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/index.php> (data obrashcheniya: 17.08.2023).
5. Russkii regional'nyi assotsiativnyi slovar' (Sibir' i Dal'nii Vostok) (EVRAS). V 2 t. T. I. Ot stimula k reaktsii / Otv. red. Ufimtseva N. V. M.: Moskovskii institut lingvistiki, 2014. – 537 s.
6. Russkii regional'nyi assotsiativnyi slovar': Sibir' i Dal'nii Vostok (SIBAS 2): V 2 t. / I.V. Shaposhnikova, A.A. Romanenko; In-t filologii SO RAN; Novosib. gos. un-t. Novosibirsk: IPTs NGU, 2022. – T. 1. Ot stimula k reaktsii. – 920 s.
7. Barinova I. A., Nesterova N. M., Ovchinnikova I. G. «Yazykovoe soznanie»: k voprosu ob opredelenii i interpretatsii termina // Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki. 2010. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovoe-soznanie-k-voprosu-ob-opredelenii-i-interpretatsii-termina> (data obrashcheniya: 12.10.2023).
8. Karaulov Yu. N. Pokazateli natsional'nogo mentaliteta v assotsiativno-verbal'noi tsepi // Yazykovoe soznanie i obraz mira. Sbornik statei / otv. red. N. V. Ufimtseva – M., 2000. – S. 191–206.
9. Litvinenko D. V. Sotsial'naya rol' deneg v sovremenном rossiiskom obshchestve // Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Seriya: Obshchestvennye nauki. 2009. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-rol-deneg-v-sovremennom-rossiiskom-obschestve> (data obrashcheniya: 17.08.2023).
10. Nezavisimaya gazeta: Nedoverie naseleniya resheniyam Tsentrobanka – chast' obshchego nedoveriya k ekonomiceskoi politike: elektron. versiya zhurn. 2023. № 1256. URL: Nezavisimaya gazeta (ng.ru) (data obrashcheniya: 12.10.2023).
11. Ekonomicheskaya psichologiya. Sotsiokul'turnyi podkhod [Tekst] / pod red. I.V. Andreevoi. – SPb.: Piter, 2000. – 511 s.

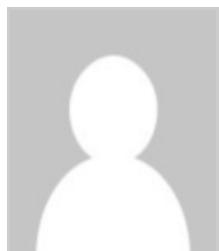
Dramatism of Cossack life in the works of F. Kryukov

Gao Han

Postgraduate student, Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

119415, Russia, Moscow, Udalzova str., 5k1, sq. 94

✉ jiushibuzhidao1@126.com

Abstract. The research is aimed at analyzing the works of Fyodor Kryukov, in which he describes Cossack life. We explore the dramatic aspects of this topic, including the internal conflicts of the characters, the sociocultural aspects of Cossack life and its influence on the fate of the heroes. The Cossacks have unique values and traditions, which shape the characteristics of dramatic events. The works of F. Kryukov are deeply concerned with the psychology of the characters, which makes the drama more intense. The structure of the works, the author's style and the use of literary means to convey the drama of Cossack life will also be considered. The works of F. Kryukov leave a significant mark on literary history. This study is original in that it attempts a deep analysis of the drama of Cossack life and its expression in the works of F. Kryukov. Previous studies of Cossack folklore and literature have focused on the general features of Cossack culture, but our study focuses on moments of dramatic tension and personal conflict, which represents a new research approach to the work of F. Kryukov and Cossack themes in literature in general. By analyzing specific aspects of drama, we are able to more deeply understand how Kryukov conveyed the complex emotional and moral aspects of Cossack life in his works. In a study on the drama of Cossack life in the

works of F. Kryukov, the following conclusions were found: drama occupies a central position in the works.

Keywords: Personalities, Complex personality characteristics, Identity, Social ideals, The tradition of realism, Different conflicts, Anthropocentrism, Dramatism, Don Cossacks, Fyodor Krukov

References (transliterated)

1. Biryucheva E.S. Tvorchestvo I.D. Sazonova v kontekste russkoj literatury kontsa XIX-nachala XX veka. Avtoref. diss. ...kand. filol. nauk. Volgograd, 2012. 229 s.
2. Golubkov M.M. Obraz russkogo doma i motiv bezdomnosti v literature XX-XXI vekov // Ortodoxsy i eretiki russkoj literatury XX-XXI vekov / Pod red. M.M. Golubkova; sost. G.V. Zykova, N.A. Nerezenko, O.S. Oktyabr'skaya, A.A. Semina. M.: MAKS Press, 2022. S. 11-22.
3. Il'in V.V. Aksiologiya. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2005. 216 s.
4. Kryukov F.D. Epokha Stolypina. Revolyutsiya 1905 goda v Rossii i na Donu / Sost. A.G. Makarov. M.: AIRO-XXI, 2012. 362 s.
5. Kryukov F.D. Nakanune. V glubine. Povesti, rasskazy i ocherki 1910-1914 gg. / Sost. A.G. Makarov M.: AIRO-XXI, 2020. 416 s.
6. Kryukov F.D. Na Donu. V rodnykh mestakh / Sost. A.G. Makarov. M.: AIRO-XXI, 2016. 384 s.
7. Ogudov S.A. Diskussiya o rasskaze i pokaze v narratologii: problemy i perspektivy // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. 2016. №409. S. 14-19.
8. Smirnova E.A. Literaturno-kriticheskaya i redaktorskaya deyatel'nost' F.D. Kryukova v zhurnale «Russkoe bogatstvo» // Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. 2015. №1 (14). S. 70-79.
9. Sopov A.V. Problema etnicheskogo proiskhozhdeniya kazachestva i ee sovremennoe prochtenie // Vestnik Moskovskogo un-ta. Seriya 8. Iстория. 2008. №4. S. 66-85.
10. Yurchenko I.Yu. Iстория изучения казачества в отечественной и эмигрантской историографии XV-XX столетий. M.: MGUP, 2013. 455 s.

On the question of the linguistic and cultural features of the Eastern Argumentative Model in Political Ecology

Barebina Natal'ya Sergeevna

Doctor of Philology

Associate professor, Department of Foreign Languages, Irkutsk State Transport University

✉ svirel23@rambler.ru

Fan Zhiyong

Lecturer, Postgraduate student, Chinese Language Center, Confucius Institute, Irkutsk State University

✉ fangzhiyong1979@mail.ru

Abstract. The article discusses the issues of argumentation of the environmental agenda, which occupies a significant place in the modern linguistic society and is implemented in various discursive practices. The authors proceed from the fact that the environmental problem is a universal topic that is approved by all people. Therefore, the discussion of environmental problems has a great unifying force. The reaction of the audience to the discussion of environmental plans is always predictable, this topic is approved by all segments of the population. It can be said that the media and politicians always make the most of environmental issues. The combination of political speech and ecology, covered in the media, is a synergistic effect when the sum of the components is greater than a simple addition: $1+1+1\rightarrow 5$. The synergy of politics and ecology is the object of this work, and the subject of the study are argumentative structures that provide this synergy. The article contains a review of works showing the specifics of logic and the philosophical tradition of China, which were the basis for specific models of reasoning that make up the Eastern model of argumentation. The purpose of the work is to analyze the argumentation in the speeches of Chinese politicians on the environmental topic and to monitor the implementation of the Eastern or Western model of argumentation. The main conclusions of the article are conclusions about the universality of the Western style of argumentation, which is implemented in arguments about environmental problems. The authors also point out the undesirability of leveling argumentation styles. The novelty of the work lies in the fact that these conclusions, being projected on the field of political ecology, allow us to conclude that the linguistic and cultural characteristics of each country affect the implementation of environmental policy. The authors' contribution to the research of the topic consists in a comparative analysis of the Eastern and Western styles of argumentation and in observing the implementation of one of them in ecological *topos* in Chinese.

Keywords: leveling, versatility, linguistic culture, argumentation model, logics, political ecology, ecology, argumentation, Chinese, synergy

References (transliterated)

1. Volkov V.A. Politicheskaya ekologiya kak proekt: mezhdu ideologiei i politicheskoi religiei // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 481. S. 77–83.
2. Minch M. Political Ecology // Encyclopedia of Global Justice / D.K. Chatterjee (eds). Springer, Dordrecht. 2011. URL: https://doi.org/10.1007/978-1-4020-9160-5_119
3. Roberts J. "Political ecology" / The Open Encyclopedia of Anthropology / F. Stein (ed.). 2023. URL: <http://doi.org/10.29164/20polieco>
4. Chernyavskaya V. E., Molodychenko E.N. Rechevoe vozdeistvie v politicheskem, reklamnom i internet-diskurse: uchebnik. M.: Lenand, 2023.
5. Dovgilenko G.A. Tema ekologii v politicheskoi bor'be parlamentskikh partii Shvetsii // Problemy natsional'noi strategii. 2022. № 4 (73). S. 131–150.
6. Ivchenko T.V., Kupriyanova Yu. A. Novye kontsepty stroitel'stva kitaiskoi ekotsivilizatsii // Inostrannye yazyki v vysshei shkole. 2018. № 4 (47). S. 101–111.
7. Barebina N.S. Lingvisticheskaya argumentologiya : ucheb. posobie / Pod nauch. red. G. M. Kostyushkinoi. Irkutsk : «Ottisk», 2021. – 124 s.
8. Borzova E. P., Isaev B.A. Vostok i Zapad: sravnitel'nyi analiz kul'tur // Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury / Vyp. 4: Vostok i Zapad: sbornik statei; nauchn. red. B. I. Rashragovich, B. A. Isaev. – SPb.: Izd-vo SPbGU, 2010. S 282–310.
9. Krushinskii A. A. Logika «I tszina». Deduktsiya v drevnem Kitae. M.: Izdat. firma

- «Vost. lit.» RAN, 1999. – 173 s.
10. Madalimov T. A. Osnovnye cherty logiki drevnego Vostoka // "Science and Education" Scientific Journal. 2020. Volume 1. Issue 4. P. 236–241.
 11. Krushinskii A. A. Logika Drevnego Kitaya // Filosofskii zhurnal. 2016. T. 9. № 4. S. 111–127.
 12. Willman M. D. Logic and Language in Early Chinese Philosophy // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / E. N. Zalta, U. Nodelman (eds.). Stanford University. 2022. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/chinese-logic-language/>
 13. Garrett M. M. Classical Chinese Conceptions of Argumentation and Persuasion // Argumentation and Advocacy. 1993. 29(3). Pp. 105–15.
 14. Kryuchkova S.E., Kryuchkova E. V. Iskusstvo argumentatsii v Drevnem Kitae // Filosofskaya mysl'. 2023. № 4. S. 1–18. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.4.40030
 15. Ding H. Confucius's Virtue-Centered Rhetoric: A Case Study of Mixed Research Methods in Comparative Rhetoric // Rhetoric Review. 2007. Vol. 26, No. 2. Pp. 142–159.
 16. Johnstone H. W. Some Reflections on Argumentation // Logique et Analyse. 1963. Vol. 6 (21). P. 30–39.
 17. Baraboshkin K. E. Van Chun (I v. n.e.). Vzveshivanie suzhdennii. Glava «O prevoskhodstve i neobychnosti». Perevod i kommentarii // Vestn. Mosk. Un-ta. Ser. 13. Vostokovedenie. 2015. № 3. S. 79–91.
 18. Eemeren F. H. van, Haaften T. van. The Making of Argumentation Theory: A Pragma-dialectical View // Argumentation. 2023. URL: <https://doi.org/10.1007/s10503-023-09618-5>
 19. Li E. V. K voprosu ob universal'nykh tsennostnykh osnovaniyakh argumentum ad hominem v politicheskem diskurse (na primere koreiskogo i russkogo yazykov) // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Ser. Filologiya. 2010. №3. S. 117–125.
 20. Burgete A. M. R., Gerasimova I.A. Ponyatiinyi evropotsentrizm: za i protiv // Filosofskie nauki. 2019. T. 6. № 6. S. 11–33.

The aesthetic ideal of a modern woman in English-language advertising: sociolinguistic aspect

Galyavieva Leisan Shagiakhmatovna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Foreign Languages, Kazan State Academy of Veterinary Medicine

35 Sibirskiy Trakt str., Kazan, 420029, Russia

✉ g-leysan@mail.ru

Karimova Anna Anatolevna

PhD in Pedagogy

Associate Professor, Department of Theory and Practice of Teaching Foreign Languages, Kazan Federal University

420008, Russia, Kazan, Kremlevskaya str., 18

✉ an.carimova2012@yandex.ru

Khasanova Oksana Vladimirovna

PhD in Pedagogy

Associate Professor, Department of Theory and Practice of Teaching Foreign Languages, Kazan Federal University

420 008, Russia, Kazan, Kremlevskaya str., 18

✉ oxana.khasan@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the topic of gender stereotypes and ways of their verbalization in language by the example of the aesthetic ideal of a modern woman in the texts of English-language advertising. The rapid development of feminism as a social and cultural phenomenon has been reflected in various types of discourse – from artistic to advertising. The redistribution of social roles between women and men caused, first of all, the transformation of the image of an ideal woman both at the level of external characteristics and at the level of the axiological paradigm of a woman's personality as a full-fledged member of society. The main means of constructing the concept of the "ideal woman" at the text level are keywords. The lexical and semantic analysis of the description of women in English-language advertising allowed us to make our own classification of the dominant components of the aesthetic ideal of a modern woman based on the theory of archetypes, which determines the novelty of the study. The most famous archetypes of ancient Greek goddesses are taken as a basis. It has been established that the modern English-language advertising text extrapolates four leading archetypes: "the seductress woman" (Aphrodite), "the hearth keeper woman" (Hestia), "the independent woman" (Artemis) and "the warrior woman" (Athena). The choice of an archetype is carried out according to the practical and social orientation of the advertised product. The perspective of the research is seen in the comparison of these archetypes with female images in Russian advertising discourse, taking into account the specifics of linguistic, cultural and sociolinguistic identity

Keywords: Hestia, Aphrodite, archetype, aesthetic ideal, gender stereotypes, gender, advertising text, English language, Artemis, Athena

References (transliterated)

1. Il'yasova S. V. Yazykovaya igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy / S. V. Il'yasova, L. P. Amiri. 3-e izd. Moskva: Flinta: Nauka, 2013. 294 s.
2. Groshev I. V. Reklamnye tekhnologii gendera // Obshchestvennye nauki i sovremenność', 2000. № 4. S. 172-187.
3. Gumerova A. A. Osnovnye tendentsii v razvitiu diskursa genderno-orientirovannoj reklamy v issledovaniyakh zapadnykh uchenykh. Vestnik Bashkirskogo universiteta, 2012. T. 17, № 3. S. 1350-1354.
4. Dobrosklonskaya T. G. Medialingvistika: sistemnyi podkhod k izucheniyu yazyka SMI (sovremennaya angliiskaya mediarech'): uchebnoe posobie. Moskva: Flinta: Nauka, 2008. 263 s.
5. Dudareva A. A. Reklamnyi obraz. Muzhchina i zhenshchina. M.: RIP-kholding, 2003. 222 s.
6. Kagan M. S. Chelovecheskaya deyatel'nost': opyt sistemnogo analiza. M.: Politizdat, 1974. 161 s.
7. Moshcheva S. V. Sposoby dostizheniya ekspressivnosti v reklamnom tekste: yazykovye i neyazykovye vyrazitel'nye sredstva: ucheb. Posobie. Ivanovo, 2008. 108 s.
8. Ogilvi D. Ogilvi o reklame: per. s angl. A. Gosteva i T. Novikovoi / D. Ogilvi. M.: Eksmo, 2013. 240 s.

9. Serdobintseva E. N. *Struktura i yazyk reklamnykh tekstov: uchebnoe posobie*. M.: Flinta, Nauka, 2014. 194 s.
10. Khasanova O. V., Karimova A. A., Zagidullina G. F. *Narrativ v mediadiskurse (na materiale russkogo i angliiskogo yazykov)* // *Kazanskii lingvisticheskii zhurnal*, 2022. T. 3, № 5. S. 369–378.
11. Yung K. G. *Analiticheskaya psikhologiya. Tavistokskie lektsii* / K.G. Yung-SPB.: Izd-vo. MTsNK i T-«Kentavr», 1994. 268 s.
12. Asemah Ezekiel S. *Audience perception of the portrayal of women in television advertising* / Asemah Ezekiel S., Edegoh Leo O. N., Ojih Emmanuel U. // *AFRREV LALIGENS: An International Journal of Language, Literature and Gender Studies*, 2013. № 2 (1). Pr. 21–37.
13. Blood S. *Body work: The social construction of women's body image* / Blood S. London: Routledge, 2005. 160 p.
14. Coleman R. *The becoming of bodies: Girls, media effects and body image* // *Feminist Media Studies*, 2008. № 8. Pr. 163–179.
15. Lindner K. *Images of Women in General Interest and Fashion Magazine Advertisements from 1955 to 2002* / Lindner K. // *Sex Roles*, 2004. № 51. Pr. 409–421.
16. Ofitsial'nyi sait zhurnala «Baby's and beyond». URL: <https://mediaxpose.co.za/babys-and-beyond-publication-page/>
17. Ofitsial'nyi sait zhurnala «Cosmopolitan». URL: <https://www.cosmopolitan.com/>
18. Ofitsial'nyi sait zhurnala «Elle». URL: <https://www.elle.com/>
19. Ofitsial'nyi sait zhurnala «Parents». URL: <https://www.parents.com/>
20. Ofitsial'nyi sait zhurnala «Shape». URL: <https://www.shape.com/>
21. Ofitsial'nyi sait zhurnala «Vogue». URL: <https://www.vogue.co>

Features of modern popular science discourse

Gavril Alesya Dmitrievna

PhD in Philology

Senior Lecturer, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA

✉ prostozachem@mail.ru

Gulyaeva Evgeniya Vyacheslavovna

PhD in Philology

Associate Professor, Head of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA

400078, Russia, Volgograd region, Volgograd, Herzen str., 10, room 407

✉ guevgenia@yandex.ru

Kompaneeva Liudmila Gennadievna

PhD in Pedagogy

Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA

400078, Russia, Volgograd region, Volgograd, Herzen str., 10, room 407

✉ kompaneyeva@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of modern popular science literature in order to identify some lexical and stylistic features, as well as to figure out the specificity of the methodology of nowadays scientific and popular information presentation. The authors pay special attention to studying of undeclared implicit discursive elements of popular science texts. Printed versions of books with a total volume of 196,6 conventional printing sheets serve as a material of the study. The analysis of the material showed that the authors of popular science books try to increase the degree of trust of the audience in a variety of ways, for example, by making the process of communication with the reader more intimate, by demonstrating the proximity to official academic community and by positioning the produced text as scientifically significant. One of the most typical phenomena that has been noted in the popular science texts is making some lexical units (including terms) hypersubjective in relation to the context (and their future use in a variety of situations) together with the creation of implicit ideological pressure, as well as with the persistent demonstration of the universality of these lexical units. In all the texts that have been analysed, the unobvious discourse-forming teleology is noted, which is a tool for soft promotion of meaning-forming and partly ideologically conditioned ways of understanding various facts. Typical of the analysed popular science literature is the presence of reduced argumentation with unjustified usage of the third-party axiomatics and the extension of the argumentation base to the interdisciplinary junction. The use of primitivized argumentation targeted for a dilettante philistine level is noted. It is not uncommon to omit the existing scientific and relevant links and patterns, or to interpret them in a way that does not contradict the information certainty projected in the text. It is also possible to note a distracting informational redundancy, which the authors of the article consider as one of the ways of splitting the text, deliberately created by the addressee of the text.

Keywords: primitivized argumentation, the effect of advance awareness, information certainty, the effect of transdisciplinary trust, unobvious discourse-forming teleology, hypersubjectivity, informal division of the text, undesirable discursive relationship, popular science discourse, mass audience

References (transliterated)

1. Kuz'minykh Zh.O., Krasil'nikova N.V. Nauchno-populyarnyi diskurs kak kommunikativnyi fenomen: sushchnost' i osnovnye kharakteristiki // Universum: filologiya i iskusstvovedenie: elektron. nauchn. zhurn., 2022, № 7(97) [Elektronnyi resurs]. URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/14077> (data obrashcheniya: 20.05.2023)
2. Kisilev A.Yu. Adresnye strategii v nauchno-populyarnom diskurse // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk, 2010. № 5. S. 762-765.
3. Tayupova O. I. Yazykovoi kod v nauchno-populyarnom tekste // Vestnik Bashkirskogo un-ta, 2012. № 4. S. 1812-1815.
4. Karasik V. I. O tipakh diskursa. Yazykovaya lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs : sbornik nauchnykh trudov pod redaktsiei V. I. Karasika, G. G. Slyshkina. Volgograd: Peremena, 2000. S. 5-20.
5. Doidzh N. Plastichnost' mozga. Potryasayushchie fakty o tom, kak myсли sposobny menyat' strukturu i funktsii nashego mozga [per.s angl. E. Vinogradovoi]. M.: izd-vo «E», 2017. 544 s.
6. Sokolov A. Uchenye skryvayut? Mify XXI veka. M.: Al'pina non-fikshn, 2022. 370 s.
7. Podymov L.I. Psevdonauka. M.: AST, 2018. 478 s.

8. Ionk R. Serdtse mashiny. Nashe budushchee v eru emotSIONAL'nogo iskusstvennogo intellekta. [per. s angl. E. Voronovich]. M.: Eksmo, 2019. 464 s.
9. Shermer M. Tainy mozga. Pochemu my vo vse verim. [per. s angl. U. SaptSinoi] M.: Eksmo, 2015. 560 s.
10. Kaku M. Budushchee razuma: per. s angl. M.: Al'pina non-fikshn, 2015. 502 s.
11. Bhardwaj P. Types of sampling in research. Journal of the Practice of Cardiovascular Sciences, 2019. №5. Pp. 157-63.
12. Baranov A. N. Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoreticheskie osnovaniya i praktika: uchebnoe posobie. M.: izd-vo Flinta: Nauka, 2013. 592 s.
13. Van Dijk T. Multidisciplinary Critical Discourse Analysis: a plea for diversity // Methods of critical discourse analysis / Edited by R. Vak and M. Meyer. Guildford, Surrey: Biddles Ltd, 2001. Pp. 95-121.
14. Machin D. and Mayr A. (2012). How To Do Critical Discourse Analysis. A multimodal introduction. Los Angeles: SAGE. 236 p.
15. Ziming L. Digital reading. Chinese Journal of Library and Information Science (English edition), 2012. Pp. 85-94.
16. Jeong H. A comparison of the influence of electronic books and paper books on reading comprehension, eye fatigue, and perception. The Electronic Library, 2012, Vol.30, №3. Pp. 390-408. <https://doi.org/10.1108/02640471211241663>
17. Druz'ya superuchenye (serial, 1 sezon) // Internet-servis «Kinopoisk» [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/949167> (data obrashcheniya: 10.03.2023)
18. Doronina I.M. Verbal'noe poglazhivanie v faticheskom obshchenii. Psikhologivsticheskii aspekt. Filosofiya v XXI veke: sotsial'no-filosofskie problemy sovremennoi nauki i tekhniki : Materialy I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 12 maya 2023 goda. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet, 2023. – S. 483-485.
19. Kuznetsova A.A. O sootnoshenii ponyatii «intimizatsiya rechi» i «dialogizatsiya rechi» (lingvopragmatischekii aspekt) Russian Linguistic Bulletin, 2023, №5 (41). DOI: 10.18454/RULB.2023.41.22
20. Podgornyi V.V. Fenomen ideologii v upravlenii sotsial'nym razvitiem obshchestva // Voprosy upravleniya, 2016. №2 (20). S. 13-24.
21. American Psychological Association. (1963). Ethical standards of psychologists. American Psychologist, 18(1), 56-60. DOI: 10.1037/h0041847
22. Gavrish A.D. Emotsional'naya i informatsionnaya izbytochnost' v sovremennoi mediakommunikatsii. Luchshaya nauchno-issledovatel'skaya rabota 2021 : sbornik statei XXX Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa (Penza, 28 fevralya 2021 g.). Penza : MTsNS «Nauka i Prosveshchenie». 2021. S. 57-61.

"Erast Krutolobov's Journey to Moscow and St. Petersburg in the 30s of the XIX century" by V. Novodvorsky as a parody of the sentimental narrative model of travelogue

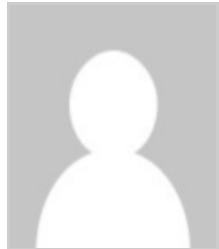
Konstantinova Natalia Vladimirovna

PhD in Philology

Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Methods of Teaching Literature at Novosibirsk State Pedagogical University

630126, Russia, Novosibirsk region, Novosibirsk, Vilyuiskaya str., 28, building 3

✉ scribe2@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is a parody text of the famous philologist, author of the fundamental monograph on the "Letters of the Russian traveler" N. M. Karamzin, V. V. Sipovsky (pseudonym – V. Novodvorsky), little known to a wide range of readers, "Erast Krutolobov's Journey to Moscow and St. Petersburg in the 30s of the XIX century" as a parody of the narrative model of travelogue. The purpose of the study is to determine the specifics of the description of the sentimental narrative model of the travelogue in the work of V. Novodvorsky (V. V. Sipovsky), to characterize the author's reflection on the way of organizing the narrative in a parody text about the journey. The theoretical basis of the research was the works of Yu. N. Tynyanov, A. Shenle, V. M. Gumin'sky, O. V. Kublitskaya, Yu. V. Shatin, I. V. Banach devoted to the theory of parody and the analysis of the narrative structure of parody travelogues. To understand the specifics of V.V. Sipovsky's parody of the sentimental narrative model of travelogue, the following research methods are used: biographical, structural-typological, historical-literary. The scientific novelty of the research lies in a special material that expresses the point of view of the author-philologist, researcher of the "Karamzin canon" in the genre of travelogue, which allows us to discover the "common places" of the sentimental tradition, significantly modified in the 30s of the XIX century under the influence of new literary trends. The analysis of the ways of self-expression of the writer-literary critic in the process of creating a parody reveals research reflection not only at the level of literary play, but also through modeling the narrative structure of the text, in which not only the stages of the journey of the protagonist, Erast Krutolobov, "the event of the journey" are parodied, but also the ambivalence of ideas about the "event of telling" about the journey is expressed, contrasted sentimental narrative model and realistic.

Keywords: methods of author's self-expression, research reflection, journey, author, Sipovsky, sentimental narrative model, travelogue, parody, XIX century, Novodvorsky

References (transliterated)

1. Banakh I. V. Struktura povestvovaniya v zhanre puteshestviya (na materiale russkoj literatury kontsa XVIII – pervoi treti XIX vv.). Grodno: Izd-vo GrGU im. Ya. Kupaly, 2005.
2. Brusilov N. P. Moe puteshestvie, ili Priklyucheniya odnogo dnya. SPb.: Imperatorskaya tipografiya, 1803.
3. Vel'tman A.A. Putevye vpechatleniya, mezhdu prochim gorshok gerani // Syn Otechestva. 1840. T. 1. S. 35-84.
4. Veselova A. Yu. Karamzinskii kod v romane V. V. Sipovskogo «Puteshestvie Erasta Krutolobova» // Slovo.ru: Baltiiskii aktsent. Seriya Yazykoznanie i Literaturovedenie. 2016. S. 65-73.
5. Veselova A. Yu. Roman V. Novodvorskogo (V.V. Sipovskogo) «Puteshestvie Erasta Krutolobova v Moskvu i Sankt-Peterburg v 30-kh godakh XIX stoletiya» i russkaya literatura XVIII–XIX vekov // Russkaya literatura. 2001. № 2. S. 107-115.
6. Gumin'skii V.M. «Pis'ma russkogo puteshestvennika» v kontekste razvitiya russkoi literatury puteshestvii // Literaturnyi zhurnal. 2017. S. 74-145.

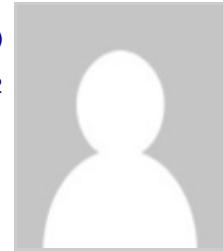
7. Dmitriev I. I. *Puteshestvie NN iz Parizha i Londona, pisannoe za tri dni do puteshestviya* // Dmitriev I.I. Poln. sobr. stikhhotvorenii. L.: Sovetskii pisatel', 1967.
8. K. G. Novyi chuvstvitel'nyi puteshestvennik, ili Moya прогулка v A** // Landshaft moikh voobrazhenii: Stranitsy prozy russkogo sentimentalizma / sost., avt. vstup. stat'i i primech. V.I. Korovin. M.: Sovremennik, 1990. S. 392–429.
9. Kublitskaya O. V. «Moe puteshestvie, ili Prikyucheniya odnogo dnya» Nikolaya Brusilova: traditsiya i parodiya v proze «massovogo sentimentalizma» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. T.15. Vypusk. 3. S. 663–667.
10. Makarov P. *Pis'ma iz Londona* // Landshaft moikh voobrazhenii: Stranitsy prozy russkogo sentimentalizma / sost., avt. vstup. stat'i i primech. V.I. Korovin. M.: Sovremennik, 1990. S. 500–516.
11. Mamurkina O. V. «Novyi chuvstvitel'nyi puteshestvennik, ili moya прогулка v A **»: spetsifika povestvovatel'noi struktury traveloga // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2015. № 6 (48): v 2-kh ch. Ch. II. C. 124–127.
12. Mamurkina O. V. «Pis'ma iz Londona» P. I. Makarova: travelog kak forma literaturnoi polemiki // V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii: sb. st. po mater. L mezhdunar. nauch.-prakt. konf. № 7 (50). Novosibirsk, 2015. S. 130–136.
13. Myatlev I. P. *Stikhhotvorenija. Sensatsii i zamechaniya gospozhi Kurdyukovoi*. L., 1969.
14. Novodvorskii V. *Puteshestvie Erasta Krutolobova v Moskvu i Peterburg v 30-kh godakh XIX stoletiya*. L.: Krasnaya gazeta, 1929.
15. Os'mukhina O. Yu. Spetsifika osmysleniya avtorskoj identichnosti v russkikh travelogakh 1830-kh gg. // Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Russkaya klassika: dinamika khudozhestvennykh sistem. № 4. 2017. S. 5–23.
16. Sipovskii V. V. *Bor'ba realizma i idealizma v russkoj literature XIX veka* // IRLI. F. 279 (Arkhiv V. V. Sipovskogo). Ed. khr. 65. L. 14.
17. Sipovskii V. V. Karamzin, avtor «Pisem russkogo puteshestvennika». SPb., 1899.
18. Tynyanov Yu. N. *Dostoevskii i Gogol' (k teorii parodii)*. Petrograd: OPOYaZ, 1921.
19. Chuvstvitel'noe puteshestvie v Sankt-Peterburg derevenskogo dvoryanina // Otechestvennye zapiski. 1826. № 27. S. 434-449; Otechestvennye zapiski. 1826. № 28. S. 250-272.
20. Shatin Yu. V. «Sensatsii i zamechaniya gospozhi Kurdyukovoi za granitseyu, dan l'etranzhe»: travestiya traveloga // Literatura puteshestvii: kul'turno-semioticheskie i diskursivnye aspekty: sbornik nauchnykh rabot / pod red. T.I. Pecherskoi. Novosibirsk: SITs NGPU «Gaudemus», 2013. S. 271.
21. Shenle A. *Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoj literatury puteshestvii 1790-1840*. SPb. : Akademicheskii proekt, 2004.
22. Yakovlev P. L. *Chuvstvitel'noe puteshestvie po Nevskomu prospektu*. M.: tip. S. Selivanovskogo, 1828.

Structural and semantic analysis of Russian and Chinese phraseological units with the numeral "three"

Lecturer, Russian Language Department, Lanzhou University (China)

730000, China, Gansu Province, Lanzhou, Tianshuinanlu str., 222

✉ yalishanda1966@vk.com

Efimenko Nikolai Aleksandrovich

Student, Department of Regional Studies, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p. 13

✉ efimenko200205@mail.ru

Abstract. This paper presents a comparative investigation of the metaphorical semantics of the numeral "three" in Russian and Chinese phraseological units (PU). The aim of the study is to identify similarities and differences in the meaning of the number "three" in these PUs and to determine the national peculiarities of their usage. The authors apply a lexico-semantic synchronous approach, focusing on the semantic analysis of the number "three" in terms of its metaphorical lexical meanings and lexical-syntactic groups indicating quantity. The study confirms that symbolic meanings of the number "three" in Russian and Chinese PUs sometimes coincide, yet there are distinct national specificities. In Russian PUs, the number "three" often carries the meaning of "more than the norm," reflecting the transition from ancient to modern linguistic worldview. In Chinese PUs, the meaning "less than the norm" is entirely absent, but the overall usage of the number "three" is more ambiguous, often serving to generalize similar characteristics. The research findings have practical implications for cross-linguistic communication and cultural understanding. The authors conclude that Russian PUs with the number "three" conveying the meaning of "more than the norm" are prevalent in contemporary speech, while those with the meaning of "norm" have become outdated. The analysis of evaluative language in Chinese PUs shows a preference for metaphors related to objects or concepts rather than groups of people. The study underscores the significance of cultural context in the analysis of the symbolic semantics of the number "three" in phraseology and demonstrates the potential of contrastive linguistics in better understanding linguistic peculiarities and cultural nuances.

Keywords: lexical-syntactic groups (LSG), metaphorical lexical meaning, numeral, numerals in language, phraseological units, structural-semantic analysis, evaluative language analysis, contrastive study, national worldviews, quantitative

References (transliterated)

1. Bol'shoi tolkovi slovar' russkogo yazyka / Sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov. – SPb.: «Norint», 2000. – 1536 s.
2. Val'ter Kh. Chislo *triv* russkoi i nemetskoi frazeologii (ot Troitsy do trekh gorshkov i Drei Kase) // Numerologia we frazeologii i paremiologii. Szczecin, 2017. C. 189–201.
3. Karasev A. B. Sakral'nal'neishie iz chisel i ikh znacheniya v idiomakh indoeuropeiskikh yazykov // Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya. – 2007. – № 11. – S. 125–130.
4. Kudryavtseva I. P. Izuchenie semantiki chisla v sostave frazeologicheskoi edinitsy // Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. – № 1(52). – S. 124–127.

5. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok. – M.: ZAO «OLMA Media Grupp», 2007. – 784 s.
6. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova / Rossiiskaya akademiya nauk. Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova. – 4-e izd., dop. – M.: OOO «A TEMP», 2006. – 944 s.
7. Poslovitsy russkogo naroda. Sbornik V. Dalya. V 2 t. T. 2. – M.: Khudozh. lit., 1989. – 447 s.
8. Tressider Dzh. Slovar' simvolov / Per. s angl. S. Pal'ko. – M.: FAIR-PRESS, 1999. – 448 s.
9. Tsaturyan M. M., Pilipenko L. M. Obrazno-simvolicheskie kharakteristiki chislitel'nykh one, two, three (odin, dva, tri) v angliiskoi i russkoi lingvokul'turakh // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov, 2017. – № 5 (71). – S. 165-170.
10. 李树红.略论汉语中含数词“三”的缩略语及其英译.甘肃高师学报,2004(01):61-63.
11. 梁滨.论《论语》《孟子》中数词“三”的虚与实.韶关学院学报,2012,33(01):111-114.
12. 刘欣格,许晋.数字熟语中“三”的语义及文化内涵.赤峰学院学报(汉文哲学社会科学版),2022,43(12):40-44.
13. 舒志武.数词“三”的文化意义分析.华南农业大学学报(社会科学版),2004(02):132-137.
14. 燕晓芳.文化翻译视角下汉语数词“三”的英译.吕梁学院学报,2015,5(06):27-30.
15. 阳萍.由先秦文学作品中数词“三”说开去.现代语文(语言研究版),2007(01):125-126.
16. 袁庆德.古汉语数词“三”的特殊意义与原始思维.大连大学学报,1991(01):147-148+128.
17. 张辉.熟语:常规化的映现模式和心理表征——熟语的认知研究之一.现代外语,2003(03):250-258+249.
18. 商务印书馆辞书研究中心. 新华成语词典. 北京: 商务印书馆,-2016.-1185页.
19. 黄成兰. 万条成语词典. 成都: 四川辞书出版社,-2017.-898 页.
20. 汉语大字典编纂处. 汉语成语词典. 成都: 四川辞书出版社,-2019.-807 页.
21. 知新辞书编委会. 中华成语词典. 郑州: 海燕出版社,-2017.-1002页.
22. 温端政. 中国谚语大辞典. 上海: 上海辞书出版社,-2011.-638 页.
23. 温端政. 常用谚语辞典. 上海: 上海辞书出版社,-2014.-542 页.
24. 马国凡. 谚语集锦. 呼和浩特: 内蒙古人民出版社,-2001 年.-393 页
25. 许嘉璐,袁贵仁,温端政,沈慧云. 通用谚语词典. 北京: 语文出版社,-2004.-310 页.
26. 姚铁军,姜心. 谚语词典. 上海: 上海大学出版社,-2006 年.-591 页.
27. 千篇国学A Thousand Essays on Traditional Chinese Studies [Elektronnyi resurs] URL: <https://chengyu.qianp.com/cy> (data obrashcheniya: 20.06.2023).
28. 北京大学语言研究中心汉语(现代/古代)语料库 [Elektronnyi resurs] URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (data obrashcheniya: 21.06.2023)

The idea of "luck" in Russian and Chinese cultures

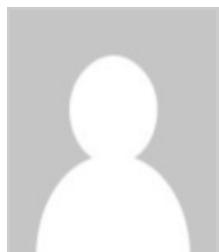
Golovanivskaya Mariya Konstantinovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Regional Studies, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p. 13

✉ Golovanivskaya@gmail.com

Efimenko Nikolai Aleksandrovich

Student, Department of Regional Studies, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p. 13

✉ efimenko200205@mail.ru

Abstract. The article examines the idea of "luck" in two linguistic worldviews – Russian and Chinese. The research is comparative, two linguocultures are compared. The description of each concept follows a clear algorithm: the etymology of the word is studied, the mythological roots of the idea are explored, its collocations are analyzed, and the material connotation, following V. A. Uspensky, is extracted from these collocations. This is followed by a comparison of dictionary definitions. The goal of the research is to identify the features of how this idea is represented in different cultures using the semantic field of the concept "luck" in Russian and Chinese languages. The comparison is aimed at revealing the similarities and differences in the worldview of different peoples. The scientific methods employed in this research include the comparative-historical method, the method of generalization, and the method of semantic analysis. It is important to note that this topic is considered underexplored, and previously, there have been no linguocultural studies that comprehensively analyze this idea within the context of Russian and Chinese cultures. This makes the research scientifically innovative. The results obtained from this research will significantly contribute to mutual understanding among nations and can be seen as a kind of conceptual bridge promoting better mutual understanding between representatives of different cultures. Furthermore, the findings can be useful in the development of courses in regional studies, comparative cultural studies, and in the teaching of relevant languages. Thus, this research has a wide range of applications in both scientific and educational fields.

Keywords: Chinese language, Russian language, comparative linguistics, cultural code, semantic analysis, luck, linguacultural studies, comparative analysis, linguistic picture of the world, word

References (transliterated)

1. Vezhbitska, A. Yazyk, kul'tura poznanie. M., 1996. S. 78-79.
2. Golovanivskaya M. K., Efimenko N. A. Predstavlenie o sud'be v russkoi, frantsuzskoi i kitaiskoi kul'turakh // Filosofskaya mysl'. – 2022. – № 10. – S. 35-53.
3. Dal', V. Tolkovyi slovar'. T. 1-4, M., 1955.
4. Mifologicheskii slovar'. M., 1991.
5. Putevoditel' po diskursnym slovam. M., 1996.
6. 北京语言学院语言教学研究所. 现代汉语频率词典. 北京: 北京语言学院出版社, 1986. 978页.
7. 汉语大词典. 上海: 上海辞书出版社, 2011年. 10080页.
8. 汉语大字典编辑委员会. 汉语大字典(第二版缩印本). 成都: 四川辞书出版社, 2018年. 2692页.
9. 汉语(现代/古代)语料库. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (data obrashcheniya: 19.12.2022).
10. 《礼记》·昏义. URL: <https://guoxue.httpcn.com/html/book/TBMEUYKO/MECQME.shtml> (data obrashcheniya: 11.12.2022)
11. 李学勤. 字源. 天津: 天津古籍出版社, 2013年. 1420页.
12. 三星高照之福星. URL: <http://www.cntv.cn/program/tsfx/topic/geography/C13587/20050207/100616.shtml>

- (data obrashcheniya: 4.12.2022).
13. 商务印书馆辞书研究中心. 新华成语词典. 北京: 商务印书馆, 2015年. 1185页.
 14. 武威历史上最早的寺院碑刻《凉州卫大云寺古刹功德碑》, 兼说大云寺与摩尼教(明教)的关系. URL: http://wtgl.gswuwei.gov.cn/art/2020/12/24/art_580_251527.html (data obrashcheniya: 28.11.2022).
 15. 郑春兰. 精彩汉字. 成都: 四川辞书出版社, 2018年.
 16. 中国社会科学院语言研究所. 新华字典(第12版). 北京: 商务印书馆, 2020年. 699页.

The Oriental context of the *topos* of the garden in Russian "Fin de siècle" poetry

Dyachenko Tatyana Anatolevna

Senior lecturer, Foreign Languages Department, Astrakhan State Medical University; Assistant, Russian Language Department, Astrakhan State Medical University

414000, Russia, Astrakhan region, Astrakhan, ul. Bakinskaya, 121, of. Astrakhan

 dyachenko_tatiana@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to identify the features of the functioning of the *topos* of the garden in the subject-spatial organization of Russian poetic texts of the 1880s-1890s with a vector to the exoticism of the East. The subject of the study is a garden in the oriental context of poems of the designated period. The object is lyrical works of Russian poets of the last two decades of the XIX century, focused on the eastern context. Particular attention is paid to oriental imagery, which is transferred to the sphere of the universal language of poetry, into which poets translate the subjectivist attitude to the transformation of the real world into an ideal one. The specificity of the material and the multidimensional nature of its consideration determined the general philosophical principles of historicism and consistency as a methodological basis. The research is based on the synthesis of historical-genetic, comparative-historical, functional, intertextual methods. The main conclusions of the study: 1) in the space of the oriental locus of lyrical works of the 1880s-1990s, the garden most often acts as cultural-specific units; 2) unlike the poets of the past decades, the authors of the "fin de siècle" era more often refer to Sufi symbolism itself. The novelty of the research lies in the fact that the poetic heritage of the Muslim East in the texts of the "epoch of timelessness" – pre-symbolism, as well as the initial stage of the symbolist trend, has not previously become the object of systematic research. According to E.A. Tahodi's fair remark, in the last three decades, Russian science has grown interest "in the figures of the "second row", in the epochs of transformation of traditional literary paradigms, including pre-symbolism," which remains the least studied page in the history of Russian literature of the XIX century.

Keywords: subject organization of poetic texts, presymbolism, cultural realities, oriental imagery, *topos*, muslim East, russian poetry, phytonym, oriental space, garden

References (transliterated)

1. Lokhvitskaya M. Sobranie sochinenii. V 3-kh tomakh. Tom 3. – M.: «Dmitrii Sechin», 2018. – 415 s.
2. Mify narodov mira: Entsiklopediya v 2 t. T.1. / Pod red. S.A. Tokarev. – M.: Sov. entsiklopediya, 1991. – 672 s.
3. Merezhkovskii D.S. Sobranie stikhovorenii. – SPb.: Folio-Press, 2000. – 733 s.
4. Sluchevskii K.K. Stikhovoreniya i poemy. – M. – L.: «Sovetskii pisatel'», 1962. – 468 s.

5. Khaiyam O. Rubai. Gazeli. – M.: Eksmo, 2012. – 544 s.
6. Fet A.A. Stikhotvoreniya. – L.: «Sovetskii pisatel'», 1959. – 899 s.
7. Krasman, V.A. K voprosu o spetsifike «nochnogo khronotopa» v evropeiskom romantizme // Molodoi uchenyi. – 2011. – № 5 (28). – T. 2. – S. 18–20.
8. Zhirmunskii V.M. Nemetskii romantizm i sovremennaya mistika. – Spb.: Axioma, 1996. – 230 s.